

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI  
TOIMETISED

---

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

---

731

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ:  
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Труды по философии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED  
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS  
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 73! ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.g.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ:  
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Труды по философии

ТАРТУ 1986

Редакционная коллегия

Г.Н.Блюм, Р.А.Вихалемм, В.В.Зибен, Э.Н.Лооне /ответственный редактор/, Я.К.Ребана, Л.Н.Столвич,

---

КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОНИМАНИЯ В ДЕТЕРМИНАЦИИ  
МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИОГРАФИИ

Э.Н. Лоане

§ I. За последние годы советские философы открыли для себя новую, то есть относительно неразработанную ими, категорию — "понимание"<sup>1</sup>. Само слово "понимание" в течение последних ста лет в философии истории успело стать техническим термином. Классическая концепция понимания в методологии историографии — и даже в общественном знании в целом — восходит к трудам немецкого историка Дройзена<sup>2</sup>, находившегося под сильным влиянием идей учеников Гегеля, и ко взглядам Дильтея<sup>3</sup>, обычно известным под названием "философия жизни". К этой же концепции примыкал Кроче<sup>4</sup>.

Согласно Дройзену и Дильтею, историк понимает людей прошлых эпох и их деятельность, когда он воспроизводит в себе их чувства и мысли, — другими словами, понимание рассматривается как определенный вид духовной деятельности. Понимающая деятельность в смысле Дройзена и Дильтея представляет собой интуицию, особый талант, однако эту интуицию можно в себе воспитать, а результаты интуитивного постигания следует доказать. В поведении человека, в событиях человеческой жизни — в человеческой истории — эти авторы различали внешнюю и внутреннюю стороны. Они указывали, что внешняя, материальная сторона деятельности выражает внутреннюю, идеальную жизнь и поэтому свидетельствует об этой жизни. Для них понимание истории было в принципе аналогичным пониманию других людей современниками последних. Мы в состоянии понимать историю, говорили они, точно так же, как мы в состоянии пони-

---

1. Примеры современных советских трактовок вопроса представлены в кн.: Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982.

2 Ср.: Droysen J.G. Grundriss der Historik. Leipzig, 1868.

3 О Дильтее см.: Прибавление № I в конце статьи.

4 Ср. напр.: Croce B. History as the Story of Liberty. L., 1941.

мать собеседника или произведение искусства. В этом смысле я понимаю исторического деятеля, если представив себе его ситуацию, я смогу мыслить, как мыслил он. Я понимаю художественное произведение, скажем драму, если во мне пробуждаются те же эмоции, значения, ценности, которые автор выразил в своем произведении.

Понимание в описанном смысле в зарубежной литературе обычно обозначается немецким словом "Verstehen", чтобы выразить техничность данного термина. Использование же, например, в англоязычных текстах слова "understanding", — если отсутствуют специальные разъяснения, — часто означает, что автор текста неполностью примыкает к классической концепции понимания.

Основатели классической концепции понимания делили науки по объекту на науки о природе и науки о духе. Выражениями типа "дух", "науки о духе", "дух народа" они пользовались не случайно. Для них дух не был метафорой. Дройзен, чей методологический труд был впервые опубликован в 1858 г., принадлежал к числу убежденных христиан, искренне верил в бога и признавал существование объективной духовности в смысле идеализма Гегеля<sup>5</sup>. Акме Дильтея пришелся на несколько более поздние годы XIX века, но и для него дух представлялся категорией субстанциальной. Естественно, открытый и откровенный идеализм Дройзена и Дильтея не должен помешать обсуждению ни того, что они называли пониманием, ни того, обозначает ли этот их термин какую-то часть реальности, ни того, занимаются ли историки или даже все обществоведы пониманием в их значении этого слова.

Сформулированная в трудах Дройзена и Дильтея деятельная концепция использования слова "понимание" не является единственной. Вот характеристика еще од-

---

5 В 1868 г. он еще либо не знал о Дарвине или об эволюции в органическом мире, либо считал разговоры об органической эволюции пустой выдумкой, не заслуживающей упоминания, поскольку принимал органическую природу всегда одинаковой. Ср.: Droysen J.G. Op. cit., S. 19 (§ 37).

ной концепции: "Старогегельянцы считали, что ими все по-  
н я т о, коль скоро подведено под ту или иную гегелевскую  
логическую категорию"<sup>6</sup>. Такая - старогегельянская или клас-  
сификационная - концепция существенно отличается от деятель-  
ностной. В классификационной концепции пониманием называ-  
ется установление принадлежности нового уже к известному, в  
деятельностной же пониманием является овладением новыми духов-  
ными действиями, обогащением духовной жизни понимающего. Ре-  
зультаты исследования в рамках классификационной концепции  
всегда "подтверждают" принятую сетку понятий. Результаты ис-  
следования в рамках деятельностной концепции приводят к до-  
полнению существующего мира мыслей и чувств новым мысленно-  
чувственным миром, а иногда еще и овладению понимающим новы-  
ми приемами духовной деятельности. В классификационной концеп-  
ции описание будет конкретным случаем часто весьма эмоциональ-  
ного применения уже существующих понятий понимающего, а но-  
визна результата состоит в том, что именно такой набор поня-  
тий именно в таком случае применен впервые. В деятельностной  
концепции описание будет "освоением", воспроизведением чу-  
жих чувств, понятий, рассуждений, к которому в необходимых  
случаях прилагается "перевод" на язык и в концептуальную систе-  
му<sup>7</sup> понимающего /традиционно считалось, что такое освоение  
возможно вследствие общих способностей духа в разных индиви-  
дах/. Деятельностная концепция в качестве цели утверждает ре-  
ферирование, классификационная - переименование<sup>8</sup>.

Среди сторонников противопоставления историографии нау-  
кам<sup>9</sup> в немарксистской философии истории XX века наибольшее

6 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.17.

7 "Концептуальная система - непрерывно конструируемая система информации /мнений и знаний/, которой располагает индивид о действительном или возможном мире". См. Павиленис Р. И. Проблема смысла. М., 1983, с.280.

8 Понятно, что последняя фраза представляет собой понимание двух парадигм идеалистической философии в духе классификационной концепции, и тем самым понимание классификационной концепции в духе деятельностной концепции.

9 Можно противопоставлять историографию всем наукам, в том

распространение получила деятельностная концепция понимания, однако в несколько измененном виде. Р.Дж.Коллингвуд принял различие внешней и внутренней стороны событий или действий и требование в качестве цели познания реконструировать, воспроизводить эту внутреннюю сторону. Но Коллингвуд осознавал, что рефлексивно можно воспроизвести, воссоздать, переиграть /re-enact / мысль, но не чувства, и вся его "Идея истории" посвящена воспроизведению прошлой мысли.

Аналитико-логическое развитие коллингвудовского варианта концепции понимания имело место в исследованиях действия такими философами как, например, фон Вирт и Нурденфельт<sup>II</sup>. Выделяемые ими логические компоненты действия как системы /например, осознание среды, измерения, принятие решения, мотивы решения, само действие/ представляются одновременно методологией изучения отдельного действия, которая сохраняет дуализм внешнего и внутреннего и рассматривает внешнее как результат внутреннего. По-видимому, ситуационная логика Поппера<sup>II</sup> /возникшая несколько раньше/ и особенно

---

числе и наукам об обществе, например, экономической науке или социальной психологии. Можно противопоставлять все виды исследований об обществе исследованиям природы, и та и другая "оппозиция" встречаются в литературе. Но можно вообще не противопоставлять исследование общества исследованию природы.

ЮWright G.H.v. Explanation and Understanding. L., 1971. Nordenfelt L. Explanation of Human Actions. Uppsala, 1977.

Значительно меньший интерес представляет, например: Olafson F.A. The Dialectic of Action: A Philosophical Interpretation of History and the Humanities. Chicago-London, 1979.

<sup>II</sup> Хотя эти мысли Поппером развивались и раньше, более подробно о них см.: Popper K.R. Die Logik der Sozialwissenschaften. - In: Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied - Berlin, 1969, SS. 103-123. Сравнение Поппера и Коллингвуда см.: Dussen W.J.van der. History as a Science: The Philosophy of R.G.Collingwood. The Hague, 1981, pp.343-350.

принцип рациональности в теории действия И. Парна<sup>12</sup> некоторым образом преодолевают данную концепцию, хотя и не до конца.

В отличие от Дройзена и Дильтея, Коллингвуд не причислял историографию к наукам, а рассматривал ее как самостоятельную автономную форму познания. Результаты современных теорий действий в некотором смысле возвращают нас к исходному положению. Логика, то есть формализованные способы рассуждения, остается единой. Но при изучении человеческого действия применяются одни множества логических форм, а при объяснении падения материальных тел под влиянием гравитации — иные множества из того же единого арсенала логических средств, форм и приемов. И ничто не исключает возможности пересечения этих множеств. Однако каковы бы ни были различия между указанными авторами, основанием действия для них всех служит духовное, а понимание действия — это выяснение внутренней, духовной стороны действия /установление мотивов, намерений, целей, решений и т.п./ в некоторой данной среде — вполне в духе классической концепции понимания.

Классификационная концепция понимания в качестве средства изучения историографии в немарксистской философии истории XX века наиболее ярко представлена "Метаисторией" Хейдена Уайта<sup>13</sup>. Свою понятийную сетку Х. Уайт извлекает не из трудов Гегеля, а из структурализма и традиционной теории риторики. Поскольку Уайт не признает познаваемость общественной жизни, то он отказывает историографии в статусе исследовательской дисциплины и рассматривает ее только как способ разговора /"discourse"/<sup>14</sup>, наподобие литературы или философии<sup>15</sup>. Подобный исходный тезис делает, конечно, недоказуемыми все утверждения самого Х. Уайта о любых текстах, однако этого противоречия в глубинной структуре своих рассуждений Х. Уайт не замечает.

---

<sup>12</sup> Pörn I. Action Theory and Social Science: Some Formal Models. Dordrecht-Boston, 1977.

<sup>13</sup> White H. Metahistory: The Historical Imagination in

<sup>14</sup> Nineteenth-Century Europe. Baltimore-London, 1973.

<sup>15</sup> Последнее утверждение близко к точке зрения Альтюссера и находится также в русле ревизионистских толкований Альтюссера в англоязычной литературе.

Концепция Х. Уайта имеет поклонников, но не стала общепринятой. Огромное большинство историков убеждено, что они ведут познавательную деятельность, а не занимаются классификацией. Эту уверенность многие историки совмещают с признанием, что при оформлении своих результатов они создают нечто на пересечении науки и литературы. А философы-аналитики по характеру своего метода вынуждены следовать за историками. В настоящей статье классификационная концепция понимания изучаться не будет.

**§ 2.** До сих пор мы говорили о значениях, придаваемых различными мыслителями слову "понимание". Но какое понимание "понимания" является правильным? Что значит "понимание" само по себе, вне зависимости от разных концепций?

Сами по себе слова ничего не означают. Слов самих по себе нет. Сами по себе имеются листы бумаги, замазанные определенным способом краской, или же некоторые колебания воздуха /обычно называемые звуками/. Звукосочетания и цветосочетания превращаются в слова и тексты людьми. В ходе деятельности, творящей язык, люди приписывают референты и классы референтов некоторым звукосочетаниям, которые таким образом становятся именами<sup>16</sup>. Выражение "понимание" не означает ничего иного, чем то значение — или те значения! — которые ему приписываются языковой деятельностью людей. Гегель мог по этому поводу думать иначе, но автор этих строк не гегельянец, а марксист<sup>17</sup>.

Мы можем выяснять, как обычно применяется слово "понимание" в обиходном языке и как — в технических языках. В ходе такого выяснения задают вопрос, к элементам какого

---

16 Конечно, язык не сводится к словарю языка, а словарь — перечню имен.

17 Ср.: "На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей в виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже не отличают на опыте от остального внешнего мира". Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера "Учебник политической экономии" /2 издание/ т. I /1879/. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. I9, с. 377.

множества это слово применяют. Если речь идет об обобщенных языках, то соответствующие вопросы следует задавать отдельно в отношении русского слова "понимание", английского "understanding", немецкого "verstehen", эстонских "mõistmine, aru saamine"<sup>18</sup>... Кстати, в английском языке Ирвинг Ли установил с е м б обычных значений слова "understanding"<sup>19</sup>.

Способы реального употребления отдельных слов выясняют в лингвистических исследованиях. Подобное выяснение имеет отношение к философии, может быть условием философии, но само по себе не составляет философии. Целью настоящей статьи не является установление реального обычного употребления слова "понимание", хотя при установлении обычного технического значения этого слова возникли некоторые трудности<sup>20</sup>.

Где-то на грани филологии и философии находится область "терапии" языка в целях "терапии" мышления. Зная, как обычно употребляется некоторое общее имя, можно выяснить, применимо ли это имя для обозначения выделенной иным способом референтной области. За рассмотрением фактического положения дел следует рекомендация: стоит ли это слово применять для обозначения данных явлений. Заметим, что для философа отрицательной рекомендации недостаточно, ибо в задачи философии входит и создание новых понятий.

При терапии исходят из диагноза — из выяснения фактического положения дел. Поэтому настоящая статья началась описанием реальной традиции технического применения слова "понимание". Для ответа на вопросы об историческом понимании следует еще знать, что имеется в виду под "историей" и "историческим". Подробно и систематически это рассматривалось автором данных строк ранее<sup>21</sup>. Здесь стоит указать на два об-

---

18 В общем виде эта проблема превосходно рассматривалась в: Робане Я.К. О влиянии языка на категориальную структуру мышления.—Уч.зап. Тарт.ун-та, 1968, вып.212, с.54-63.

19 Lee I.J. Why Discussions Go Astray. — In: The Use and Misuse of Language. Greenwich(Conn.), 1966,

20 Ср.напр.: Martin J.R. Another Look at the Doctrine of Verstehen. — British Journal of the Philosophy of Science, vol.20 No.1 (1969). Bourgeois W. Verstehen in the Social Sciences. — Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie, Bd.VII, Nr.1 (1976).

21 Лосна Э.Н. Современная философия истории. Таллин, 1980, с.75-135.

стоятельства:

/1/ Историографию нельзя отождествлять со всем обществоведением. Общество изучается экономической наукой, социологией, политологией, социальной психологией и т.п. Может быть, существуют еще экономические, политологические, социологические, социалпсихологические "понимания"! Может быть, точно так же существуют законы экономики, политики, общественной психики, общественных систем в целом. Особа говорить об истории и историческом имеет смысл лишь тогда, когда история и историческое не сводимы к остальным частям или системам общества и, соответственно, когда историография не сводится к остальным обществоведческим "гуманитарным" дисциплинам. Поэтому, когда ниже речь будет идти о понимании в историографии, то соответствующие утверждения не могут быть распространены на остальные отрасли обществознания без дополнительного на этот счет исследования.

/2/ В качестве одного из особых /присущих только ей/ признаков историографии будет приниматься наличие в ней предпосылки качественного различия<sup>22</sup>, что не исключает наличия в ней и иных отличительных черт. Важную роль в последующем рассмотрении будет играть также идея о прошлости того, что изучается историками. Дело в том, что как бы ни была важным признание свободы воли при рассмотрении человеческих действий в настоящем, в отношении прошлых действий этот вопрос во многом снимается. Прошлые решения, даже свободные решения, уже приняты. Юлий Цезарь больше не может перерешить вопрос о том, стоит ли ему идти походом на Рим. Поход его состоялся.

§ 3. Что значит "исторически понимать чувства?" Согласно классической концепции понимания, это значит достигнуть "сопереживания", переживания некоторой ситуации таким же образом, каким ее до понимающего пережили другие. Объект

---

22 См.: Доуне Э.Н. Ук.соч., с.127-129. Loone E.N. The Presumption of Qualitative Difference in History and In Social Sciences. - In: Logic, Methodology and Philosophy of Science. Sections 6,8-13. Moscow, 1983, pp.172-175.

чувств должен быть или снова дан или же восстановлен в восприятии. Поскольку "чувственный мир" иных времен и людей может отличаться от чувственного мира понимающего, то последнему следует вызывать понимаемые переживания на фоне других переживаний, аналогичных прошлым чувствам.

Что значит "исторически понимать мысли"? Согласно классической концепции понимания это значит - научиться самому думать так, как думал автор понимаемых мыслей, проиграть, переиграть его рассуждения в своем уме, овладев при этом его способами мышления. А такие способы, следует предполагать, могут в чем-то отличаться от обычного для понимающего способа мышления. Понять Евклида - это значит научиться доказывать теоремы Евклида способами Евклида. Понять Аристотеля - это значит научиться рассуждать как Аристотель. Стоит заметить, что в большинстве случаев для исторического понимания мыслей необходимо знать язык и концептуальные системы того человека, чьи мысли собираются понимать.

Что значит "исторически понимать события прошлого людей"? События не мыслят и не чувствуют. Но события жизни людей часто являются действиями людей. Понять событие - это значит восстановить намерения и мысли людей, действовавших в определенных условиях. Понимание событий относится не к самим событиям, а к лицам, стоящим "за" событиями. В этом смысле допустимо говорить о "внутренней" стороне событий.

Что значит "исторически понимать людей прошлого"? При понимании событий мы имеем дело с людьми, но с людьми в определенной ситуации. Каждый человек входит во многие ситуации - от рождения до смерти. Понять человека - это значит создать его биографию, биографию как всех "внешних" событий, так и его "духа", "идеального" аспекта существования. Понять человека прошлого значит пережить вторично его чувства и мысли - от первых проблесков сознания у младенца до последних предсмертных чувств и мыслей.

Однако в истории мы имеем дело не только с отдельными лицами, но и с коллективными образованиями - с народами, условиями, классами, армиями... Выражение "дух народа" представляет собой дустую фантазию, если имеется в виду самостоятельное существование такого духа наряду со всеми от -

дельными мыслями всех отдельных людей данного народа. Но если иметь в виду общие идеи или чувства нескольких лиц в определенной эпоху, то это выражение получит рациональный смысл, естественно, оставаясь метафорическим выражением<sup>23</sup>. В каждую эпоху в каждом регионе имеются общераспространенные способы мышления, соединенные с общераспространенными представлениями в кусочки мирознания — мировоззрения, мироощущения, картины мира... Эти образования служат фоном духовной деятельности отдельного лица, даже когда она своим творчеством изменяет этот фон, ибо тогда понятие его творчества означает понятие я, из-за чего и для чего он изменил "дух своего времени".

Понимать не значит одобрять. Понимать, почему некоторые люди прошлого содействовали инквизиции, не значит одобрять этих людей или саму инквизицию. Люди определенных условий и определенного мировоззрения имеют в своем распоряжении ограниченное количество возможностей при выборе линии поведения. Так, для реакционеров естественно противиться дальнейшему развитию общества, но понимание действий реакционеров отнюдь не влечет за собой одобрения их действий. Понимание противника облегчает военачальнику достижение успехов, а отнюдь не вызывает в нем желания бежать к противнику. Одобрение и осуждение остаются в компетенции "судьи" — исследователя, который и понимает и одобряет или осуждает понятие.

Что значит "понимать законы истории"? Ничего не значит. В классическом значении выражение "понимать" неприменимо к законам общественной жизни. Законы истории не мыслят и не чувствуют. Они не порождаются мыслями и чувствами таким же образом, как действия /а посредством действий — события/. Аналогично законам природы, законы истории можно знать, или не знать<sup>24</sup>. Понимать можно формулировки законов в науке —

---

23 Философские проблемы метафоры исследованы в кн. Жоль К.К. Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984. К глубинным структурам обоснования предшествующих рассуждений особое отношение имеют с. 255—271 ук. сочинения.

24 Выражение "непонимание законов истории" осмыслено, если оно употребляется как тождественное выражению "незнание законов истории".

законы экономической науки, законы социологии, законы исторической науки, законы науки физики... Знание закона общественной жизни как закона включает в себя понимание данной учеными формулировки закона. Но понимание словесной формулы о процессе в данном случае не тождественно пониманию самого процесса. Впрочем, сторонники концепции наук о природе и наук о духе обычно не признавали законов общественной жизни<sup>25</sup>. Несомненно, если придавать слову "понимание" иные значения, то среди них может оказаться такое, которое будет служить оправданием выражения "понимать законы истории". Но тогда понимание не будет употребляться в смысле классической действительностной концепции понимания. Другое дело, что необходимо понимать жизнь обществ, законы "движения" которых мы стремимся открыть. Маркс знал и понимал капитализм своего времени, поэтому /наряду с прочими причинами/ ему и удалось создать теорию капитализма.

§ 4. Когда некоторые мыслительные или чувственные образования выдвигают как понимание каких-то иных духовных образований, то имеется в виду, что эти мысли или чувства являются адекватным воспроизведением /повторением/ некоторого оригинала. Но истинность утверждений или соответствие чувственных представлений представляемому в них может оказаться случайной. Чтобы добиться уверенности в понимании, необходимо доказать его правильность. Имеются ли доказательные способы выработки понимания? Имеются ли доказательные способы получения знания в виде понимания? Достижимо ли понимание?

---

25 К. Маркс писал: "Конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества", и добавил: "Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс". См.: Маркс К. Предисловие к первому изданию "Капитала". - В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10. Эти слова не оставляют сомнения, что Маркс признавал существование законов общественной жизни и стремился их открывать. Я полагаю, что нельзя быть сторонником Маркса и отвергать эти его положения.

Следует различать способность метода доставлять результаты и наличие условий применения метода. Когда мы говорим, что нечто является познаваемым, то мы утверждаем только, что может найтись метод познания этого нечто. Когда же мы утверждаем, что нечто непознаваемо, то мы говорим, что никогда не может быть найден метод получения знаний об этом нечто /"вещи в себе"/. Когда у нас отсутствуют условия применения метода, то метод бесполезен. Понимание опирается на наличие данных — историки часто говорят об "источниках", иногда — о "свидетельствах". Данные для изучения звуковой сигнализации и значения жестов неандертальцев или австралопитековых у нас пока не имеется. Данными для понимания мыслей Аристотеля служат записи его мыслей в его произведениях. С пониманием Сократа /не Платона! / начинаются трудности, аналогичные трудностям понимания жестов неандертальцев. В случае, скажем, Фалеса эти трудности становятся всею ма большими.

Иногда философствующие люди думают лишь в пределах оппозиции: "абсолютное понимание — абсолютное непонимание". Поскольку абсолютное понимание сомнительно, то в этой сетке понятий неизбежно приходится принимать второй выход — абсолютное непонимание. Тогда, конечно, не будет смысла в устном или письменном обращении к другим людям, ибо ни один читатель или слушатель никогда не поймет автора! ...

Выход из тупика коммуникативного солипсизма является вывод о негодности указанной понятийной сетки. Ее можно заменить другой: "абсолютное /полное/ понимание ... частичное /относительное/ понимание ... непонимание" /"... " обозначает плавность перехода<sup>26</sup>. В такой сетке частичное понимание будет отличаться от непонимания, причем редукция к двухчленной сетке не допускается, и всякая попытка редукции будет свидетельствовать о непонимании данной понятийной сетки — в смысле классической концепции понимания. Когда ниже

---

26 Приведенная трехчленная структура является применением к нашей теме терминологии В.И.Ленина по поводу знания в "Материализме и эмпириокритицизме"/"абсолютная истина ... относительная истина"/.

будет решаться задача достижимости понимания, то она будет считаться решенной положительно, если выяснится возможность по крайней мере частичного /относительного, ограниченного в некотором отношении, некоторой задачей и т.п./ понимания.

В состоянии ли мы понимать других людей? Если не в состоянии, то об историческом понимании рассуждать не стоит.

Весь опыт свидетельствует, что относительное понимание других людей достижимо. Можно научиться применять теоремы математики для решения математических задач. Можно договариваться о встрече, о времени и месте встречи без особых сомнений в том, что другая сторона не поймет наши предложения.

Можно ли понимать исторически? Можно ли понимать людей, говорящих на иных языках, живущих в иных условиях? На этот вопрос я отвечаю утвердительно. В отношении современности достижимость такого понимания некоторыми людьми можно проверить эмпирически. Люди могут научиться думать — и говорить, и писать — на нескольких языках. Люди могут научиться жить в нескольких разнотипных обществах /имея соответствующую подготовку/ и устанавливать разумные контакты с членами таких обществ /при наличии желания/. Делать это можно именно путем "вживания в образ", "в роль" человека понимаемого общества. Несомненно, можно жить в некотором обществе и не понимать его жизни, а только знать определенные "внешние" стороны этой жизни. Но в данном случае предполагается и желание понимать и владение хотя бы выработанной историками техникой понимания.

Достижимо ли историческое понимание чувств людей прошлого? Ответ на этот вопрос должен в большей части оставаться отрицательным. Наличие определенных чувств у историка в результате осмысления им данных источников не служит ведь доказательством наличия тех же чувств у исследуемого<sup>27</sup>.

<sup>27</sup> Критику классической концепции понимания с точки зрения современной психологии см., напр.: Laucken U. Verstehen gegen Erklären. Nekrolog auf einen Gegenstaz. - Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie, Bd. VII, Nr. 1 (1976).

Фон возникновения чувств лиц, живущих в разных культурах, восстанавливается с трудом, да и в случае успеха реконструкции сомнительно, может ли этот интеллектуально постигаемый фон вызвать у историка чувства, аналогичные чувствам исследуемого времени. Можно знать об этих чувствах иными способами, чем понимание-как-метод. Можно, насколько позволяют данные, проводить историко-психологические исследования, но, как уже указывал Коллингвуд, это - не понимание в классическом смысле слова<sup>28</sup>. Не всякое знание чувств является пониманием чувств.

Несомненно, чувства фиксируют при помощи произведений искусства. Я вполне допускаю возможность пробуждения ими в хомо сапиенсах чувств, зафиксированных хомо сапиенсами, при условии достаточного владения чувственным фоном и при условии отсутствия экзотического любования соответствующими произведениями /сознательно экзотика создается в пределах туристской индустрии/. Я не утверждаю абсолютную историческую непонимаемость чувств прошлых людей.

Достижимо ли историческое понимание мыслей людей прошлого? Да, достижимо. С некоторых пор люди научились создавать средства фиксации мыслей, позволяющие хранить мысли вне мозгов человеческих индивидов - системы письма /или иной записи/. При условии владения языком и письмом эти мысли можно воспроизводить<sup>29</sup>. Условие овладения неродным языком само по себе явно принадлежит к числу выполнимых.

Далее, требуется овладение концептуальной системой исследуемого человека /исследуемых людей/. В принципе это возможно. Можно научиться думать по-платоновски, по-томистски, по-гегелевски. Можно научиться думать в духе лингвистического анализа, не обучавшись в Оксфорде и Кембридже<sup>30</sup>. Специфическая

28 Ср.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. - В кн.: Идея истории: Автобиография. М., 1980, с. 165-168.

29 Сами понимаемые мысли могут быть иллюзиями, заблуждениями и даже ложью. Вызванные этими свойствами трудности понимания также могут быть иногда преодолимыми.

30 Это доказывается путем экспертной оценки. Пример такой оценки см.: Gellner E. Along the historical highway. - Times Literary Supplement, 16.03.1984.

трудность состоит в том, что овладение концептуальной системой требует языкового опыта<sup>31</sup>. В отношении прошлого получение такого опыта ограничено сохранившимися остатками вещественного мира, поэтому отчасти он должен быть заменен представлениями /знаниями/ об опыте. Результатом является меньшая достоверность, но результатом не является отсутствие достоверности утверждений о прошлом.

Понимание мыслей является знанием мыслей. Но понимание мыслей не является всем существенным знанием по поводу мыслей. Мы можем соглашаться и не соглашаться с понимаемыми мыслями, мы можем смеяться над ними или радоваться им, мы можем сравнивать их с другими мыслями, классифицировать, изучать развитие одних мыслей в другие. Однако пока мы не понимаем классифицируемые и т.п. мысли, мы еще не изучаем эти мысли. Понимание является необходимым условием знания мыслей и необходимой частью такого знания<sup>32</sup>.

Достижимо ли историческое понимание событий прошлого людей? Да, в некоторых случаях такое понимание достижимо. Коллингвуд в "Идеи истории" дал образец процедур получения понимания событий как результата действий людей<sup>33</sup>. Кстати, те же методы используются в судебных разбирательствах. От действий допустимо заключать к решениям действующих лиц, а в некоторой степени и к их целям, мотивам и т.п.

Так, можно показать, что к моменту принятия Цезарем решения перейти через Рубикон /начать гражданскую войну/ обстоятельства сократили его выбор до двух возможностей: либо воевать, либо сдаться. Поскольку наличные его силы в тот момент были относительно небольшими, то принятие Цезарем решения, вероятно, не было легким.

31 Ср.: Павленко Р.И. Ук.соч., с.100-120, 209-210, 263.

32 Недостатком стандартного в нашей стране вузовского учебника по истории философии для нефилософских специальностей является именно отсутствие в нем текстов, фиксирующих понимание учений, которые характеризуются в нем, например, с точки зрения основного вопроса философии. Результатом становится недоказанность изложения.

33 Коллингвуд Р.Дж. Цит.соч., с.237-238.

При рассмотрении того же события можно ограничиться рассказом /"нарративом"<sup>34</sup>/ об обстоятельствах и действиях, включая способы мышления, без спекуляций о доподлинных мыслях Цезаря. Такой вариант классической концепции понимания в свое время предложил Гэлли<sup>35</sup>. Кстати, в советской литературе представлены оба варианта, первый - в приложениях М.М.Покровского к переводу "Записок" Цезаря, второй - в труде Н.А.Машкина по истории Рима<sup>36</sup>.

Не всегда события являются результатом действия умных людей. Иногда короли и министры обладали меньшими мыслительными способностями, чем изучающие их позже историки. Иногда короли и министры были просто глупыми или даже душевнобольными. Люди не всегда действовали рационально. Заключение от действия к предшествовавшей мысли предполагает известную/в данных обстоятельствах/ рациональность. Понимание событий приводит в основном к восстановлению рационального мышления за действиями, если об этом мышлении отсутствуют иные свидетельства. Поскольку, однако, даже рациональных решений может быть несколько, то понимание событий не дает нам уверенного знания об индивидуальных мыслях.

Люди действуют не в одиночку. В письменную эру от действий коллективов сохраняются в некоторых случаях внешние фиксации их духовной жизни. Правительства /короли/ переписываются со своими генералами, послами, разведчиками. Думы отдельного человека труднее установить, чем мысли, обращающиеся между людьми. Понимание событий как результата коллективной деятельности может стать более доказанным, чем понимание действий отдельных лиц.

Для классической концепции понимания естественно напрашивается вывод - понимание представляет собой более глубо-

<sup>34</sup> Нарратив исследован в: Порк А.А. Проблема нарратива в англо-американской буржуазной методологии истории. Канд. дис. д-ра филос.наук. Вильнюс, 1976.

<sup>35</sup> Gallie W.B. *Philosophy and the Historical Understanding.* N.Y., 1964.

<sup>36</sup> Ср.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М.-Л., 1948, с.461-501. Машкин Н.А. История Древнего Рима. М., 1947, с.304-309.

кое знание, чем знакомство с "внешней" стороной события. Пока думают, что события и действия тождественны мыслям, стоящим за ними, такой вывод оправдан. Но действия и результаты действия определяются не только мыслями, но и способностью проводить эти мысли в жизнь, и свойствами средств действия. Убивает человека не намерение убивать, не решение убивать, не знание, скажем, об огнестрельном оружии, о пуле, о выстреле, и о смерти. Убивает пуля, которой выстрелили из дула пистолета или ружья. Результат войны зависит не только от храбрости и даже не только от военного искусства, но и от вооружения сторон. Когда речь идет о цепи событий, то мы имеем дело не только с действиями, а с результатами этих действий. Значит — знание о событиях, и особенно о цепях событий несводимо к их пониманию в смысле классической концепции понимания.

Достижимо ли понимание жизни людей<sup>37</sup>? Дройзен сводил жизнь к нравственной деятельности. Дильтей рассматривал жизнь как духовную деятельность /и, по-видимому, предпочитал эстетическую деятельность всем иным видам духовной жизни/. Эту часть жизни людей можно доказательно и исторически понимать при наличии ее фиксаторов. Однако жизнь людей — это и производство хлеба, и "производство" романов. Когда люди умирают от голода, то их жизнь обеспечивается не романами, не решениями, а хлебом. Общество, которое не может произвести для своих членов достаточно продуктов питания, погибнет вследствие быстрого или медленного вымирания своего населения — если не достанет продукты питания у других обществ, например, путем грабежа или путем обмена на иные продукты, которыми оно обладает, или же путем получения подарков от других обществ<sup>38</sup>. Для знания жизни общества необходимо понимать, как такое общество думало, но это не исчер-

---

37 Задача о достижимости понимания жизни отдельного человека решается на основании изложения, данного при рассмотрении вопросов о достижимости понимания событий и людей. Несомненно, что такое понимание остается относительным, ибо до сих пор отсутствует достаточные свидетельства о "внутреннем" /и не только духовной жизни двухнедельного ребенка! /.

38 Если продают продукты экстрактивной промышленности, то это является выходом при условии, что сырье не кончится до налаживания собственного сельскохозяйственного производства.

дывает знания о ней<sup>39</sup>.

Жизнь людей состоит не только из удач, но и неудач. Знание, почему не удалось превратить намерения в действительность, требует понимания намерений, но не может ими ограничиваться. Неудачи — как и удачи — обуславливаются не только конфликтом воли, но и материальными обстоятельствами. Опять-таки: понимание само по себе не дает наиболее глубокого знания, но является частью знания.

§ 5. В пределах исторического познания процессы понимания имеют место на реконструктивной ступени познания, а понимание-как-результат принадлежит к реконструктивному уровню исторического знания<sup>40</sup>. Весь реконструктивный уровень исторического знания и вся реконструктивная ступень исторического познания не исчерпываются пониманием /в классическом значении этого термина/, поскольку действия, события связаны между собой не только в мыслях действующих лиц, но и материально, например, физическими или экономическими последствиями /на что уже указывалось в § 4/.

Понимание было одной из наиболее существенных процедур и целей познания в немецкой историографии XIX века, особенно в так называемом немецком историзме. Сила классической концепции понимания в том и состояла, что она опиралась на реальную "практику" историков-профессионалов. К концу XIX века этот способ исследовать историю и писать об истории стал казаться недостаточным даже многим немецким историкам<sup>41</sup>.

---

39 Прекрасный марксистский пример учета обоих факторов при исследовании общества можно найти в кн.: Рюде Дж. Народные низы в истории. М., 1984.

40 Понятие "реконструктивное" употребляется в значении, введенном в кн.: Лооне Э.Н. Современная философия истории, с. 89-97.

41 Недостаточность методологических основ традиционной немецкой историографии как философское исходное условие спора о методе среди немецких историков XIX в. обстоятельно рассматривалась в кн.: Viikari M. Die Krise der "historistischen" Geschichtsschreibung und die Geschichtsmethodologie Karl Lamprechts. Helsinki, 1977.

Джейн Мартин справедливо указала, что в процессе школьного или вузовского обучения истории понимание в классическом смысле должно являться одной из целей учебн<sup>42</sup>. Этот же вывод следует из рассмотрения понимания как метода реконструктивной ступени исторического познания.

Как уже указывалось в § I, классическая деятельность — ная концепция понимания разрабатывалась в качестве обоснования одного из учений о двойственности познания<sup>43</sup>. В этих целях производилась абсолютизация понимания, т.е. понимание рассматривалось как единственная специфическая и поэтому сущностная характеристика исторического познания. Такая аргументация посредством идола специфики является некорректной /см. Прибавление № 3/. В настоящее время очевидно, что понимание нельзя считать единственной сущностной характеристикой фактически наличной историографии. Как в ходе исследования, так и при изложении полученных результатов многие историки не ограничиваются пониманием в классическом смысле этого слова. Тот, кто хочет превратить классическую концепцию понимания в нормативно-аксиологическое учение об историографии, то есть хочет ограничить историографию лишь классическим пониманием, должен отлучить от историографии И.Д.Ковальченко, К.В.Хвостову, С.Д.Сказкина, Е.М.Штаерман, Е.А.Косминского, В.М.Лавровского, Е.Топольского, Ю.Кучинского, школу "Анналов", П.Виноградова, огромное большинство немарксистских историков экономики...

Стоит заметить, что не всегда учения о двойственности познания основывались лишь на классической концепции понимания. Для Риккерта, как известно, значительно большую роль играли его учения о ценностях и о единичном как признаке исторической жизни. Часто учения о двойственности бы-

---

42 Martin J.R. Explanation, Understanding, Teaching. N.Y., 1970, p.223.

43 Строго говоря, Дройзен различает в § I4 три научных метода: познающий /философский или теологический, спекулятивный/, объясняющий /математико-физический/, понимающий /исторический/. Ср.: Droysen J.G. Op.cit., S.11.

ли на деле неявно враждебными естественным наукам, не считали их "настоящим" познанием, или ставили ниже познания более "высоких" предметов /это относится и к Риккерт и к Кроче, но не относится к позднему Коллингвуду/. Онтологически они обычно принадлежали к идеалистическому или дуалистическому направлениям в философии.

В немарксистской литературе учения, противопоставляющие науки о духе наукам о природе, общественные естествознание и т.д., не обладали монополией на толкование строения познания ни во второй половине XIX, ни в XX веке. Единство науки защищалось позитивистами. В XX веке единство науки в отношении как историографии, так и других обществоведческих дисциплин утверждалась в логическом эмпиризме /Хемпель/ и в американском натурализме /Кохэн, Нагель/<sup>44</sup>. Широко известна язвительная полемика Э.Гельнера против попыток школы понимания /часто соединенных со структурализмом/<sup>45</sup> овладеть монополией на методологию обществоведения<sup>46</sup>. Многие известные учебные пособия созданы в защиту /или исходя из нее/ единства принципов познания как природы, так и общества<sup>47</sup>.

На мой взгляд, марксизм не совместим с радикальным

---

44 Американский натурализм возник до работы Хемпеля об объяснении. Ср., напр.: Cohen M.R., Nagel E. An Introduction to Logic and Scientific Method. L., 1934, pp.323-351, 391-399. Cohen M.R. The Meaning of Human History. LaSalle (Ill.), 1961.

45 Блестящий его памфлет против структурализма см.: Gellner E. What Is Structuralism? - In: Theory and Explanation in Archeology. N.Y.-L., 1982, pp.97-123.

46 Антологично ее можно найти в: Gellner E. Cause and Meaning in the Social Sciences. London-Boston, 1973.

47 Ср.: Papineau D. For Science in the Social Sciences. London-Basingstoke, 1978. Rudner R.S. Philosophy of Social Sciences Englewood Cliffs (N.Y.), 1966.

противопоставлением естествознания обществознанию<sup>48</sup>. Об этом свидетельствуют тексты Маркса не только ~~вот~~, но и явным образом /например, в цитатах, приведенных в сноске 25 настоящей статьи/. Концепцию единства научного познания разделяют многие марксисты как в СССР<sup>49</sup>, так и в других странах<sup>50</sup>. Естественно, дуалистическая или идеалистическая онтология для марксистов неприемлема. Признание специфики некоторой научной дисциплины и, далее, признание специфики некоторого множества научных дисциплин не означает еще признания этих дисциплин не-науками - иначе мы стали бы поклоняться идолу специфики.

48 Я осмеливаюсь это заявить, несмотря на наличие противоположного мнения у таких авторитетов, как А.Я.Гуревич и Р.А.Вихалемм. Ср.: Гуревич А.Я. Традиционное и новое в историческом знании. - В сб.: Тезисы докладов междуведомственной научной конференции "Современные проблемы философии истории". Тарту, 1979, с.25-28. Вихалемм Р.А. К вопросу о специфике исторического познания /по поводу статьи Э.Н. Лооне/. - Уч.зап. Тарт. ун-та, 1983, вып. 653, с.53-67.

49 Резюме советской литературы, написанное с точки зрения признания единства науки, можно найти в: Каратеев В.П. Единство научного знания. Саратов, 1981. Его же. Многообразие форм единства естественных, общественных и технических наук. Саратов, 1983. Тезис о единстве некоторых основных познавательных структур в науках о разных предметах естественно принимается, например, в: Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. Порк А.А. Историческое объяснение. Таллин, 1981.

50 Современная марксистская защита единства научного познания содержится, например, в: Fiedler F. "Einheitswissenschaft" oder Einheit der Wissenschaft. В., 1971; Klaus G., Schulze H. Sinn, Gesetz und Fortschritt in der Geschichte. В., 1967

Абсолютизация понимания в классическом смысле этого слова в концепциях противопоставления двух типов познания, несомненно, была привлекательной для "старой интеллигенции" /в терминологии А.Граммши<sup>51</sup>/, ибо превращала ее способ жизнедеятельности в высшую норму. Объявление "духа" сущностью жизни служит также апологетике эксплуататорских классов, которым не только легче, чем эксплуатируемым классам, создавать свою интеллигенцию, но и легче пользоваться продуктами деятельности интеллигенции. Кстати, в немецкой действительности второй половины XIX века имела хождение вульгарная теория, объявляющая доход капиталиста результатом его "духовного труда", конечно, более "высокого", чем труд физический. Кроме того, в условиях, когда марксизм уже существовал, буржуазия всегда стремилась поддерживать теории, противостоящие марксизму<sup>52</sup>.

Вышеприведенные рассуждения относились к причинам распространения философско-методологических концепций. Учения возникают, потому что их выдумывают люди. Они их создают в определенных условиях, но сами условия непосредственно учений не порождают. Однако распространяются или не распространяются учения не просто потому, что они правильны, а еще и потому, что они соответствуют /не соответствуют/ желаниям и потребностям больших социальных совокупностей, в первую очередь — экономических классов.

Утверждения о классовой природе учений не являются *argumentum ad hominem* при решении гносеологических вопросов не доказывают или опровергают правильности и адекватности учения, но могут вполне объяснить степень его популярности.

Распространенные методологические учения могут поддерживать свое собственное существование. Когда познание про-

---

51 Ср.: Граммши А. Некоторые аспекты южного вопроса. — В кн.: Избранные произведения: В 3-х т.М., 1957, т. I, с. 494-497.

52 Философские и теоретические рассуждения могут указывать на разные типы причин распространения некоторых учений. Однако для каждого такого учения следует эмпирически или реконструктивно доказать, каковы были причины распространения именно этого учения.

фессионализуется, а обучение познавательной деятельности институционализуется, то возникают ситуации, когда индивидо имеет компетентные исследователи, обученные только в пределах одной методологической концепции /"парадигмы"/, а все остальные концепции представлены лишь гипотетически, но не образцами исследований<sup>53</sup>. Философам, исследующим опыт таких ученых, легко попасть во власть заблуждения абсолютизации. Именно так и складывалось использование учения о понимании в качестве учения о противоположности естествознания и обществознания.

#### Прибавление № I: О Дильтее

Настоящая статья не является исследованием о Дильтее — о нем нужно писать книгу. К сожалению, Дильтей мало известен в СССР. В рецепции наиболее ценных его идей большую положительную роль сыграли труды Бахтина<sup>54</sup>. При рассмотрении классической концепции понимания я учитываю как более ранние, так и более поздние работы Дильтея, включая и рукописи последних лет его жизни<sup>55</sup>. Однако при этом я отвлекаюсь от вопросов о развитии мысли Дильтея, о том, насколько систематической она была, и от всех остальных вопросов понимания мысли Дильтея в целом.

Интересно отметить, что дильтеевская модель духовной жизни скорее всего представляет эстетическое видение действительности, опирающееся на словесное искусство XIX века — на прозу и на драму. Эти отрасли искусства тогда действительно использовали внешние признаки и характеристики

---

53 В отношении историографии, со ссылками на литературу, этот вопрос мною уже рассматривался в кн.: Доусе Э.Н. Современная философия истории, с.105-106, III-III.

54 Прекрасный пример такого хода усвоения традиций классической концепции понимания можно найти в: Попович М.В. Понимание как логико-гносеологическая проблема. — В сб.: Понимание как логико-гносеологическая проблема. Киев, 1982, с.5-43.

55 Речь идет о работах, опубликованных в: Dilthey W. Gesammelte Schriften, Bd. V, VI, VII. Leipzig, 1924-1927.

для фиксации внутреннего мира. Роман XX века изменился. Творения Джеймса Джойса, Лоренса Даррелла или Джона Фолса не могут служить адекватными референтами дильтеевского учения о понимании, хотя, как мне кажется, их эстетическое усвоение не исключает определенных положений эстетики Дильтея.

### Прибавление № 2: О действии

Литература о действии как начальной "клеточке" человеческой деятельности к настоящему времени настолько разрослась, что она составляет отдельную отрасль мышления, в которой философия переплетается с, по-видимому, возникающей новой наукой. Уже в течение ряда лет издается специальный журнал по анализу действия - "Theory and Decision" (Dordrecht; D.Reidel).

Теории действия могут при решении ряда проблем предоставлять полезные методики и методологии для исторических исследований. Правда, до сих пор большинство теоретиков действия сосредотачивало свое внимание на изучении отдельного, "атомарного" действия, между тем историки интересуются взаимодействиями и цепями /сетями/ связанных между собой действий.

Теории действия часто являются "всего лишь" формализованными представлениями традиционных точек зрения, в том числе и учения о двойственности познания. Формализуемость идеалистических утверждений доказывает единство логики /применимость логики во всех рассуждениях/, но не доказывает истинность формализованной концепции, то есть ее адекватное и правильное соответствие тем кусочкам мира, на изображение которых она претендует.

### Прибавление № 3: Идол специфика

Пусть будут даны следующие вопросы:

- /A1/ Является ли женщина человеком?
- /A2/ Следует ли из утвердительного ответа на /A1/, что женщина является мужчиной?
- /A3/ Следует ли из того, что женщина не является мужчиной, то, что женщина не является человеком?
- /A4/ Имеет ли смысл говорить о человеке, если имеются муж -

- чины и женщины, но отдельно от них не имеется людей?
- Преобразуем вопросы /А1/.../А4/ в вопросы /Б1/.../Б4/:
- /Б1/ Является ли историография наукой?
- /Б2/ Следует ли из утвердительного ответа на /Б1/, что историография является физикой?
- /Б3/ Следует ли из того, что историография не является физикой, то, что историография не является наукой?
- /Б4/ Имеет ли смысл говорить о науке, если имеются физика и историография, но отдельно от них не имеется науки?

Вопросы множеств А и Б и ответы на них имеют явное отношение к анализу понятия специфики явления, к утверждениям, содержащим ссылку на специфику. О специфике имеет смысл говорить по отношению к не-специфике. Но от признания наличия специфики нельзя заключать об отсутствии общего в сравниваемых явлениях. Говорить, что явление — это его специфика, и в то же время признавать, что в явлении имеется нечто общее с другими явлениями, означает попасть во власть Идола Специфики. Классическая школа понимания требовала для понимания рассматривать понимаемое /события, чувства, мысли, жизнь/ в целом. В то же время, справедливо указав на то обстоятельство, что человек мыслит, она отождествляла человека с его мыслями — с его спецификой<sup>56</sup>.

Противоположная ошибка — это Заблуждение Редукции. Утверждать, что один предмет /класс предметов/ полностью сводим к другому предмету /классу предметов/, значит утверждать, что налицо полностью одинаковые предметы /тождественные классы предметов/. Но утверждение о тождественности

---

56 А вот пример корректного рассуждения: "Хотя сфера культуры не менее поддается научному исследованию, чем, например, биологическая или физическая сферы, она составляет самостоятельную аналитическую единицу или область исследования, и развитие теорий и объяснений о ней должно отражать эту существенную целостность и в то же время признавать те соответствия форм и процессов и сходства методов, которые она разделяет с другими сферами научного изучения". См.: Renfrew C., Rowlands M.J., Seagraves B.A. Preface.- In: Theory and Explanation in Archeology. N.Y.-L., 1982, pp. xvii-xviii.

двух классов предметов не выводимо только из тезиса о наличии у них непустого пересечения; утверждение о тождественности двух предметов не выводимо только из утверждения о наличии у них общих свойств. Единство науки не обязательно означает тождество всех наук, редукцию всех их к одной /пусть даже - и исторической/. Точно так же утверждение о единстве человечества не означает, что все люди - мужчины.

## ПРОБЛЕМА СУБСТРАТА КУЛЬТУРЫ В ЭТНОЛОГИИ

### ЭВОЛЮЦИОНИЗМА XIX В.

В.Р.Блюм

В истории культурологии и, в частности, в истории этнологии /культурантропологии/ можно выделить два основных направления. Одно из них — наиболее распространенное в настоящее время — "культурный релятивизм", тесно связано с методологией позитивизма. Это направление, по существу, отрицает всеобщие закономерности и, фактически, не признает всеобщность развития<sup>1</sup>. Оно также отказывается от поиска инвариантов культуры, а, следовательно, от сравнительного изучения культур. Второе направление — назовем его условно "объективистское направление" — признает существование универсальных общественных законов, но явно недооценивает значение специфических особенностей развития культуры. "Объективизму"

свойственно сводить многообразие феноменов культуры к определенному субстрату, которым является либо познавательная деятельность изолированного индивида /интеллектуалистический редукционизм этнологов-эволюционистов/, либо "коллективные представления" Леви Бруля, либо бессознательная часть психики индивидов /биопсихический редукционизм З.Фрейда<sup>2</sup> и К.Г.Юнга/.

В "объективистской" интерпретации культуры важное место принадлежит эволюционизму XIX века, который можно рассматривать как первую теоретическую модель новой науки этнологии. Важность эта определяется различными факторами, но в первую очередь — значением сформулированного впервые эволюционистами подхода к культуре как к развивающемуся целому. Эта и ряд

1 См.: Аверкиева В.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979, с.119-147; Артаповский С.Н. Культурный релятивизм в американской этнографии. — В кн.: Современная американская этнография. М., 1963, с.97-124.

2 См.: Блюм В.Р. Проблема субстрата культуры в психоанализе З.Фрейда. — В сб.: Социальная детерминация познания: Культурологический аспект. — Уч. зап. Тарт. ун-та, 1983, вып. 653, с.82-96.

других идей эволюционизма оказали влияние - как позитивное, так и негативное - на все последующее развитие этнологии /"культурный релятивизм", например, в значительной степени сформировался именно как реакция на недостатки эволюционистской методологии/.

Взгляды эволюционистов XIX века были проанализированы в ряде работ советских и зарубежных авторов<sup>3</sup>. Но некоторые существенные аспекты не стали еще предметом специального рассмотрения, в том числе и обсуждаемая здесь проблема субстрата культуры.

Победа капиталистических отношений и распространение буржуазной культуры в Европе дали небывалый импульс для развития человеческого знания. Именно с этого времени берет начало современная наука о культуре. Чем явственнее проявлялись процессы ускорения промышленного, социокультурного и научного развития, тем шире в общественном сознании распространялась идея развития.

Новое мировоззрение, отразившее социальные и экономические перемены, проявилось также в гуманитарных науках. Создатели социологии О.Конт и Г.Спенсер использовали естествен-

---

<sup>3</sup> См.: Аверкиева Ю.П. Указ соч., с. II-67; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978, с. 24-63; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1974, с. 98-102. В целом в советской литературе уделено чрезвычайно мало внимания эволюционизму XIX века. Исключение составляет лишь Л.Г.Морган. С другой стороны, в зарубежной литературе эволюционисты рассматриваются как создатели этнологии или культурантропологии, а также как ученые, впервые регулярно использовавшие понятие "культура", поэтому практически каждый учебник по культурантропологии содержит обзор идей эволюционистов, не говоря уже о специальных исследованиях. См., например: Bidney D. Theoretical Anthropology. N.Y., 1954; Harris M. The Rise of Anthropological Theory. N.Y., 1968; Hatch E. Theories of Man and Culture. N.Y.-L., 1973; Herskovits. Cultural Anthropology. N.Y., 1955; Mair L. An Introduction to Social Anthropology. Oxford, 1977; Maliowski B. A Scientific Theory of Culture. Chapel Hill, 1977.

нонаучное понятие "эволюция" при объяснении общественных процессов. Однако общественную эволюцию они трактовали в духе позитивизма<sup>4</sup>. Главные социологические идеи Конта и Спенсера были широко восприняты буржуазными мыслителями и оказали также существенное влияние на общую теоретическую направленность этнологии, на интерпретацию культуры Э.Тейлора, Л.Г.Моргана, Дж.Леббока, Дж.Макленнана, Дж.Фрэзера.

Новая гуманитарная наука — этнология или культурантропология, возникновение которой традиционно датируется появлением обширного исследования Эдуарда Тейлора "Первобытная культура" в 1871 году, сформировалась из объективной общественной потребности выявить законы развития культуры и предсказать формы и направления этого развития. Она в значительной мере была ответом на утилитарные запросы развивающегося буржуазного общества /на это, например, указывает Дж.Леббок<sup>5</sup>, связанные с колониальной экспансией. В центре внимания первых этнологов находился феномен сходств и различий в культурах первобытных народов. Кроме того, они стремились сравнивать эти культуры с европейской. Источником для теоретических построений этнологов-эволюционистов служили разрозненные, часто неаутентичные и некорректно собранные этнографические материалы. Сами эволюционисты не занимались полевыми исследованиями в современном смысле слова, предпочитая "кабинетную" интерпретацию уже имеющихся данных.

Идея развития культуры была важнейшим постулатом эволюционного направления в этнологии. Важно отметить, что развитие культуры оценивалось эволюционистами как всемирный универсальный прогресс, свойственный всем народам<sup>6</sup>. При этом эволюционисты отождествляли развитие с эволюцией, понимаемой

---

4 Под позитивным методом Г.Спенсер понимал сведение знания к "непосредственно данному", — Спенсер Г. Основные начала. Спб., 1896, с.4,6,II,28; Его же. Развитие политических учреждений. Спб., 1882, с.5.

5 Леббок Д. Начало цивилизации. Спб., 1876, с.8.

6 Тейлор Э. Первобытная культура. М.,1939, с.9,94; Морган Л. Первобытное общество. Спб., 1900, с.2; Фрэзер Д. Золотая ветвь. М., 1980, с.59-60.

ими в соответствии с концепцией Г. Спенсера<sup>7</sup> как изменение несвязной однородности в связанную разнородность вследствие рассеяния движения и интеграции материи. Приняв общую направленность социологии Спенсера, они, однако, не приняли в полной мере его позитивизма<sup>8</sup>. Как известно, позитивизм строит свою философию на основе феноменализма, объявляя всякое знание относительным и не идущим далее явлений. На этой основе Спенсер в своих трудах неоднократно подчеркивал, что причины явлений в конечном счете непознаваемы<sup>9</sup>. Этнолого-эволюционисты, со своей стороны, не только искали ответа на вопрос, как происходит процесс изменения культуры, но и почему этот процесс происходит. Таким образом, они признавали познаваемость причин изменения и считали своей основной задачей выявить причину единства культур, найти субстрат культуры, лежащий в основе социокультурного изменения.

Главной причиной, действовавшей во все времена и порождавшей феномен единообразия культур, был, по мнению эволюционистов, закон психического единства человечества. Фрэнсер отмечал: "Дух человечества в разных странах и в разные времена обнаруживает замечательную однородность"<sup>10</sup>. Психическое единство рассматривалось ими скорее как интеллектуальное единство, т.е. людям на одинаковых ступенях развития приписывались одинаковые мыслительные реакции и действия. По справедливому замечанию известного британского антрополога Бронислава Малиновского, Тейлор, Фрэнсер, Вундт, Фрейд пытались решить фундаментальные вопросы "психологически" и были заняты тем, что в терминах "индивидуальной кресельной спекуляции" стремились реконструировать, как и что "прими-

7 Спенсер Г. Основные начала..., с.106.

8 Интересно, что З.Фрейд также пытался использовать точные, "позитивные" методы при исследовании человека и созданной им культуры, но он не стал позитивистом, скорее это привело его к дуализму. См.: Блюм В.Р. Ук.соч., с.84.

9 Спенсер Г. Основные начала..., с.26, 29, 33.

10 Фрэнсер Д. Ук. соч. М., 1928, вып. I, с.28.

тивный человек" мог или должен был думать и чувствовать под воздействием определенных условий<sup>11</sup>. Действительно, такое решение облегчало возможность исторической реконструкции в плане эволюционного подхода, но оно увеличивало также опасность модернизации и вненаучной спекуляции. Тем не менее, тезис о психическом единстве человечества сыграл и определенную положительную роль, в первую очередь — в борьбе с реакционно-религиозными идеями о "дегенерации" человечества. Отметим, что принцип психического единства принимается и большинством современных антропологов, хотя его место и значение оцениваются по-разному.

Закон психического единства рассматривался эволюционистами как один из универсальных природных законов. Так как история человечества, согласно идее Тейлора, составляет часть истории природы, то человеческие мысли, желания и действия "сообразуются с законами столь же определенными, как и те, которые управляют движениями волн, сочетанием химических элементов и ростом растений и животных"<sup>12</sup>. В том, что объективные законы действуют на людей и вынуждают их приспосабливаться к природным условиям, нет никаких сомнений. Но рассматривать культуру лишь как средство простого отражения внешнего мира — значит фактически отрицать внутренние законы развития общества и культуры, значит отрицать человеческую волю и свободу.

Опираясь на закон психического единства, этнологи-эволюционисты экстраполировали интеллектуальное поведение отдельного индивида на уровень социальной группы. Такого рода упрощение отношения индивид — общество было связано с интеллектуалистическим редукционизмом /"ментализмом"/ эволюционистов.

В самом общем виде эволюционисты предложили следующую схему развития культуры. Наиболее мудрые в данной культуре

---

<sup>11</sup> Malinowski B.A. Scientific Theory of Culture and Other Essays. Chapel Hill, 1979, p.19.

<sup>12</sup> Тейлор Э. Указ.соч., с.2.

люди — "примитивные философы", признав стиль жизни своего племени устаревшим, "законились поиском более истинной теории природных ресурсов... После долгих мытарств и трудностей "философ-дикарь" останавливается на "новой системе веры и действия". Эта схема была предложена Дж. Фрезером<sup>13</sup>. Тейлор, Морган и Лаббок в основном придерживались такой же схемы. Это типичный пример интеллектуалистического редукционизма. Все многообразие динамических процессов в культуре сводится к интеллектуальной деятельности индивида. "Коллективная социальная деятельность" рассматривается только как сумма проявлений умственной деятельности многих отдельных лиц. Действие географических, исторических и социальных факторов по существу игнорируется. Причиной всех этих недостатков была явная недооценка значения внутренних объективных законов функционирования социальных систем.

Общая ориентация на исключительно рациональное объяснение привела к тому, что эволюционисты признавали действительными элементами культуры, приносящими реальную пользу для приспособления общества к природным условиям. Поэтому практически все феномены культуры и социальной жизни, с точки зрения эволюционистов, были созданы "не на основании отвлеченного принципа, а ради сохранения"<sup>14</sup>. Мораль, грамматика, ритуалы, обычаи, мифы рассматривались как рациональные, созданные из утилитарных соображений. Религия и мифология действительно являются попытками человека найти место, утвердить себя во враждебном мире, обрести иллюзорную свободу. Но такое одностороннее толкование религии и мифологии — следствие непонимания религии как общественного продукта.

Адольф Бастиян и Льюис Г. Морган еще дальше отошли от субъективно-психологических основ концепции Г. Спенсера. В качестве первопричины изменения культуры они выделяли или развитие "элементарных идей" — А. Бастиян, или развитие "зародышей мысли" — Л. Г. Морган.

Однако было бы несправедливо оставить без внимания дру-

<sup>13</sup> Фрезер Д. Указ. соч., М., 1980, с. 70-71.

<sup>14</sup> Тейлор Э. Антропология. Пг.-М., 1924, с. 301.

гую сторону теории, объяснявшую общественное развитие, правда, куда менее последовательную. На это обращает внимание американский антрополог Карнейро, выделяя в теориях эволюционистов две концепции. Концепция "внутренней причинности" объясняет культуру психологически, т.е. как результат развития идей. Концепция "внешней причинности" исходит из положения, что "открытия, изобретения в культуре прямо детерминированы предшествующими открытиями и изобретениями"<sup>15</sup>. Речь идет в данном случае не только об идеях, но и о материальных изобретениях/. На наш взгляд, сочетание в эволюционизме двух способов объяснения "культурных" процессов можно истолковывать как рядоположение основной идеалистической точки зрения с чертами стихийного материализма.

Э.Тейлор с позиций стихийного материализма рассматривал переход от матрилинейности к патрилинейности.<sup>16</sup> Дж.Фрезер также придерживался ряда стихийно-материалистических взглядов. Но такого рода мысли мало соответствовали основной направленности идей Тейлора и Фрезера. Что касается Моргана, то его материализм был значительно более последовательным, о чем не раз писали Маркс и Энгельс.<sup>17</sup> Подотворно используя материалистический подход при объяснении многих конкретных феноменов культуры, Морган в целом оставался идеалистом в понимании фундаментальных явлений общественной жизни. Энгельс писал, что экономические обоснования Моргана не достаточны для материалистического понимания истории.<sup>18</sup>

<sup>15</sup> Baroll R., Baroll F. Main Currents in Cultural Anthropology. N.Y., 1973, p.63, 100.

<sup>16</sup> Тейлор Э. О методе исследования развития учреждений в применении к законам о браке и происхождении. — Этнографическое обозрение, 1890, № 2, с.1-31.

<sup>17</sup> См., например: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.21, с.25-27; Энгельс Ф. К истории первобытной семьи. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.22, с.214-225; Энгельс Ф. Карлу Каутскому. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.36, с.97.

<sup>18</sup> См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Указ. соч., т.21, с.27; См. также: Токарев С.А. История зарубежной этнографии..., с.59-62.

Ответив на вопрос, в чем причина существования и изменения культуры, эволюционисты занялись вопросом, каким образом и как возникает и передается "культурная" информация. Для решения вопроса о способе передачи и распространения явлений культуры Э.Тейлор предлагал три варианта: а/ уже рассмотренный интеллектуалистический способ или принцип независимого изобретательства; б/ наследование от предков; в/ "культурная диффузия" или передача "культурной" информации от культуры-источника к культуре-реципиенту<sup>19</sup>. Хотя Тейлор утверждал, что неизвестно, какой способ преобладает в распространении и развитии культуры — "независимое изобретательство" или "диффузия культуры", анализ текстов Тейлора, Моргана и Леббока позволяет установить, что предпочтение отдавалось интеллектуалистическому объяснению.

Проблема возможности сочетать эволюционизм с диффузионизмом в рамках одной теории вызвала дискуссию в современной культурно-антропологической литературе. Р.Карнейре, например, утверждает, что эти две точки зрения не могут сосуществовать в одной теории. Поэтому он выделяет два этапа в творчестве Тейлора — диффузионистский и эволюционистский<sup>20</sup>. По мнению М.Херриса, диффузионизм и эволюционизм вполне совместимы<sup>21</sup>. С последним мнением можно согласиться. Такое совмещение двух подходов является эклектизмом потому, что у эволюционистов отсутствовала концепция, синтезирующая их. Отсутствие такой концепции было, пожалуй, самым серьезным историко-теоретическим недостатком эволюционизма. Синтезирующей два подхода и снимающей их ограниченность может быть только марксистская теория, объясняющая сходство и различие в культурах типом материально-хозяйственной деятельности народов. Конкретное применение этой теории можно проследить в концепции "хозяйственно-культурных типов" советских этногра-

19 Тейлор Э. Доисторический быт человечества и начало цивилизации. М., 1868, с.500.

20 См.: Naroll R., Naroll F. Op. cit., pp. 82-86.

21 Harris M. The Rise of Anthropological Theory..., pp.173-176. См. также: Bldney D. Theoretical Anthropology ..., p. 207.

фов Левина и Чебоксарова<sup>22</sup>.

Для решения одной из главных задач в "рациональной этнографии" - создания "по возможности более систематической схемы развития культуры в различных направлениях", этнологи-эволюционисты группировали элементы культуры в ряды эволюции и прослеживали их развитие. Отдельно группировались элементы материальной и духовной культуры. Такого рода партикуляризация элементов культуры была связана с тем обстоятельством, что культура, как и вообще социальная организация, понималась эволюционистами как сумма отдельных компонентов /известное определение культуры Э.Тэйлора относится к типу эnumerативно-дескриптивных/<sup>23</sup>, а не как органическое целое, развивающееся по внутренним законам.

Эволюция внутри изолированных "рядов прогресса" изображалась метафизически как постепенное "вырастание" путем мелких изменений, как количественное увеличение и уменьшение, как постепенное усложнение и накопление по отдельным линиям. Вполне естественно, что сторонники концепции постепенных изменений крайне отрицательно относились к радикальным переменам. Как известно, такое понимание эволюции В.И.Ленин характеризовал как метафизическую концепцию развития, не способную решить вопроса о саморазвитии и его источнике и о качественных изменениях<sup>24</sup>.

Эволюционные ряды элементов культур проходят одинако -

---

22 См.: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1974, с.168-169.

23 Тэйлор Э. Первобытная культура...с.12; См. также: Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture. A critical Review of Concepts and Definitions. N.Y., 1963, p.87.

Необходимо отметить, что появление термина "культура" в европейской культурантропологии в его современном значении связано с именами Г.Клемма и Э.Тэйлора. Тэйлор заимствовал этот термин у Клемма. Правда, в своих трудах он редко использовал это понятие, предпочитая понятие "цивилизация". См.подробнее: Kroeber A.L., Kluckhohn C. Op. cit., pp. 11-15, 45-46.

24 Ленин В.И. К вопросу о диалектике.- Полн.собр.соч., т.29, с.317.

ные ступени развития, которые повторяются в разные времена и в различных местах<sup>25</sup>. Например, верования первобытных людей, по Лаббоку, "сопадают в общих признаках и представляют собой только фазы одного и того же процесса, будучи одного и того же происхождения"<sup>26</sup>. Такие ступени эволюционисты называли "стадиями постепенного развития". Каждая из них "являлась продуктом прошлого, играет определенную роль в формировании будущего"<sup>27</sup>. Морган и Тейлер создали шкалу прогресса или эволюции культуры, на которой выделяли три стадии: дикость, варварство и цивилизацию. Несомненно, концепция стадийного развития была шагом вперед по сравнению с циклической концепцией, но она была в целом метафизической.

Факты застоя в социокультурном развитии, регресса, господстве традиций эволюционистов трактовали как следствие недостаточной рациональности действий человека, отхода от познания законов природы. Кроме основной причины, Тейлер выделяет еще войну, голод и "дурное правление", которое в свою очередь также вытекает из неразумности<sup>28</sup>.

Будучи уверенным в силе разума, этнологи-эволюционисты считали застой в культуре все-таки временными и локальными явлениями. Тейлер писал, что история народов, несмотря на различные затруднения, в целом всегда была движением вперед<sup>29</sup>.

Идеи эволюционизма живы в современной западной культур-антропологии. Еще с конца прошлого столетия эволюционизм подвергается резкой критике, особенно со стороны представителей "культурного релятивизма", за его глобальные спеку-

25 Тейлер Э. Доисторический быт..., с. 495.

26 Лаббок Д. Указ. соч., с. 148.

27 Тейлер Э. Первобытная культура..., с. 1.

28 Тейлер Э. Антропология..., с. 219. Спенсер писал: "Регрессивное отличается от прогрессивного отсутствием порядка и определенности". - Спенсер Г. Основные начала..., с. 210.

29 Тейлер Э. Доисторический быт..., с. 500. См. также: Лаббок Д. Указ. соч., с. 7; Тейлер Э. Первобытная культура..., с. 16, 25, 258.

ляции, за неverifiedруемость его идей и т.д. С возникновением неэволюционизма в этнологии значительно увеличилось число сторонников идеи эволюции культуры. Бронислав Малиновский писал, что принцип эволюции и его главные качества никогда не будут совершенно отрицаться антропологией или гуманизмом<sup>30</sup>, так как — продолжил его мысль И. Харрис, — иначе уничтожится чувство исторической перспективы<sup>31</sup>, тогда антропология превратится в историю отдельных обществ и потеряет свой смысл.

Итак, изучая проблему культуры и место в ней человека, этнологи-эволюционисты опирались на методологию натурализма в духе французских просветителей XVIII века<sup>32</sup>. Поэтому процесс развития они трактовали метафизически. В качестве субстрата культуры эволюционисты выделяли мыслительную деятельность индивида и, тем самым, свели свою задачу преимущественно к изучению истории развития человеческого знания. Главный просчет эволюционистов состоит в игнорировании социальной детерминации познания. Многочисленные марксистские исследования, например, глубокие изыскания Д.С. Выготского и А.Р. Лурия, убедительно доказали, что не законы мышления детерминируют культуру, а, наоборот, "деятельность по созданию культуры" определяет форму и содержание мышления человека<sup>33</sup>.

В теории эволюционизма содержится ряд ценных мыслей и методов, позволяющих адекватно оценить некоторые процессы, происходящие в культуре. Однако идеалистическое и метафизическое мировоззрение, которое лежало в основе эволюционизма, оказалось решающим препятствием для научного анализа важнейших особенностей, характера и динамики культуры.

30 Malinowski B.A. Op. cit., p.212.

31 Harris M. Op. cit., p.211. См. также; Bidney D. Op. cit., p.128.

32 См. подробнее: Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979, с.107-131, а также: Кузьмина А.Т. Человеческое бытие и личность у Фрейда и Сартра. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969, с.272.

33 См., например: Лурия А.Р. Психология как историческая наука. — В кн.: История и психология. М., 1971, с.36-63; Ковл М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977, с.44-47; Tulviste P. Motlemise muutumisest ajaloos. Tln., 1984, lk.27-32, 39-47.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ  
В СВЯЗИ С СОДЕРЖАНИЕМ КАТЕГОРИИ "ИДЕАЛЬНОЕ"

И.С.Нарский

Социальная детерминация научного познания при ее теоретическом исследовании предполагает непременно выяснения того, как функционирует идеальное и в содержании самого научного знания, и в процессе его формирования, и в тех социальных предпосылках этого процесса, которые сделали и делают необходимым само возникновение и развитие не только знания вообще, но и в особенности научной его формы. Эти социальные предпосылки включают в себя и потребности современного производства, экономических и других отношений, и идеологически-классовые мотивы и ориентиры, и ряд других моментов. Многие из них, в том числе и только что отмеченные, действуют не только в непосредственно современном их виде, но и передаваясь из прошлого, и не только из ближайшего прошлого, т.е. функционируют через актуализацию "социальной памяти"/эта категория, как известно, уже давно систематически и последовательно разрабатывается Я.К.Ребане/. Без "движения" "идеального" во всех этих феноменах не может происходить не только образования научного знания, но и само существование и взаимодействие этих социальных феноменов в их современном виде: без более или менее сознательных целенаправлений не существует труд в его собственно человеческо-социальном виде, качественно отличном от трудоподобной деятельности животных, без "идеального" не может существовать идеология и не может актуализироваться "социальная память". Все это утверждается нами в соответствии с тем, что мы стремимся следовать смыслу и духу следующего положения К.Маркса из Последствия ко II изданию I тома "Капитала", а именно, что идеальное есть материальное, "преобразованное" в голове общественного, т.е. живущего в обществе, благодаря общественным отношениям, человека<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.21.

Преобразованное в голове человека материальное есть так или иначе, адекватно или искаженно отраженное в виде чувствований, эмоций, мыслей, понятий и вообще идей. Очевидно, это и есть суть психического образования, однако возникает вопрос: разве общественное сознание, коль скоро оно по своей форме и содержанию идеально, совпадает с общественной психологией? Очевидно, что не совпадает. Не значит ли это, что идеальность общественного сознания существует "вне" и "помимо" сознания людей? В нашей философской печати разгорелись споры вокруг проблемы понимания "идеального"<sup>2</sup>. Быстро обнаружилось, что от решения этой проблемы зависят многие другие вопросы, в том числе истолкование соотношения между материальным и идеальным, а значит и особенности понимания диалектико-материалистического решения основного вопроса философии. Снова обнаружилось, что "материя" и "материальное" — не одно и то же: сознание и психика имеют материальное происхождение, но они тоже не есть материя; время и пространство материальны, но они тоже не есть материя, хотя их нетождественность материи иная, чем у сознания, ибо последняя не материальна, но идеально. Одни участники дискуссии признавали тождественность понятий "сознание" и "идеальное"; другие стали делать оговорки, третьи отвергли это тождество вообще<sup>3</sup>. Спор затронул и смысл понятия "тождество", а от разного понимания "идеального" зависит понимание связи "социальной памяти" с прошлой и будущей социальной реальностью и процессами познания.

Вообще говоря, дискуссия началась с, бесспорно, интересной статьи Э.В.Ильенкова в "Философской энциклопедии" /1962/. В 1979 году в журнале "Вопросы философии" /№ 6 и 7/ уже посмертно была опубликована его рукопись "Проблема идеального", которая развивает те же положения, но в более "заостренной" форме. Концепция Э.В.Ильенкова оказала немалое влияние, и ее необходимо подробно проанализировать.

---

2 См., напр.: Мамткова Т.П. К вопросу об идеальности сознания. — Философские науки, 1978, № 4.

3 См., напр.: Видинев Н.В. Взаимоотношение материи и сознания. — Философские науки, 1984, № 4.

Энциклопедическая статья начиналась с определения:

"Идеальное — субъективный образ объективной реальности, т.е. отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли. Идеальное не есть индивидуаль-но-психологический, тем более не физиологический факт, а факт общественно-исторический, продукт и форма духовного произ-водства"<sup>4</sup>. Второе суждение в этой дефиниции согласовано с первым неясно, а последующее изложение далеко не во всем со-гласуется с определением в целом, но это, видимо, не очень беспокоило автора, так как соответствовало его собственному взгляду на характер диалектических противоречий в процессе познания, согласно которому разрешение диалектически поста-вленных проблем тождественно самой их постановке, т.е. пря-мому соединению взаимопротивопоставленных позиций. Автор ши-роко пользовался также многозначностью терминов "форма" и "представление", отождествляя подчас различные значения каж-дого из них<sup>5</sup>. Это получило свое обоснование в его известных нападках на "дисциплинизм", под которым он понимал иссле-дование и учет различий между значениями терминов /это ква-лифицировалось автором в ходе теоретического анализа как "ус-тупка" неопозитивизму/. Далее Э.В.Ильенков не раз ссылает-ся на уже приводившееся нами выше высказывание К.Маркса, что

---

4 Ильенков Э.В. Идеальное. — В кн.: Философская энциклопедия. М., 1962, т.2, с.219.

5 Поэтому возникают такие, например, туманные формулировки: идеальное есть "форма активной деятельности человека, обу-словленная формой внешнего мира" /там же, т.2, с.226/. Стирается различие между "формами" /видами/ стоимости и "формами" /обнаружениями/ стоимости /см., напр.: он же. Проб-лема идеального.— Вопросы философии, 1979, № 7, с.150-151/. А вот характерный пример смешения самых разных понятий, подведенных под шапку слова "представление": идеальная то-варная форма не имеет ничего общего с "телесно осязаемой формой того тела, в коем она представлена /то есть отра-жена, выражена, осязаема, опредмечена, отчуждена, ре-ализована/..." /там же, 1979, № 7, с.150; ср. 1979, № 6, с.131/.

"... идеальное есть нечто иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней"<sup>6</sup>.

В ходе последующих рассуждений автора возникает некоторая раздвоенность, поскольку автору пришлось приложить много усилий, чтобы вписать эту цитату в свою концепцию: он то ссылается на то, что данная формулировка имеет смысл лишь в рамках задач марксовской критики гегелевского идеализма, то подчеркивает, что поскольку здесь имеется в виду "общественно-развитая голова человека"<sup>7</sup>, то значит /?/ никоим образом не голова индивидуума с его мозгом под черепной крышкой.

Автор убедительно и ярко выступает против натуралистического понимания природы человека, его сознания и идеального в домарксистском материализме и эмпиризме, но затем доводит свою критику до утверждений, в которых самым категорическим образом отрицает присущность идеального психической деятельности индивида, а значит — индивидуальному сознанию: это было видно уже из начального определения и подкрепляется рядом последующих высказываний, как, например: "Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т.е. мозга"<sup>8</sup>, идеальное — это схема предметной деятельности "как особый, абсолютно независимый от устройства "мозга" и его специфических "состояний" объект..."<sup>9</sup>. А с другой стороны, мы читаем, что "идеальное есть только там, где есть человечес-

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21. Это положение Маркса, принципиальную значимость которого для решения проблемы идеального мы уже отмечали, стремится положить в основу своей трактовки этой проблемы Д. И. Дубровский /см. его: Проблема идеального. М., 1988/. Как я себе представляю конкретизацию марксова взгляда на идеальное, изложено ниже, в заключительных фрагментах настоящей статьи.

7 Ильенков Э. В. Идеальное, с. 221.

8 Там же, с. 221. Подчеркнуто мною. — И. Н.

9 Ильенков Э. В. Проблема идеального. — Вопросы философии, 1979, № 6, с. 136. Подчеркнуто мною. — И. Н.

кая личность, индивидуальность<sup>10</sup>; психический образ, сознание, понятие идеальны<sup>11</sup>, идеальное есть форма психики, "свойственная лишь психике человека... человеческой голове"<sup>12</sup>. Предмет существует идеально, то есть как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности... именно в человеке, в виде формы его активной деятельности<sup>13</sup>.

Как бы высоко мы не ценили диалектичность схемы "...и не есть...", на ней останавливаться нельзя. Автору тоже приходится подумать над тем, как "снять" антиномию "идеальное находится в голове человека и "ни в коем случае" не находится в голове". Он это делает, перебрасывая перемычки между общественным и индивидуальным, например, в том смысле, что идеальное — это совокупность осознанных индивидом всеобщих форм человеческой деятельности<sup>14</sup>, а субъекта этой деятельности надо рассматривать как целостного индивида, так что идеальное возникает не в голове человека, а в деятельности человека, но с помощью головы; всеобщие же формы сознания, деятельности, культуры не есть механическое соединение индивидуальных сознаний и индивидуальных актов поведения людей, хотя с ними и связаны. Это правильные в общем, подлинно диалектические идеи; но к чему же тогда было начинать с самого резкого противопоставления всеобщего индивидуальному и с "отлучения" индивидуального от всеобщего?

"Снятие" антиномии продолжается путем истолкования идеального как постоянного перехода между "образом внешнего мира"<sup>15</sup> в голове /головах/ людей, их деятельностью, языком<sup>16</sup> и результатом этой деятельности<sup>17</sup>. Для того, чтобы скрепить эти четыре звена теснее друг с другом, автор делает акцент

10 Ильенков Э.В. Идеальное, с.227.

11 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 6, с.128.

12 Ильенков Э.В. Там же, с.133.

13 Ильенков Э.В. Идеальное, с.221. Подчеркнуто мною. — И.Н.

14 См. Ильенков Э.В. Идеальное, с.226.

15 Там же, с.219.

16 Там же, с.222.

17 Там же, с.225.

на такое мышление, которое целиком слито с образами предметных манипуляций<sup>18</sup>, не обращая, к сожалению, внимания на тот существеннейший факт, что в дальнейшем развитии мышление приобретает в отношении практики относительную самостоятельность, так что мышление и предметную деятельность полностью отождествлять уже нельзя /хотя, разумеется, само мышление представляет собой определенный вид деятельности/. Кроме того, автор подчеркивает значение процессов производственного опредмечивания и обратного распродмечивания, происходящего тогда, когда ранее произведенные предметы получают свое употребление и осмысление, переживаются в сфере духовной деятельности. В итоге идеальное оказывается в процессе беспрерывных метаморфоз, превращений в иное<sup>19</sup>, происходящих в замкнутом кругу, и становится, увы, чем-то мало уловимым. Идеальное - "это бытие, которое, однако, равно небытию, или наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта, в виде его внутреннего образа, потребности, побуждения и цели"<sup>20</sup>.

В разных местах своих публикаций Ильенков "задерживает" "идеальное" на разных вершинах намеченного им четырехугольника. Иногда он заявляет, что предмет "существует идеально, то есть как внутренний образ, как потребность, как побуждение и цель человеческой деятельности..., именно в человеке, в виде формы его активной деятельности"<sup>21</sup>. Иногда он концентрирует все внимание на языке, знаках, символах, которые удобны для его концепции уже тем, что значения знаков часто могут мигрировать, находясь и в субъекте, и в объекте, и в деятельности, и в разных отношениях, отличаясь, однако, от "тела" самого знака; в этой связи идеальное определяется автором как репрезентирующее значение<sup>22</sup>. Иногда он переносит центр тяжести на результаты трудовой и языко-

---

18 Ильенков Э.В. Идеальное, с.225; ср.: он же. Проблема идеального, № 6, с.143.

19 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 7, с.158.

20 Он же. Идеальное, с.222.

21 Там же, с.221. Подчеркнуто мною. - И.Н.

22 Там же, с.223.

вой деятельности, и тогда появляется понимание деятельности как предметных и духовных сублиматов в общественном бытии и в общественном сознании.

Но с опредмечиванием и его результатами возникает свои неясности, связанные также и с неправомерными отождествлениями. Во-первых, рассуждая о "независимости" культуры общества от воли и сознания отдельных людей, Э.В.Ильенков переводит весь план проблемы этой "независимости" в плоскость явлений отчуждения, выводимого им по преимуществу из гносеологических причин, и намечается ошибочное отождествление неотчужденного и собственного отчужденного опредмечивания и овеществления. А когда автор затрагивает отчуждения труда и в частности товарный фетишизм, а также вообще экономические отношения, то происходит смещение статуса бытия цен и бытия стоимостей, тем более досадное, что оно соединяется в тексте с ошибочным отождествлением этих категорий в представлениях о них в умах товаровладельцев и экономистов и вообще в экономическом сознании с действием этих категорий в объективных экономических отношениях /и отсюда, кое-кому нетрудно было бы уже прийти к тезису о том, что базис капиталистического общества состоит из идеальных феноменов/. Положение усугубляется тем, что бытие цен сливается у автора с бытием денежных знаков, которыми эти цены выражаются и фиксируются.

Особенно неясно очерчена проблема функционирования знаков в рукописи "Проблема идеального". Э.В.Ильенков настойчиво подчеркивает здесь, что под идеальным он понимает отнюдь не субъективные явления, а явления, обладающие "особого рода объективностью", независимой от тела и "души" индивида, и в существовании этих специфических объективных явлений знаковые репрезентации играют особо важную роль.

Но далее обнаруживается, что та из вершин четырехугольника бытия идеального, с которой связаны результаты деятельности людей, выступает в нескольких разновидностях. Говоря точнее, здесь снова происходит отождествление предметов весьма различных.

В одних случаях автор понимает под идеальным общественное сознание и надстроечные формы жизни общества<sup>23</sup>, в других — обобщенные знания о действительности, складывающиеся в ходе совокупной научной деятельности. То и другое объемлется понятием духовная культура<sup>24</sup>, а иногда речь заходит и об "определенности" всякой культуры<sup>25</sup>. В-третьих, идеальное отождествляется с так называемой "второй природой", т.е. с материальными продуктами социальной деятельности: это "мир вещей"<sup>26</sup>, "мир, уже освоенный людьми, уже оформленный их деятельностью мир..."<sup>27</sup>, но рассматриваемый не в аспекте его вещественности, а в разрезе тех замыслов и планов, которые в нем реализованы трудом людей, запечатлены в посредствующих и конечных результатах.

Четвертый вид результативной идеальности у Ильенкова — это общественные отношения, в том числе экономические. Они независимы от сознания людей, объективны<sup>28</sup>. Здесь опять намечается вывод, что базис общественной жизни понимается Ильенковым как сотканный из идеальных моментов. Немедленно появляется, правда, оговорка, что экономические отношения материальны<sup>29</sup>. Однако весь ход рассуждений автора вел к выводу, что они не материальны, а идеальны, поскольку идеальной материальности объективно-реально не существует. Не этот неизбежный вывод завуалирован несколькими определениями. Вот они: идеальное — это "...представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности"<sup>30</sup>; "идеальная форма — это форма вещи, созданная общественно-человеческим трудом"<sup>31</sup>.

23 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 6, с.138.

24 Там же, № 6, с.131.

25 Там же, № 7, с.176.

26 Там же, № 7, с.154.

27 Там же, № 7, с.145.

28 Там же, № 7, с.160, 158.

29 См.: там же, № 7, с.151.

30 Там же, № 7, с.148.

31 Там же, № 7, с.157.

Однако встретим и более резко выраженные заявления: "идеальность формы стоимости — типичнейший и характернейший случай идеальности вообще..."<sup>32</sup>. Впрочем дальше опять, к сожалению, продолжается путаница. А переход от "форм вещей" и "форм стоимости" к общественным отношениям достигается путем постепенных замен одних терминов на другие.

И вот, наконец, "особого рода объективностью", которая и объективна и идеальна, оказывается у Э.В.Ильенкова в конце концов совокупность общественно закрепленных значений знаков /к числу их он относит и геометрические образы/. Под знаками он понимает все то, что представляет /репрезентирует/ нечто другое; и все репрезентанты, невзирая на то, что в чем репрезентировано и каково именно "тело" знака, материально или же духовно, он объявляет идеальными<sup>33</sup>. В текстах автора имеем три перечня примеров таких идеальных феноменов: "Книга, статуя, икона, чертёж, золотая монета, царская корона, знамя, театральное зрелище и организующий его драматический сюжет,"<sup>34</sup> Затем к этим феноменам добавляется /при некоторых повторах/ ряд "вещей", состоящих из "орудий труда, и статуй, и машин, и пушек, и храмов, и фабрик, и конституций, и государств ..."<sup>35</sup>. И наконец, еще в одном перечне дополнительно упомянуты: слова языка, книги, телевизионные башни<sup>36</sup>. Все это рассматривается, конечно, не в полноте своего содержания, но только под тем углом зрения, что во всех этих, подчас весьма разнокалиберных "вещах" опредмечена /но далеко не во всех "овеществлена"!/ целесообразная формообразующая жизнедеятельность общественного человека. Но очередное неправомерное отождествление, в данном случае не то самих обозначающих знаков /знаков-репрезентантов/, не то всех их значений с идеальным, приводит к тому, что смешиваются, к сожалению, самые разные виды репрезентирования: здесь есть ситуации, где "один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли пред-

32 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 7, с.153.

33 Там же, № 6, с.131.

34 Там же, № 6, с.131.

35 Там же, № 7, с.149.

36 Там же, № 7, с.158.

ставителя другого объекта, а еще точнее — всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта...<sup>37</sup>. Но здесь налицо также и ситуация представления /отображения/ вещей, а затем и общественных отношений в сознании человека, а затем и факты отношений между людьми, представленных /выраженных/ в отношениях вещей<sup>38</sup>. Когда же автор говорит об идеальности "балетного представления", т.е. определенного сценического действия, то он словно бы забывает о сложной "многослойности" его онтологической и ценностной структуры как факта. А в общем перед нами ошибочное слияние весьма неодинаковых отношений репрезентации, имеющих место то в базисе, то в надстройке общества, то в общественном бытии, то в общественном сознании. И опять опредмеченные и опредмеченно-отчужденные феномены не различаются, все они, увы, идентифицированы...<sup>39</sup>.

Э.В.Ильенков искал идеальное в социально-деятельностной и результативной форме всех продуктов культуры. Поэтому он указывает наличие идеального преимущественно там, где оно уже утратило "живость" субъективного переживания, уже окаменело в предметных формах своего воплощения и "ожидает" своего нового возрождения. Мы читаем: "Как внутренняя схема деятельности сознания, как схема "имманентная сознанию", "идеальность" может иметь лишь мнимое, лишь призрачное существование. Реальной она становится лишь в ходе ее овеществления, опредмечивания /и распредмечивания/, отчуждения и снятия отчуждения"<sup>40</sup>. Хотя здесь Э.В.Ильенков говорит о взглядах Гегеля, но, как видно из контекста, в этом он усмотрел и "действительную диалектику", утверждаемому марксизмом. Во всяком случае, у Гегеля не было и не могло быть так, что подлинное царство идеальности существует не в духе, но в его опредмеченно-отчужденных состояниях. По Ильенкову, подлинная идеальность господствует там, где она уже перестала быть идеальностью, т.е. опредметилась, но также и

37 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 6, с.131.

38 См.: там же, № 6, с.135.

39 См.: там же, № 7, с.150.

40 См.: там же, № 7, с.149.

там, где она в будущем возвратится к себе, т.е. распрямится. Однако в таком случае перед нами еще один вариант трактовки идеального. Первая часть этого "варианта" является уже знакомой нам точкой зрения автора, а последняя возвращает к "незамутненному" Гегелю. Впрочем, и первая часть обязана немецкому идеалисту, ибо Гегель считал, что в опредмеченно-отчужденном состоянии Мировой дух как бы "поднимает" косную материю ближе к себе, тем самым ее облагораживая, налагая на нее печать идеальности как чисто духовного.

Но мы находим у Э.В.Ильенкова также и вполне правильные материалистические высказывания. Он пишет, что "... материальное бытие идеального не есть само идеальное..."<sup>41</sup>. Идеальное не есть "его внешнее телесное выражение, проявление..."<sup>42</sup> и следует отличать идеальное от материализации идеального<sup>43</sup>. Но он, к сожалению, отождествил все материальное с вещественным, так что все то, что невещественно, у него оказывается идеальным. Как раз то, что свидетельствует о подлинной материальности /в историко-материалистическом смысле/ социально-экономических отношений как существующих объективно, т.е. независимо от воли и сознательной установки субъекта, для Ильенкова служит доказательством их идеальности /поскольку он не нашел иного пути противостоять узко "вещественному", а значит вульгарно-материалистическому способу распространения материализма на общественную жизнь/<sup>44</sup>. Что же в таком случае остается? Либо принять, что в мире есть три начала /материя, сознание и идеальное/, но все это неверно, и это все же не концепция Ильенкова. Либо в социальном следует различать объективно-социальное и субъективно-социальное и связывать существование идеального только со вторым, как и поступал в свое время К.Маркс, и это вполне правильно. Но в таком случае концепция Э.В.Ильенкова распадается, как это не прискорбно, полностью.

41 Ильенков Э.В. Идеальное, с 221.

42 Ильенков Э.В. Проблема идеального, № 6, с 132.

43 Там же, № 6, с 133.

44 Там же, № 7, с 148.

И хотя Ильенков, как мы уже отмечали, искал идеальное в деятельностной форме всепорождений человеческой культуры, правильно будет сказать и то, что в самой этой форме он переложил всю тяжесть вопроса на содержание идеального, усматривая его в социальной деятельности людей, и отбросил два "слоя" формы этой деятельности применительно к индивидам — внутренний /психически-сознательный/ и внешний /биологически-физиологический/, как будто бы совершенно философию не интересующие. Но это неверно: вопрос "мыслит ли человек при помощи мозга?", поставленный В.И. Лениным перед махистами, имеет прямое отношение к основному вопросу философии, хотя, конечно, далеко его не исчерпывает. Недооценка изучения и учета связей между философией и естествознанием не сулит ничего хорошего и в данном случае, ибо способствует появлению весьма непродуманных построений.

В № 10 "Вопросов философии" за 1984 год была напечатана яркая статья М.А. Дифшица "Об идеальном и реальном". Автор выдвинул ту мысль Э.В. Ильенкова, что идеальное следует, по его мнению, находить в опредмеченных состояниях социальных феноменов, — мысль, заключенную в тезисе о том, что идеальное — это то соотношение между двумя материальными объектами, в котором один материальный объект выступает в роли представителя "всеобщей природы" другого объекта. М.А. Дифшиц пошел дальше: он утверждает, что идеальное следует видеть не в опредмеченном, а в самом материально-предметном мире /включая в него и мир общественной жизни/<sup>45</sup>. Таким образом, "идеальное" скончательно выпадает из естественного для материалиста бинарного отношения "материальное — идеальное". В некоторых местах статьи автор вспоминает об идеальном как об идеале — гии<sup>46</sup>, а в общей тенденции заботы его устремлены не на то, чтобы довершить дело "чистки" идеального от сознания, хотя бы и в виде сознания общественного, но на то, чтобы продолжить дело "насыщения" идеального максимальной объективностью.

45 Дифшиц М.А. Об идеальном и реальном. — Вопросы философии, 1984, № 10, с. 123, 128, 140.

46 См.: там же, с. 121.

Путь этот вел автора к прямому отождествлению идеального с материальным, проделанному Э.В.Ильенковым только наполовину, и он не без основания упрекает последнего в ряде непоследовательностей<sup>47</sup>. Но М.А.Лифшиц сам не пошел по начатой его предшественникам дороге до ее конца и остановился на том, что отождествил "идеальное" с ценностной категорией "идеал", применяя последнюю чрезвычайно широко — у него вдруг тут оказываются понятия "идеальный газ", "истинный человек" и многое другое.<sup>48</sup> И применяя настолько широко, что М.А.Лифшицу, дабы отмежеваться от аксиологического идеализма, приходится в ценностном плане сблизить идеализм с вульгарным материализмом /оба эти течения философской мысли в равной мере, как считает автор, отрицают наличие идеального и всеобщего в материи/<sup>49</sup>. В то же время автор в своих аксиологических выкладах, рассуждая о понятиях разума, истины, добра и красоты, вплотную приблизился к границе, отделяющей от онтологии Гегеля и Платона<sup>50</sup>. А вообще проблема оказалась в статье М.А.Лифшица, к сожалению, потерявшей всякую ясность: к уже имевшимся многозначностям терминов "форма" и "представление" прибавились новые, хотя попутно автор все же метко прояснил ряд неуязвим у Э.В.Ильенкова<sup>51</sup>. Окончательный итог статьи М.А.Лифшица таков: "... идеальное существует не только в человеке, не только в общественной деятельности, не только в предметных воплощениях общественного сознания, но и в природе, и в социальных процессах, и в жизни личности"<sup>52</sup>. Идеальное отождествляется теперь с прекрасным, благим, истинным, подлинным, объективным. К такому итогу привела длинная вереница неправомерных отождествлений. Здесь имели место отождествления, возникшие из собственно диалектических ситуаций, где ошибочной трактовке подверглись и "различия" типа

47 Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном, с. 122, 132, 134.

48 См.: там же, с. 123.

49 Там же, с. 126 и 140.

50 См.: там же, с. 129 и 136.

51 См., например, с. 137.

52 Там же, с. 145.

динамического несоответствия, брожения как зародыши или формы диалектического противоречия: но здесь было объектом неправильного оперирования и то значение понятия "различия", которое уже давно учитывалось формальной логикой, т.е. различие типа несходства, неодинаковости, большей или меньшей разнокачественности. Между двумя типами различия нет каменной стены, налицо различные переходы, но нарушения в правильной трактовке обоих этих типов уводят от истины. Итак, непродуманно обращаться с категориями "тождество" и "различие" нельзя.

Как известно, тождество противоположностей в марксистско-ленинской философии представляет собой существенный момент содержания закона единства и борьбы противоположностей, в значительной мере совпадая по значению с категорией "диалектическое единство". Но как категория "тождество" в материалистической диалектике образует пару также с категорией "различие", означая по содержанию зародыш диалектического саморазличения, как бы "брожение" в лоне самоидентичности, внутреннее "беспокойство". Гегель определял тождество как "рефлексию в само себя, которая такова лишь как внутреннее отталкивание, а это отталкивание есть отталкивание лишь как рефлексия в себя, отталкивание, непосредственно принимающее себя обратно в себя"<sup>53</sup>. Значит, "тождество" как категория диалектики существует только через процесс перехода его, тождества, в различие, и различие есть таковое "лишь в соотношении с тождеством, но вернее будет сказать, что оно как различие содержит и тождество, и само это соотношение"<sup>54</sup>. В рамках приведенной трактовки "тождество" совпадает с понятием нераздельности, то есть такого различия, которое еще не дошло до стадии внешней разделенности. В.И. Ленин, считая категории "тождество" и "единство" в приложении их к взаимоотношению диалектических противоположностей однородными, писал, что их резкое взаиморазличение не так уж существенно, "в известном смысле оба верны"<sup>55</sup>, но при этом есть и неко-

53 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1971, т.2, с.33.

54 Там же, т.2, с.39.

55 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с.317.

торая разница в тенденции изменения: переход от тождества к единству указывает на развитие многообразия связей и отношений в объекте, тогда как переход от единства к тождеству подчеркивает тенденцию к обретению объектом целостности, при которой противоположности, тесно смыкаясь друг с другом, переходят друг в друга.

Эти связи и опосредствования диалектического тождества, которое в отличие от абсолютного самотождества, есть тождество неполное, изменяющееся и динамичное, вполне проявляются в кардинальном философском единстве противоположностей — единстве материи и сознания, материального и идеального, то есть в отношении, описываемом основным вопросом философии и его конкретизациями и точно характеризуемом марксистским его решением. Это решение, как известно, состоит в утверждении первичности материи и вторичности сознания, которое /сознания/ порождается материей, но затем оказывает на нее обратное воздействие и обладает тенденцией к "отождествлению" с этим своим источником. Данная тенденция имеет место в двух смыслах: /а/ в смысле предметно-практической реализации замыслов, целей, планов субъекта, что связано с тем, что /б/ знания субъекта, в свою очередь, в процессе познавательного отражения становятся по своему содержанию все более объективными, все более полно "охватывающими" свой предмет, "совпадающими" с ним. Содержательная объективизация знаний опирается на материальную практику, обеспечивается ей: благодаря ей же, практике, знания реализуют свою объективность уже во внешне-материальной, в том числе в собственно вещественной, форме. Имеет место и внутренне-материальная объективизация сознания, поскольку в развитом виде оно процессуально реализуется в мышлении, а мышление даже и тогда, когда оно не получает "выхода" в звуки голоса или в предметные манипуляции, обязательно существует в форме так называемой "внутренней" артикулирующей или чувственно-образной речи.

Сформулируем ряд положений позитивного резюмэ решения проблемы. Понятия идеального в диалектическом и историческом материализме взаимосвязаны, но не тождественны, подобно тому как "материальное" в историческом материализме связано с общепhilosophическим понятием материи, но по содержанию ему не

тождественно. Недаром создание исторического материализма явилось результатом распространения общих идей материализма на общественную жизнь и человеческую историю, но оно отнюдь не было плодом формально-логических экстраполяций основного содержания теории диалектического материализма на социальную сферу действительности.

Кроме того, следует отличать общепhilософское понятие идеального от соответствующих понятий в аксиологии /идеальное как носитель идеала, в противоположность несовершенному/, психологии /идеальное как психическое, в противоположность биофизическому и анатомофизиологическому/ и футурологии /идеальное как предсказываемое, в противоположность реальному, то есть фактически происходящему/.

С точки зрения диалектического материализма, идеальное диалектически противостоит материальному как /1/ продукт материи, /2/ результат становления материальной общественной практики, /3/ функция высокоорганизованного вида материи, /4/ особая форма движения в нервных тканях и как /5/ отражение действительности в качестве содержания сознания. Таким образом, "идеальное" однопорядково с "сознательным" и с "познавательным", но совпадает с двумя последними понятиями не полностью, поскольку сознание, а тем более самосознание, является высшей ступенью развития идеальных состояний, а познание представляет собой функцию идеального.

В нашей печати были возражения против понимания идеального /и сознания/ как особой формы движения. Но эти возражения несостоятельны: идеальное не есть только форма /вид/ движения; но идеальное не может быть неподвижным, т.е. неизменным, оно существует только в непрестанном изменении, и это изменение, конечно, не сводимо к физическим, химическим и биологическим преобразованиям. В.И. Ленин считал догматическими возражения Паульсена против рассмотрения мышления как особого движения<sup>56</sup>. Понимание идеального как продукта материи, противоположного по своему качеству материальному, как мы уже отмечали выше, было высказано классиками марксизма.

---

<sup>56</sup> Ленин В.И., Полн. собр. соч., т.29, с.337.

"... Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней"<sup>57</sup>. Неверно, будто это положение Маркса утрачивает свой конкретный смысл, если его брать не в контексте критики Гегеля. И еще: "В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально"<sup>58</sup>. Конечно, классики материализма иногда говорили и писали об идеальном как только иллюзорном, об "идеальных" побуждениях и целях, об "идеальном" как идеологическом компоненте надстройки общества<sup>59</sup>, а отсюда — и об "идеальном" возвышении философа-идеалиста над миром как выражении его идеологической позиции<sup>60</sup>. В связи с вопросами теории познания и метода основоположники марксизма писали об идеальных моделях и абстрактных сущностях<sup>61</sup>. Но все эти различия в постановках вопроса не должны вести к смещению их с основной общепринципиальной постановкой и решением проблемы идеального в общесотологическом плане. В чем состоит идеальность идеального? Не в абсолютном отрицании всех тех свойств, которые присущи материи, но в указании на специфическую модальность идеального. Так, например, идеальное не имеет геометрической формы, но невозможно отрицать его основоположение /оно находится в головах людей/ и существование под формой времени. Однако идеальное обладает качеством переживания, которое само по себе материи не присуще. Школьные примеры этого /переживание зеленого листа не зелено, мысль о кубе лишена кубичности, радость лишена пространственности и т.д./ определяются указанным качеством. Идеальное в общественной жизни тоже отличается специфичностью, поскольку оно не может существовать вне социальной и индивидуальной психологии, но не покрывается этими понятиями полностью, как не покрываются ими понятия "общественное сознание", "духовная надстройка", "идеология".

<sup>57</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.21.

<sup>58</sup> Там же, с.23, 189.

<sup>59</sup> Там же, т.3, с.25, т.20, с.90.

<sup>60</sup> Там же, т.3, с 277.

<sup>61</sup> Там же, т.20, с.543-544.

Вследствие относительности /не абсолютности/ противоположения идеального материальному имеется ряд отношений, в которых идеальное тесно связано с материальным. Таких отношений пять. Во-первых, материальным является социально-историческое происхождение всего идеального, поскольку основа/базис/ общественной жизни и производство средств к жизни носят материальный характер в двух смыслах: в смысле вещественности труда, его результатов, телесности потребностей и их удовлетворения и т.д. и в смысле объективности, т.е. независимости от произвола людей социальных связей, их закономерностей и общих последствий.

Во-вторых, материальная нейрофизиологическая основа психических процессов, в которых существуют идеальные образы и представления. В-третьих, это же должно быть сказано о языковой форме идеального, существующего в виде понятий и теоретических концепций.

Наконец, имеются два отношения, в которых идеальное связано с материальным опосредованным образом. Это отношение отражения-процесса материальной действительности и практической реализации знаний в предметной области процессов и явлений. Само по себе содержание идеальных форм сознания также идеально, но в этом содержании происходит отражение - результат окружающего субъекта материального мира. Воплощение идеального в практически-предметные, а значит материальные результаты опосредовано материальными операциями практической деятельности людей, но это уже не идеальное как таковое, а "бывшее" идеальное, и поскольку эти предметные результаты могут снова вызвать у людей соответствующие мысли, переживания, представления, то это также и "будущее" идеальное. Но отнюдь не актуально теперешнее!

Овеществление как вид отчуждения того, что идеально, в отличие от опредмечивания того, что идеально, в процессе материальной практики, не свидетельствует о материализации идеального, поскольку это есть иллюзорная метаморфоза, хотя негативное воздействие отчужденного овеществления на сознание людей вполне реально, и оно может быть весьма сильным. Вообще следует различать: а/ метаморфозу /преобразование/ идеального в материальное, происходящую реально, как, например, в

случае труда, б/ метаморфозу иллюзорную, в/ порождение материального идеальным в различных опосредованных формах и г/ разные воздействия идеального на материальное. Вообще говоря, "мысль о превращении идеального в реальное глубока: очень важна для истории... Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *überschwenglich*"<sup>62</sup>.

Что является идеальным в общественной жизни людей? Несомненно, что идеальны по своему качеству общественное сознание, а кроме того сознательные моменты в труде и производстве, в экономическом базисе жизни общества. Но неверно, повторяем, приписывать непосредственно статус идеального тем или иным опредмеченным видам общественного сознания, как делали у нас некоторые авторы. Ведь материализованные и неопредмеченные состояния идеального, например, в виде институциональной части надстройки, это не есть само идеальное *sensu stricto*. При указанном ошибочном подходе получается, что за идеальное выдается подчас материальное в виде создаваемой в процессе практики и уже созданной "второй природы". А когда идеальное отождествляется с материальным, мы оказываемся на пороге нового издания махистского взгляда на общественное бытие. Гипертрофия наличных в практике людей идеальных целеполаганий также ведет к растворению материально-производственной практики в "идеальном".

Неверно также метафизическое противопоставление общественного сознания индивидуальному сознанию. Такое противопоставление получается тогда, когда утверждают, что если с точки зрения диалектического материализма идеальное находится в головах людей, то с точки зрения исторического материализма — не в головах людей, а только где-то "между ними", ибо оно находится в общественных отношениях. Вопрос о материальности отношений в экономическом базисе жизни общества не требует здесь разъяснения заново. Что касается отношений идеологических, то они имеют место во времени и пространстве, но не сводятся к пространственно-временным отношениям и они не "помещены" между людьми как в каком-то особом интервале, взя-

---

62 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с.104.

тем помимо людей. Все социально-идеальное, как то идеология, знание и вообще духовная культура, не существует как таковое вне сознания людей, хотя и фиксируется в материально-знаковой форме книг, газет, кинолент и т.д. Духовная культура, если нет переживающих ее субъектов, "замирает" в виде застывшей информации, которая есть конденсат "социальной памяти".

**ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАГРУЖЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКИХ  
ДАННЫХ НАУКИ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЗНАНИЯ  
/КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ Н. ХЭНСОНА И Т. КУНА/**

**О. А. Подлишевский**

В современной философско-методологической литературе большое внимание привлекает положение о теоретической нагруженности результатов научных наблюдений и экспериментов, т. е. таких данных научного познания, которые, как это почти общепризнано, относятся к эмпирическому уровню науки. С целью обоснования особой концепции теоретизма и пантеоретизма<sup>1</sup> данный тезис особенно широко принят на вооружение в "историческом" направлении современной западной философии науки. Многие видные методологи Запада /Н. Р. Хэнсон, Т. Кун, П. Фейерабенд, И. Лакатос и др./ отводят ему немаловажное значение при развертывании своих методологических программ. В работах Куна и некоторых других сторонников "исторического" направления аргументация, приводимая в пользу обоснованности тезиса о теоретической нагруженности эмпирических данных науки, предполагает обращение к социально-культурному или социально-психологическому контексту познавательной деятельности ученых. А специфика понимания социально-психологических и других компонентов методологических систем, имеющая место среди отдельных представителей "исторического" направления, приводит к различным концепциям о сущности теоретической на-

---

<sup>1</sup> В отечественной методологической литературе термин "теоретизм" вслед за К. Поппером применяет Е. Никитин, противопоставляя теоретизм эмпиризму. См., напр.: Никитин Е. П. Формирование теоретического мира. - В кн.: Грязнов Б. С. и др. Теория и ее объект. М., 1973. В работах В. Швырева термин "пантеоретизм" используется при критическом анализе методологических установок ряда представителей "исторического" направления Запада. См., напр.: Швырев В. С. К анализу категорий теоретического и эмпирического в научном познании. - Вопросы философии, 1975, № 2.

груженности и к тем выводам, которые следуют из нее.

Яд аспектов положения о теоретической нагруженности эмпирических данных<sup>2</sup>, в том виде, в котором оно защищается в работах "исторического" направления, подвергался обоснованной критике в советской и зарубежной литературе<sup>3</sup>. Поэтому, не затрагивая всей совокупности аргументации, используемой для его обоснования, рассмотрим в критическом плане лишь позиции Н.Хэнсона и Т.Куна.

Исходной основой изложения гносеологических взглядов Н.Хэнсона о природе экспериментально-опытной деятельности естествознания выступает анализ восприятия в том виде, в котором он изложен в одном из психологических направлений - гештальтпсихологии. Итоговый материал многих известных опытов /ставших своего рода классическими/ под названиями "старая - молодая женщина", "кролик - антилопа" и др. свидетельствует, по мнению Хэнсона, о сложности любого перцептивного акта об опосредованности этого процесса со стороны запаса знаний, которым располагает некоторый наблюдатель в своей опытной деятельности. Гештальт-опыты, утверждает Н.Хэнсон, хорошо иллюстрируют то обстоятельство, что восприятие не предполагает простую фиксацию единичных чувственных впечатлений, а включает некоторую интерпретацию, которая определяется системой знаний наблюдателя и целостным образом на-

---

2 В качестве предварительного объяснения укажем, что под эмпирическими данными науки будем понимать результаты "первичной" обработки научных наблюдений и экспериментов, полученные в результате непосредственного воздействия предмета исследования и научных приборов. Эти данные, как и другие компоненты эмпирического уровня науки, не являются результатом чувственной деятельности "пассивного" типа. Как будет разъяснено далее, содержание эмпирических данных формируется в процессе активной деятельности естествоиспытателей, в которой большая роль отводится мысленным и разнообразным теоретическим формам познания.

3 См., напр.: Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980, с.182-195; Мамчур Е.А. Проблема соизмеримости теорий. - В кн.: Физическая теория. М., 1980; Мартынович С.Ф. Факт науки. Саратов, 1983; Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977, гл.2, § 4.

личной ситуации. Поэтому, например, в процессе визуального восприятия необходимо по крайней мере различать две стороны видения объекта: "видение как", когда наблюдатель просто видит некоторый предмет /вернее, его контуры/, не соотнося получаемое ощущение с имеющимся знанием, и "видение что": когда наблюдатель соотносит зрительные впечатления с системой знаний, которой он обладает, и видит некоторый конкретный предмет с присущими ему характерными свойствами. В реальной деятельности человека эти две стороны практически не различимы, и их разделение возможно лишь в теоретическом анализе. Тем не менее наличие этих сторон приводит к некоторым принципиальным гносеологическим выводам, характерным для всей познавательной деятельности субъекта. В частности, это свидетельствует о том, что для того, чтобы видеть один и тот же предмет, разным наблюдателям недостаточно обладать нормальными органами восприятия и фиксировать свойства некоторого объекта в одних и тех же условиях наблюдения, а необходимо прежде всего обладать одинаковым запасом знаний, одинаковой "концептуальной организацией"<sup>4</sup>.

Выводы, вытекающие из гештальтпсихологического анализа, Н. Хансон экстраполирует и на понимание природы экспериментально-опытной деятельности ученых. Так как в практике научного познания, по сравнению с обыденной деятельностью, значительную роль играют теоретические представления, то Н. Хансон приходит к выводу о зависимости результатов научных наблюдений и экспериментов от теоретических установок ученых. Исследуя специфику ряда ситуаций, типичных для опытной деятельности ученых, он констатирует следующее: "Если не приравнять наблюдение просто к непосредственным, ничего не говорящим восприятиям типа хужканье в чьем-то ухе или некоторого цветного пятна в визуальном поле наблюдателя - а вы были бы удивлены, если бы знали, как много философов и ученых приходят к такого рода приравнению, - то следует

---

<sup>4</sup> Hanson N.R. Pattern of discovery. Cambridge, 1958, p.18.

признать, что теоретическая нагрузка наших наблюдений очень велика<sup>5</sup>. В более категорической форме эта идея звучит так: "Даже наиболее случайные наблюдения заряжены теоретическими рассуждениями, извлеченными из нашего опыта и постоянной практической деятельности"<sup>6</sup>. Более того, Хэнсон также считает, что совокупность теоретических представлений ученого обуславливает в значительной степени и конкретный способ проведения научных наблюдений и экспериментов<sup>7</sup>.

Сходным образом, апеллируя к гештальт-опытам и ссылаясь на работы Хэнсона, предлагает свою версию теоретической нагруженности опытной деятельности Томас Кун. Его версия теоретизма наряду с другими факторами определяется специфическим социально-психологическим подходом к решению методологических проблем естествознания.

Вместо теории как исходной единицы методологических исследований Кун принимает другую исходную единицу - парадигму. Именно парадигма как система довольно разнородных установок, правил действия, образцов и других элементов, которыми пользуются ученые, обуславливает понимание всех сторон научной деятельности ученых<sup>8</sup>. Принятие парадигмы в работах

---

5 Hanson N.R. Perception and discovery. An introduction to scientific inquiry. Ed. by Humphreys. California, 1969, p.246.

6 *Ibid.*, p.245.

7 *Ibid.*, p.249.

8 В некоторых поздних работах Кун под влиянием критики уточняет смысл и особенности использования термина "парадигма" в своих работах. С этой целью, например, он выделяет социологический смысл - "общепризнанные образцы". См.: Дополнение 1969 года. В: Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; а также: Kuhn T. Second Thoughts on Paradigma. In: The Structure of Scientific Theories (ed. F. Suppe). Chicago, 1977. В то же время в других статьях позднего периода, как и многочисленные критики его работ, он использует термин "парадигма" без дифференциации его смысла. См. статьи в сборнике: Kuhn T. The Essential Tension. Chic., 1977. Мы также не будем специально выделять различные смыслы "парадигмы".

Куна тесно связано с анализом методологических проблем науки посредством изучения деятельности членов научных сообществ, т.е. исследование направлено не только на результаты научной деятельности, но и на систему правил, предпосылок, оценок и других элементов, с помощью которых ученые "делают" науку. При этом Кун обращает внимание и на зависимость парадигмальных представлений ученых от общего интеллектуального климата той или иной эпохи, рассматривая "мир ученого" как "воплощенный в парадигме опыт расы, культурной группы и, наконец, профессии"<sup>9</sup>. В этом смысле социальные или, как их обозначает сам методолог, социально-психологические факторы становятся составной частью специфики научной деятельности. Без их учета невозможно установление адекватной природы экспериментально-опытной и теоретической деятельности ученых.

Если с позиций марксистской методологии поставить общий вопрос, действительно ли результаты научных наблюдений и экспериментов "нагружены" теоретическими представлениями в том плане, что содержание эмпирических данных науки невозможно установить без теоретических положений, то ответ на него будет утвердительным<sup>10</sup>. Любые формы научного познания, включая познание новых свойств и отношений объективной реальности, происходят в рамках и под непосредственным влиянием разном-

---

<sup>9</sup> Kuhn T. The Essential Tension, p.171.

<sup>10</sup> Не входя в детали в высшей степени дискуссионной проблемы разделения эмпирического и теоретического, отметим, что по нашему мнению, несмотря на невозможность проведения строгой разграничительной линии между ними, эти уровни можно рассматривать в качестве относительно самостоятельных ступеней познания. Один из возможных критериев разграничения этих уровней состоит, во-первых, в конкретизации "вхождения" данных, получаемых с помощью научных наблюдений и экспериментов, в состав научных дисциплин /эмпирический уровень/, во-вторых, в установлении специфики формирования идеализированных объектов типа "идеальная жидкость", "атом" и других в контексте "идеальных" экспериментов, идеальных моделей /теоретический уровень/.

родных теоретических положений. В свое время Ф. Энгельс справедливо обращал внимание на невозможность полностью абстрагироваться в эмпирической деятельности от предшествующих форм мыслительной деятельности, в которые входят и теоретические положения. Ограниченно-эмпирический подход, пишет Энгельс, не в состоянии открыть новое: "Исключительная эмпирия, позволяющая себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений, воображает, будто она оперирует только с бесспорными фактами. ... Эта эмпирия уже не в с о с т о я н и ш правильно изображать факты, ибо в изображении их у нее прокрадывается традиционное толкование этих фактов"<sup>11</sup>. Дальнейший ход рассуждений Энгельса показывает, что задача ученого-экспериментатора при оперировании эмпирическим материалом должна состоять не в бесплодных попытках полного отмежевания от существующих форм теоретического познания, а в избегании влияния "преимущественно традиционных представлений, во большей части устаревших продуктов мышления своих предшественников"<sup>12</sup>.

С позиции диалектического материализма не вызывает сомнения не только известная теоретическая нагруженность эмпирического материала науки, но и его социальная обусловленность. Однако в понимании природы теоретической нагруженности эмпирических данных науки, как и в определении статуса социальных факторов, а также конкретных путей их влияния на все компоненты научно-познавательных систем, позиция диалектического материализма противостоит концепциям Н. Хэнсона и Т. Куна. Для того, чтобы убедиться в этом, обратимся прежде всего к вопросу о правомерности принятия гносеологических установок гештальтпсихологии в качестве основы познания научных наблюдений и экспериментов.

Как показал предыдущий анализ, для Хэнсона и Куна обращение к гештальт-опытам связано прежде всего с обоснованием положений о необходимости учета целостных характеристик восприятия, обусловленности результатов восприятий предшеству-

---

<sup>11</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 455-456.

<sup>12</sup> Там же, с. 455.

шим опытом и познавательными установками субъекта, несознательности формирования "гештальта" и перенесением этих установок в сферу естествознания. По всем этим проблемам в соответствующей психологической литературе имеются обширные исследования, показывающие неадекватность гносеологических выводов гештальтпсихологического направления.

Бесспорно, навыки практической деятельности и тот состав знаний, которым располагает познающий субъект к моменту восприятия, в известном смысле определяют, на какие стороны исследуемых явлений субъект будет обращать внимание, т.е. эти навыки и знания будут как бы определять первоначальные свойства и особенности воспринимаемых объектов и явлений. Такого рода воздействие в психологических концепциях, базирующихся на методологии диалектического материализма, и некоторых других фиксируется с помощью использования специальных терминов: "опережающее отражение", "познавательные установки", "схемы восприятия" и т.п. Однако при этом в ряде психологических направлений, в отличие от гештальтпсихологии, обоснованно обращается внимание на необходимость диалектического синтеза всех факторов, которые определяют конечный результат чувственных форм познания. Как подчеркивается в работах психологов, стоящих на позиции диалектического материализма, формирование восприятия происходит в познавательной деятельности субъекта, центральное место в которой отводится информации, получаемой от материальных объектов. В этой связи А. Запорожец и В. Зинченко, ссылаясь на соответствующие исследования С. Рубенштейна, отмечают: "Важно подчеркнуть, что именно предметность, являясь фундаментальным свойством восприятия, обуславливает все его своеобразие как психического акта... Другие важные свойства восприятия, такие как целостность, осмысленность, константность, являются производными от предметности, от способности субъекта относить получаемые впечатления к целостным предметам, обладающим относительной инвариантностью, несмотря на непрерывно меняющиеся условия наблюдения"<sup>13</sup>.

<sup>13</sup> Запорожец А.В., Зинченко В.П., Восприятие, движение, действие. - В кн.: Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982, с. 57.

Не менее важно в определении целостного результата восприятия выявить диалектическую связь между той информацией, которой руководствуется субъект, приступая к наблюдению, и информацией, полученной субъектом в самом процессе наблюдения. Представитель когнитивной психологии У. Найссер пишет об этом: "Мы не в состоянии воспринимать, если нет предвосхищения, но мы вовсе не должны видеть только то, что предвосхищено. ... Хотя у воспринимающего всегда есть по меньшей мере некоторые /более или менее специфические/ предвосхищения до того, как он приступает к сбору информации о данном объекте, они могут как корректироваться, так и углубляться в процессе смотра — протяженной во времени зрительной активности"<sup>14</sup>.

В этом отношении Н. Хэнсон и Т. Кун, вслед за гештальт-психологическим направлением, абсолютизировали своего рода "вторичные" особенности восприятия и возможности воздействия предшествующих познавательных установок субъекта на конечный результат восприятий. Естественно, такого рода гносеологическая позиция сказывается и при объяснении природы экспериментально-опытной деятельности естествознания и той роли, которую выполняют эмпирические данные в общем процессе формирования научных дисциплин.

В своем конкретном анализе природы научных наблюдений и экспериментов Т. Кун /несколько по-другому и Н. Хэнсон/ исходит из признания двух возможных альтернатив. Обращаясь к историческому анализу перехода от воззрений Аристотеля и Птолемея к Галилею, от Пристли к Лавуазье как типичным примерам смены парадигм, Кун задает следующий вопрос: "Действительно ли эти исследователи видели различные вещи, когда рассматривали объекты одного и того же вида"? И комментируя возможные ответы, автор продолжает: "Многие читатели, конечно, захотят сказать: то, что мы называем изменением с помощью парадигмы, есть только интерпретация учеными наблюдений, которые сами по себе раз и навсегда предопределены природой окружающей среды и меха-

---

<sup>14</sup> Найссер У. Познание и реальность. М., 1981, с. 63-64.

низмом восприятия. С этой точки зрения Пристли и Лавуазье оба видели кислород, но интерпретировали свои наблюдения различным образом; Аристотель и Галилей оба видели колебания маятника, но интерпретировали по-разному то, что видели<sup>15</sup>. Такой возможный ответ читателя оба методолога считают неприемлемым и квалифицируют как ответ, данный в духе логического эмпиризма. Более приемлемая альтернатива, по мнению Хансона и Куна, состоит в том, что названные великие естествоиспытатели принимают разные парадигмы и теоретические системы, поэтому они будут видеть совершенно различные объекты, хотя условия восприятия и строение органов чувств этих ученых можно считать одинаковыми. Именно принятие различных теоретических установок, предпосылок и основополагающих компонентов парадигм, сформированных в разных социально-исторических контекстах, приводит к совершенно различному "прочтению" одних и тех же объектов.

Сходным образом Кун, рассматривая ряд исторических примеров научных открытий, представляет дело так, будто информация, связанная с установлением объективной специфики материальной природы самих открытий, не играла определяющей или даже заметной роли в конечном результате. Главная роль отводится теоретическим рассуждениям. Так, останавливаясь на причинах открытия кислорода, он пишет: "Задолго до того, как Лавуазье сыграл свою роль в открытии нового газа, он был убежден, что в теории флогистона было что-то неверным и что горячие тела поглощают какую-то часть атмосферы<sup>16</sup>". Наряду с заметной тенденцией игнорирования роли объективных источников информации, у Куна в трактовке научных открытий и революционных трансформаций очевидны и другие гносеологические установки гештальтпсихологии. Например, среди причин перехода от геоцентрической системы Аристотеля к гелиоцентрической системе Галилея указывается на следующее: "Почему произошел сдвиг в восприятии? Конечно, в известной мере благодаря гениальности самого Галилея. Но заметим, что гений не проявился здесь в большей точности или объективности

<sup>15</sup> Кун Т. Структура научных революций, с.162-163.

<sup>16</sup> Там же, с 84.

наблюдения над качающимся телом. ... В процессе такого открытия включается, скорее, использование гением возможностей своего восприятия, которые помогли осуществить изменение в парадигме средневекового мышления<sup>17</sup>. Здесь, как и в других рассуждениях Куна и его предшественника по анализируемой проблеме Хэнсона, наиболее заметны гештальтпсихологические установки, которые и приводят к неверной оценке роли эмпирических данных в общей картине развития и изменения научных дисциплин. Они, в частности, не позволяют обоим методологам увидеть возможность обоснования позиции, избегающей представленной выше альтернативы в оценке природы научных открытий и той роли, которую выполняют в них научные наблюдения и эксперименты.

Что касается первой стороны альтернативы, то вполне можно согласиться с Куном, когда он настаивает на неверности признания абсолютной независимости языка наблюдений или эмпирических данных, получаемых в процессе опытной деятельности, от системы знаний, которыми руководствуются естествоиспытатели. Кун, имея в виду позицию логического эмпиризма, справедливо отрицает и "нейтральность" языка наблюдений по отношению к теоретическим представлениям при переходе от одной фундаментальной теоретической системы или парадигмы к другой<sup>18</sup>. Философско-методологический анализ, особенно последних лет, обоснованно показывает, что результаты опытной деятельности в науке действительно не выступают в качестве фиксации чувственных впечатлений о непосредственно наблюдаемых свойствах и явлениях. По данной проблеме нельзя не согласиться с многочисленными критиками позиции логического эмпиризма, указывающими на абсолютизацию им "непосредственных" чувственных данных, которые отождествлялись с содержанием

---

17 Кун Т. Структура научных революций, с.161. Можно отметить и характерное для гештальтпсихологии решение проблемы в приведенном высказывании.

18 Подробнее о критике логического эмпиризма по проблеме языка наблюдения см., напр., в работе: Hanson N.R. Logical positivism and the interpretation of scientific theories. - In: The legacy of logical positivism. Baltimore, 1969, pp.57-84.

эмпирического языка. Формирование содержания эмпирических данных науки происходит более сложным, опосредованным путем, чем это принималось в концепциях представителей логического эмпиризма на разных этапах его эволюции.

В то же время нельзя согласиться и с куновским вариантом решения поставленной альтернативы. Исходя из его рассуждений, получается, что результаты научного познания как бы полностью подчиняются логико-теоретическим формам деятельности ученых и научных сообществ. Гелиоцентрическая система Коперника, Галилея и других ученых, кислородная теория Лавуазье и иные исторические примеры доказывают, по мнению Куна и Хэнсона, что именно теоретическая деятельность великих естествоиспытателей определила новое "видение" мира, что и привело к созданию новых парадигм. При этом хотя и признается появление новых эмпирических данных, однако их значение и та роль, которую они выполняют в появлении новых парадигм, ставится в зависимость от теоретических установок. Эмпирические данные, как на это постоянно обращается внимание в работах обоих методологов, всегда выступают в виде теоретически нагруженных свидетельств. Абсолютизация теоретических представлений Хэнсоном и Куном имеет ряд общих черт с априоризмом И. Канта.

Близость концепций Хэнсона и Куна к априоризму Канта проявляется прежде всего в том, что подобно тому как немецкий философ постулировал евклидово пространство и время в виде априорных, доопытных форм чувственного созерцания, они принимают теоретические и парадигмальные установки ученых конкретного периода времени, в виде априорных условий, с которыми должны согласоваться результаты научных наблюдений и экспериментов. Конечно, между априоризмом Канта, с одной стороны, Хэнсона и Куна — с другой, существует и известное

различие. У Канта пространственно-временные формы предполагаются неизменными, внутренне присущими субъекту познания<sup>19</sup> в то время как Хэнсон и Кун признают возможность изменения парадигмальных и теоретических систем. Однако переход от одних систем теоретических положений /по терминологии Хэнсона/ или от одних парадигмальных установок /по терминологии Куна/ к другим происходит вне зависимости от экспериментально-опытной деятельности ученых. С этой целью они пользуются аналогией с переключением гештальтпсихологов. Отсюда такая характеристика революционного изменения в науке как "новая парадигма или подходящий для нее вариант, обеспечивающий дальнейшую разработку, возникает всегда сразу, внезапно среди ночи, в голове человека, глубоко втянутого в водоворот кризиса"<sup>20</sup>. По их мнению, ученые, работающие на оснoве различных теоретических систем, в одних и тех же ситуациях /на что уже обращалось внимание/ будут видеть совершенно различные явления, а между областями исследований этих ученых отрицается наличие преемственности на эмпирических и теоретических уровнях /о чем, в частности, свидетельствует постулирование принципа несоизмеримости парадигм, отстаиваемого Куном/.

Тем самым Хэнсон и Кун частично "усовершенствуют" методологическую схему Канта, заменяя субъективный идеализм и "абсолютизм" на "коллективный субъективизм" идеалистического типа и исторический релятивизм<sup>21</sup>.

19 Некоторые исследователи обращают внимание на знакомство Канта с дискуссионной природой постулатов Евклида. Однако это не помешало немецкому философу настаивать на априорности пространственно-временных форм. См. по данному вопросу, напр.: Нарский И.С. Западно-европейская философия XIX века. М., 1976, с. 53.

20 Кун Т. Структура..., с. 126.

21 На эти особенности концепции Куна уже обращалось внимание. См.: Рабане Я.К. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1977, вып. 404.

Апериоризм методологической схемы Куна завуалирован его пониманием естествознания как социально обусловленной деятельности научных сообществ. Возникновение новых парадигм он связывает с изменением общего социального климата конкретной исторической эпохи. И в отличие от ряда сторонников "исторического" направления современной философии науки Кун среди причин, подготавливающих изменение научно-теоретических систем, указывает и на изменение в различных областях жизнедеятельности человека, так или иначе связанных с наукой. В частности, он справедливо указывает на своего рода плюралистичность характера научных революций, т. е. на широкий масштаб изменений, происходящих в процессе научной трансформации и охватывающих не только некоторую частную, узкую область науки, но и изменения в смежных научных и ненаучных областях. Факторы, обусловившие появление коперниканских идей, описываются следующим образом: "Сам Коперник был специалистом, астрономом-математиком, занимавшимся корректной эзотерическими правилами составления таблиц вычисления местоположений планет. Но направление его исследований было частично детерминировано со стороны областей, далеких от астрономии. Среди них были средневековые изменения в анализе падающих тел /камней/, ренессансное восстановление древней мистической философии, видевшей в Солнце образ бога, и плавание по Атлантическому океану, расширившие земной горизонт человека эпохи Ренессанса"<sup>22</sup>. Как показывает уже приведенное высказывание, Кун несколько односторонне трактует социальную обусловленность научного познания, понимая под ней воздействие на характер научного познания ряда философских, религиозных и других интеллектуальных представлений конкретной эпохи. Хотя среди других факторов, связанных с наукой, и упоминается "экономическая среда", но ее воздействие на научное познание не раскрывается сколько-нибудь детальным обра-

<sup>22</sup> Kuhn T. The Copernican Revolution. Cambridge, 1957, p. VII.

Истатистически отметим, что Кун в ряде своих работ, включая и наиболее известный его труд "Структура научных революций", не останавливается подробно на связи научных идей с общим интеллектуальным или социальным "климатом" эпохи.

зом, а преследивается в основном лишь взаимосвязь научных идей с другими областями интеллектуальной жизни общества.

Все это приводит к тому, что роль результатов наблюдений и экспериментов в общей картине формирования научных дисциплин принижается и считается, что содержание эмпирических данных науки не обуславливается объективной природой исследуемых явлений, а ставится прежде всего в зависимость от теоретического контекста и интеллектуальной среды общества в целом.

Как обстоятельно показывается в диалектическом материализме наблюдение и эксперимент, будучи основными способами получения эмпирических данных, относятся к практическим формам познавательной деятельности человека<sup>23</sup>. С их помощью естествоиспытатели осуществляют непосредственную или опосредованную /с помощью приборов и других средств опытной деятельности/ связь с объективной реальностью. Поэтому получение результатов познавательной деятельности в этих формах будет подчиняться закономерностям, характерным для всех видов практической деятельности. В общем гносеологическом плане В.И. Ленин выделял следующие элементы процесса познания: "Тут действительно, объективно три члена: 1/ природа; 2/ познание человека = мозг человека /как высший продукт той же природы/ и 3/ форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc." ~~24~~. Исходя из данной схемы в философско-методологическом анализе, можно констатировать комплексный характер зависимости содержания эмпирических данных науки, как и других компонентов научных дисциплин, от ряда факторов. Во-первых, специфика содержания этих данных будет определяться особенностями

23 Практическая природа научных наблюдений и экспериментов детально разъясняется в работах ряда советских философов. См., напр.: Штофф В.А. Введение в методологию научного познания. Л., 1972; Степан В.С. Научное познание как "опрежающее отражение" практики. - В кн.: Практика и познание. М., 1973.

24 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 164. На важность ленинской схемы для социальной детерминации познания несколько в иной связи обращается внимание в работах Я. Ребана.

свойств, отношений, взаимосвязей объектов конкретной области, которая выступает в качестве предмета познания некоторой научной дисциплины. Сюда же можно отнести зависимость конечного результата познания от средств наблюдения, измерения, различного рода приборов и других материальных систем /включая ЭВМ/, с помощью которых опосредуется связь естествоиспытателей с познаваемыми объектами. Во-вторых, это содержание будет определяться состоянием воспринимающих внешнюю информацию анализаторов, передающих и анализирующих ее. В-третьих, установление особенностей и состава эмпирических данных науки будет зависеть и от довольно разнородной системы знаний, которой располагает естествоиспытатель к определенному историческому этапу познания.

Учитывая общественный характер деятельности человека как внутренне присущую ему черту, свойственную всем аспектам и сторонам этой деятельности, приведенные компоненты познавательной схемы следует рассматривать в социально-культурном контексте конкретного исторического периода времени. Основываясь при решении проблемы социально-исторической детерминации всех аспектов научного познания на концепции социальной памяти /как информационного базиса, определяющего функционирование и развитие науки/<sup>25</sup>, подчеркнем, что материалистическое решение этой проблемы дается комплексным путем как с помощью установления материально-объективных носителей социальной памяти, так и посредством выявления духовно-смыслового содержания, присущего этим носителям.

Если проследить предысторию научного открытия в области экспериментально-практической или теоретической деятель-

---

25 Из последних работ в области материалистического решения проблемы социальной детерминации научного познания отметим: Ребане Я.К. Социально-историческая детерминация развития научного познания. - В кн.: Материалистическая диалектика как общая теория развития научного знания. М., 1982, разд. I, гл. 2; Статьи Я. Ребане, Е. Мамчур и других в кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. Диалектика - мировоззрение и методология современного естествознания. М., 1983.

ности ученых, то можно установить, что появление новых эмпирических фактов или новых теоретических представлений было детерминировано, подготовлено предшествующими изменениями как в более общих сферах материально-практической и интеллектуальной деятельности, так и в сфере интеллектуальной деятельности отдельной научной дисциплины.

Не останавливаясь детальнее на конструктивной стороне решения проблемы, в плане критического анализа позиций Хэнсона и Куна, укажем, что наиболее слабой стороной их методологической концепции выступает фактическое игнорирование роли материальных носителей социальной памяти, связанных с практической деятельностью людей. В свою очередь, это отрицание приводит не только к традиционному абстрактному представлению о сущности социальной детерминации научного познания как социально-культурной передаче одних знаний, но и к игнорированию объективной стороны информации, присущей эмпирическим и другим компонентам научных дисциплин.

Согласно концепции социально-исторической детерминации естественнонаучного познания в ее материалистической трактовке рациональный смысл утверждения о теоретической нагруженности эмпирических данных состоит прежде всего в том, что разнородные теоретические представления естествоиспытателей позволяют уточнить состав "основных" свойств и характерные черты изучаемой области явлений, которые становятся на эмпирическом уровне представителями всего богатства свойств этих явлений. Другими словами, естествоиспытатели руководствуются своими теоретическими представлениями в процессе конкретизации именно тех сторон и свойств исследуемой области, которые считаются наиболее важными на определенном историческом этапе познания. На том или ином историческом этапе естествоиспытатели не могут, как известно, выявить всего богатства свойств и отношений, поэтому, ставя в центр внимания лишь некоторый набор свойств и отношений, от других познаваемых характеристик они абстрагируются. Не менее важной стороной теоретических представлений выступает и их систематизирующая функция, т.е. теоретические установки способствуют переработке результатов научных наблюдений и экспериментов в некоторую единую систему, на основании кото-

рой в дальнейшем анализе происходит и уточнение компонентов теоретического уровня знания. Тем самым, вне теоретической нагруженности невозможно понять целостного содержания как эмпирических понятий, так и всего состава эмпирического уровня научного знания. Вместе с тем теоретические представления не предопределяют всего содержания эмпирических элементов науки.

Для понимания этого содержания эмпирических данных, которые устанавливаются на конкретном историческом этапе, необходимо учитывать и влияние других сторон социальной памяти. С точки зрения диалектико-материалистической позиции одной из основных форм обусловленности содержания эмпирических данных выступает и их зависимость от объективной специфики предметов и явлений изучаемой области, а также от средств практической деятельности, используемых при этом. Именно игнорирование данной стороны в естественнонаучном познании и приводит Хэнсона и Куна к ряду агностических и идеалистических выводов, в том числе к абсолютизации теоретической нагруженности результатов научных наблюдений и экспериментов.

ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ:  
"ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ"

А.С.Уйбо

К 70-м годам XX в. неопозитивистская трактовка научной теории как интерпретированного логического исчисления / так называемая "стандартная точка зрения" или "стандартная модель" / оказалась в западной философии науки полностью дискредитированной. На смену ей пришли новые концепции, для большинства которых характерен исторический подход к исследованию научного познания. Данная статья представляет попытку критического анализа некоторых концепций "исторического направления"; конструктивное изложение проблем, связанных со структурой и функциями научной теории, автор намерен дать в отдельной работе.

Наибольшую известность среди работ исторического направления получила, видимо, концепция Т.Куна, впервые сформулированная в 1962 г. в его книге "Структура научных революций". Она была наиболее влиятельной, но далеко не единственной альтернативой неопозитивистской модели научного знания. Одновременно с Т.Куном развивают свои концепции такие представители антипозитивизма как И.Лакатос, С.Тулмин, П.Фейерабенд, Н.Хэнсон, Д.Шэпир и др. Ближе других к Т.Куну оказался П.Фейерабенд, который занимает наиболее радикальную позицию в современной западной философии науки<sup>1</sup>, тогда как Лакатоса, Тулмина и Шэпира относят к "историческим реалистам"<sup>2</sup>.

1 Общую характеристику концепции П.Фейерабенда см. в работах: Подлишевский О.А. Современная буржуазная философия науки о языке и развитии естественнонаучного знания, Таллин, 1982, ч.П, с.47-55, 108-113, 155-166; Никифоров А.Д. От формальной логики к истории науки. М., 1983, с.135-170; Suppe F. The search for philosophic understanding of scientific theories - In: The Structure of Scientific Theories, p.170-180.  
2 Suppe F. Afterword - 1977. - In: The Structure of Scientific Theories, p. 650-659.

Будучи реакцией на формализм логического позитивизма, концепции Куна и Фейерабенда были, в силу своего радикализма, скорее средством критики эмпиризма, чем конструктивным анализом современного научного познания. Если логический эмпиризм хотел свести теорию к множеству эмпирически фиксируемых базисных высказываний, поставив объективность науки в полную зависимость от последних, то Т.Кун и особенно П.Фейерабанд во многом лишили научное познание критериев объективности, включив эмпирический базис в состав теорий. Также шарканье из одной крайности в другую /а крайности, как известно, сходится/ всегда было характерным для буржуазной философии, лишней раз демонстрируя ее антидиалектический характер. Кроме того в ходе этого процесса неизбежно появляются и эклектические концепции, пытающиеся избежать крайностей и механически сочетать разнородные принципы противостоящих друг другу позиций.

В качестве примера сошлемся на так называемую сетевую модель научной теории, разрабатываемую английским философом Мери Хессе. В основе этой модели лежит широко известный тезис Дюгема - Куайна, согласно которому чувственный опыт не может служить критерием истинности отдельно взятого высказывания, но выполняет эту функцию по отношению к системе знаний в целом<sup>3</sup>. В представлении У.Куайна, наши знания или убеждения, от наиболее случайных вопросов географии и истории до сложнейших построений чистой математики и логики, представляют собой структуру, созданную человеком, которая опирается на опыт только своими контурами. Наука в целом напоминает силовое поле, граничными условиями которого является опыт. Противоречие опыту на периферии служит причиной реорганизации внутри поля - если некоторые высказывания меняют значение истинности, то эта переоценка влечет за собой другие, в силу логической взаимосвязи высказываний. Логические законы сами являются также высказываниями системы, определенными элементами поля. Переоценив одно высказывание, мы должны пе-

---

3 Подробнее об этом тезисе см.: Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978, с.160-165.

реоценить и ряд других, которые или логически связаны с первыми, или фиксируют сами логические связи. Но поле в целом детерминировано своими граничными условиями, т.е. опытом, таким образом, что всегда имеется достаточная свобода выбора, какие именно высказывания переоценить в свете отдельного контрпримера.

Отсюда будто бы вытекает, что любое высказывание в принципе может считаться истинным /при соответствующей перестройке всей концептуальной системы/, и что ни одно высказывание не застраховано от пересмотра. Но одни высказывания соответствуют чувственному опыту в большей степени, другие — в меньшей, и можно считать, что первые расположены на периферии познавательного поля, тогда как вторые /например, теоретические положения физики или логики/ образуют центр этого поля и не связаны с какими-то отдельными чувственными данными. Научные концептуальные схемы — это в конечном счете средства для предсказания будущего опыта в свете опыта прошлого. Физические объекты вводятся как удобные посредники, как первые основания, сравнимые, с эпистемологической точки зрения, с богами Гомера. С научной точки зрения, конечно, предпочтительнее верить в существование физических объектов, но эпистемологически эти объекты и боги Гомера различаются только по степени соответствия опыту, но не по своей природе. Оба вида сущностей входят в наши концепции как культурные основания, равноценные за исключением степени, в которой они упрощают обработку чувственного опыта<sup>4</sup>.

Из этих положений заимствует свои основные идеи и М. Хессе. Теория в ее понимании — это сеть, состоящая из предикатов и их законоподобных отношений, но в отличие от известного по сравнению К. Гемпеля<sup>5</sup> сеть Мери Хессе не парит над областью

<sup>4</sup> Quine W. From a Logical Point of View. Cambridge (Mass.), 1964, p. 42-45.

<sup>5</sup> "Научная теория может быть, таким образом, уподоблена пространственной сети. Ее термины представлены узлами, тогда как нити, связывающие последние, частично соответствуют дефинициям и частично фундаментальным и производным гипотезам, включенным в теорию. Вся система как бы парит над плоскостью наблюдения и прикреплена к ней посредством нити

наблюдения, а касается ее некоторыми своими узлами. Какими именно узлами, зависит от исторической стадии развития теории, ее языка, а также способа, которым она сформулирована; и эти узлы не застрахованы от изменений в ходе развития науки. Отсюда следует также, что из сетевой модели исчезают правила соответствия: все отношения между предикатами становятся законами<sup>6</sup>. Кстати, законами сетевой модели выступают любые общие высказывания типа "Мячи круглые", "Деревья летом зеленые" и т.п., что, конечно, весьма далеко от понятия научного закона.

Положения, развиваемые М.Хессе, можно разделить на две группы: во-первых, это идеи, заимствованные из логического эмпиризма, во-вторых, положения, выдвигавшиеся его критиками. Так, сначала английская исследовательница выступает против дихотомии "наблюдаемое — теоретическое", а затем фактически ее проводит, разделяя теоретические и "относительные высказывания наблюдений". Различие с логическим эмпиризмом состоит лишь в том, что М.Хессе придерживается принципиальной возможности взаимоперехода теоретических и эмпирических предикатов. Далее, сначала из сетевой модели элиминируются правила соответствия, а затем утверждается, что "теоретическая сущность должна, тем не менее, иметь определенное постулируемое отношение к наблюдаемой сущности, чтобы вообще входить в научную теорию"<sup>7</sup>.

Таких несовпадений в работах М.Хессе можно найти немало, и это не удивительно, т.к. она пытается решить гносеологические проблемы путем совмещения противоположных позиций, что не-

---

соответствия. Последние могут рассматриваться как нити, которые не будучи частью сети, соединяют определенные точки этой сети с определенными местами на плоскости наблюдения".  
Hempel C. Fundamentals of Concept Formation in Empirical Science. Chicago, 1958, p. 36.

<sup>6</sup> Hesse M. The Structure of Scientific Inference, Berkeley-Los Angeles, 1974, p. 27.

<sup>7</sup> Ibid., p. 29.

возможно без их диалектической переработки. "Эмпирическая эпистемология" М.Хессе, представляя собой причудливую смесь отдельных положений логического эмпиризма, индуктивной логики, теории вероятностей, а также исторических примеров из теорий Максвелла и Эйнштейна, замешанную на конвенционализме Дюгема - Куайна, не может, конечно, служить, как было задумано ее автором, в качестве методологии, преодолевающей разрыв между логическим эмпиризмом и его критиками. Скорее, сетевая модель научной теории демонстрирует бесперспективность как формализма логических позитивистов, так и релятивизма Куна и Фейерабенда при создании реалистической модели научного познания, а также несостоятельность конвенционализма в качестве теоретической основы такой модели.

Более удачной попыткой преодолеть крайности релятивизма, не повторяющей ошибки логического эмпиризма, является концепция, развиваемая американским философом Дадли Шепиром, который в своих работах стремится получить философские обобщения из реальной практики научного исследования. При этом Шепир исходит из трех постулатов, которые считает необходимыми предпосылками адекватного анализа научного знания:

1/ постулат научной рациональности: научное развитие и инновации могут быть описаны как рациональные; 2/ постулат обобщаемости научного рассуждения: из рациональности отдельных случаев могут быть выведены принципы, применимые во многих других случаях; 3/ постулат систематизируемости принципов научного рассуждения: эти принципы в определенном смысле могут быть систематизированы<sup>8</sup>.

Легко заметить, что эти постулаты представляют собой ничто иное как утверждения о законосообразном характере научного познания, против чего не стоит возражать. Дела в том, что здесь не хватает главного: обоснования этих постулатов.

В своем анализе природы научных теорий Д.Шепир основное внимание уделяет их генезису. Научная теория представляет собой ответ на определенные проблемы, поэтому нуж-

---

<sup>8</sup> Shapere D. Scientific Theories and Their Domains. - In: The Structure of Scientific Theories. Urbana, etc., 1977, pp. 524-525.

но прежде всего постараться понять, как эти проблемы возникают. Для этого и вводится центральное понятие концепции Шэпира — понятие домена, или сферы научной теории. Домен представляет собой совокупность информации, рассматриваемую в качестве объекта исследования той или иной науки или отрасли науки, причем единицы этой информации определенным образом связаны друг с другом, и в то же время эта связь остается в каком-то отношении неясной, проблематичной. Изучение доменов включает ответы на следующие вопросы: 1. В силу каких соображений определенную совокупность информации ученые начинают рассматривать как "домен", т.е. как объект исследования? 2. Как выполняется и как изменяется описание единиц домена на ~~разных~~ стадиях научного исследования? 3. Какие виды несоответствий, вызывающие необходимость дальнейших исследований, имеются в таких совокупностях информации, и в силу каких оснований они рассматриваются в качестве проблем, требующих дальнейшей разработки? 4. Какие соображения ведут к зарождению специфических направлений исследования, и в силу каких причин некоторые направления считаются более общающимися на пути решения проблем, относящихся к домену? 5. Почему можно ожидать, иногда даже требовать, чтобы были найдены решения определенного вида с определенными характеристиками для этих проблем? 6. В силу каких оснований определенные решения научных проблем принимаются как адекватные?<sup>9</sup> Ответы на эти вопросы и должны прояснить, как возникают и функционируют научные теории, учитывающие информацию, содержащуюся в домене.

Понятие домена в концепции Шэпира заменяет, таким образом, традиционное деление на наблюдаемое — теоретическое, которое, по мнению американского философа, не только является смутным и неопределенным, но даже в той степени, в какой представляется ясным, это деление не проливает света на природу научного мышления. Вместо того, чтобы рассматривать термины теории и наблюдения как совершенно различные,

---

<sup>9</sup> Ibid., p. 523.

следует осознать их взаимозависимость. Так, теория, на определенном этапе развития науки решавшая проблему домена, позже сама становится частью домена, как, например, произошло с теорией Максвелла. И, напротив, наблюдение в науке всегда оказывается теоретически нагруженным.

Поскольку теории или теоретические сущности входят в состав домена новой теории, Д.Шэпир предпочитает использовать понятия "элемент домена" или "единица информации" вместо понятия "факт", которое ассоциируется с атомарностью, наблюдаемостью и независимостью. Проблемы, стимулирующие теоретические исследования, касаются не элементов домена, взятых в изоляции, а их связей; но для философов науки, придерживающихся атомарного подхода к фактам, этот важнейший источник научных проблем остается закрытым. Конечно, имеются и другие генераторы научных проблем, например, единичные факты наблюдения, не укладывающиеся в известные теории, но и они приобретают проблематичный характер только на фоне "предпосылочной информации", т.е. в связи с определенным знанием<sup>10</sup>.

Среди проблем, относящихся к домену, Шэпир выделяет три класса: 1/ проблемы, относящиеся к самому домену: их содержанием является уточнение размеров домена, определений и измерений свойств и отношений элементов домена и т.п. Эти проблемы возникают, и соответствующие исследования предпринимаются не сами по себе, а только если появляются новые несоответствия или решается теоретическая проблема; 2/ теоретические проблемы: это проблемы, касающиеся природы отношений между элементами домена; как правило, теоретические исследования предпринимаются с целью вскрыть за наблюдаемыми упорядоченностями более глубокие связи; 3/ теоретические несоответствия: проблемы, касающиеся адекватности самой теории — ее неполноты, упрощений и т.п.

Теории, таким образом, следует рассматривать как поиски ответов на теоретические проблемы. Основными типами теорий являются 1/ композиционные и 2/ эволюционные. Первые отвечают на композиционные проблемы, требующие решения при помощи тер-

---

<sup>10</sup> Ibid., 528-531.

минов, описывающих составные части элементов домена и законы, управляющие поведением этих частей. Типичным примером композиционной теории является периодическая система элементов Д.И. Менделеева, где свойства химических элементов /элементов домена/ объясняются через их атомные веса. Вторые — эволюционные теории отвечают на проблемы, требующие решения на языке развития компонентов, образующих домен. Примером эволюционной теории может служить дарвиновская теория биологической эволюции<sup>11</sup>.

Разбирая историю создания периодической системы элементов, Д. Шапир приходит к обобщениям, называемым им принципом композиционного рассуждения. Этот принцип утверждает, что в той степени, в какой домен  $D$  удовлетворяет всем или некоторым нижеследующим условиям, рационально ожидать, что для  $D$  будет найдена композиционная теория. Условия таковы: 1/  $D$  упорядочен; 2/ порядок периодичен; 3/ порядок дискретен, т. е. основан на свойстве, величина которого "прыгает" от одного элемента к последующему; 4/ порядок и периодичность достаточно распространены, детализированы и уточнены; 5/ композиционные объяснительные теории ожидаются для других доменов; 6/ композиционные теории оказались или обещают стать успешными в других доменах; 7/ есть основания предполагать, что  $D$  связан с такими другими доменами как часть большего домена.

В свете этого принципа можно даже говорить о "степени рациональности" поисков композиционной теории: чем большее количество условий 1/-7/ и чем полнее каждое из них в отдельности удовлетворяется, тем рациональнее придерживаться линии исследований, направленной на создание композиционной теории<sup>12</sup>.

В случае эволюционных теорий /в качестве примера рассматривается применение спектрального анализа к изучению звездных эволюций/ Д. Шапир вводит принцип эволюционного рассуждения: 1/ если домен упорядочен, и если этот порядок может быть рассмотрен как увеличение или уменьшение

<sup>11</sup> Ibid., pp. 533-534.

<sup>12</sup> Ibid., pp. 541-542.

фактора /факторов/, лежащего в основе упорядочения, то рационально предположить, что порядок может быть результатом эволюционного процесса, и рационально предпринять исследования для поисков эволюционной теории; 2/ рациональность таких ожиданий возрастает, если есть способ /например, и-пользуя предпосылочную информацию, такую как теория из другого домена/ представить имеющийся порядок как временную последовательность, и возрастает еще больше, если эта последовательность может рассматриваться как направленная.

При выполнении обоих условий для домена можно ожидать создания эволюционной теории, хотя эти условия, конечно, не охватывают всех способов рассуждения, применяемых при создании всех возможных эволюционных теорий.

Итак, определенным образом организованная совокупность информации порождает ряд проблем; решения некоторых из них называют "теориями". В свою очередь, "теория" — это то, что учитывается как возможное решение любой из проблем определенного вида.<sup>13</sup>

Д.Шэпир справедливо, на наш взгляд, указывает, что, во-первых, изучение оснований и функций реальных научных теорий может только способствовать разработке общего понятия теории. Во-вторых, и это главное, исследование проблемы определения теории почти ничего не дает для лучшего понимания научных теорий, поскольку такое понимание может быть достигнуто преимущественно через исследование их происхождения, развития и функционирования.<sup>14</sup>

Действительно, проблема определения теории может быть решена путем изучения возникновения и развития научных, социально-политических и философских теорий, но, в свою очередь, эти исследования предполагают хотя бы предварительное понятие теории. В ходе изучения конкретных теорий понятие теории может видоизменяться, совершенствоваться, приобретать или терять некоторые характеристики, но оно уже предварительно ограничивает класс теорий, которые становятся объектом исследования.

---

<sup>13</sup> Ibid., pp. 553-555.

<sup>14</sup> Ibid., 555-557.

Далее, если бы уже была получено общепризнанное адекватное определение научной теории, она весьма и весьма способствовала бы как пониманию природы научных теорий, так и изучению функционирования конкретных теорий. Поэтому вопрос о соотношении логического и исторического методов исследования — а именно к этому сводится второе замечание Шапира — гораздо сложнее, чем в изложении последнего, и получает адекватное освещение в марксистской литературе путем раскрытия их диалектической взаимосвязи.

Следующий класс проблем, рассматриваемый Д. Шапиром, — это так называемые теоретические несоответствия, к которым относятся, во-первых, неполнота теории. Под неполнотой понимается наличие в домене теории явлений, не учитываемых теорией, при условии, что нет оснований сомневаться в правильности теории, и что возможность дополнения теории остается открытой. Теория, таким образом, может быть неполной по отношению к своему домену, не будучи в то же время неправильной. Во-вторых, к теоретическим несоответствиям относится упрощение, содержащееся в теории, — имеется в виду отвлечение от ряда незначительных /с точки зрения данной теории/ воздействий, испытываемых некоторыми элементами домена.

Упрощение /в другой работе Шапир использует термин "идеализация"/ необходимо, например, чтобы использовать математический аппарат, или упростить применение теории и т.д. В то же время наличие теоретических несоответствий является причиной несоответствий между теоретически предсказанными и полученными путем наблюдения или эксперимента результатами. Отсюда следует принцип неотбрасывания теорий, формулируемый Шапиром: когда обнаруживаются расхождения между предсказаниями теории и результатами наблюдения или эксперимента, не отвергайте теорию как фундаментально ошибочную, прежде чем исследовать те области теории, в которых имеется симплификация, ответственная, возможно, за эти расхождения<sup>15</sup>.

Против этого "принципа" также нечего возразить, поскольку он является обобщением реальной научной практики. Научные теории, как это и подтверждается историей науки, никогда не

---

<sup>15</sup> Ibid., pp. 558-563.

отбрасываются из-за отдельных расхождений с эмпирическими данными, и в этом Кун, Шапир, Лакатос, Тулмин и другие критики наивного фальсификационизма, конечно, правы. Дело в том, что одной из функций научной теории является инструментальная функция, т.е. теория выступает в качестве средства, инструмента познания и поэтому относительно независима от данных наблюдения. Это обстоятельство и учитывается представителями "исторического реализма": например, И. Лакатос вводит в свою концепцию исследовательских программ так называемую негативную эвристику, задача которой заключается в предотвращении прямого сопоставления контрпримеров с "твердым ядром" исследовательской программы. Другими словами, речь идет о том, что в случае появления контрпримеров нельзя применять модус толленс к основным теоретическим положениям и на этом основании отвергнуть научную теорию, а следует вводить вспомогательные гипотезы таким образом, чтобы контрпримеры превратились в факты, подтверждающие исследовательскую программу<sup>16</sup>.

Инструментальная функция научной теории всячески подчеркивается не только представителями исторического направления; еще раньше это делали конвенционалисты П. Дюгем и У. Куайн, а также в определенной степени инструменталисты и операционалисты Дж. Дьюи, П. Бриджмен и др. Ошибочность позиций вышеупомянутых ученых состоит, конечно, не в том, что научные теории и понятия не обладают свойствами средств познания; несостоятельность этих концепций проявляется в абсолютизации инструментальной функции теории, с одной стороны, и в отрицании за научными теориями функции отражения, с другой. Без признания принципа отражения невозможно построить последовательно реалистическую, т.е. материалистическую

---

<sup>16</sup> Подробнее о концепции Лакатоса см.: Меркулов И. П. Методология исследовательских программ и проблемы логико-методологического анализа развития знания. — В кн.: В поисках теории развития науки. М., 1982, с. 161—210; Подлишевский О. А. Ук. соч., с. 55—63, 113—122, 166—173.

методологию научного познания — эту известную истину еще раз подтверждают затруднения, которые испытывает современная философия науки на Западе.

Оценивая концепцию Шэпира в целом<sup>17</sup>, можно отметить, что если Т.Кун и П.Фейерабенд применяют исторический подход для того, чтобы показать изменчивость и относительность научных теорий и стандартов, то Д.Шэпир, напротив, изучая исторические случаи, стремится получить "образцы рациональности", а также раскрыть генезис современных представлений о целях и нормах научного исследования. При этом он выступает в защиту как объективности научного познания, так и рациональности развития науки, занимая по западной классификации позиции реализма в вопросе о природе научных теорий.

Другими словами, Д.Шэпир представляет материалистическую линию в современной буржуазной философии науки, которая признает существование независимой реальности в качестве предмета научного исследования, признает познаваемость этой реальности и которая в последнее время завоевывает более прочные позиции. К сильным сторонам концепции Шэпира можно отнести ее историзм, подчеркивание роли "предпосылочной информации" в становлении научных теорий, стремление обосновать рациональный характер развития науки и т.д. В то же время, подобно всем другим немарксистским материалистическим течениям, эта концепция страдает прежде всего от недостатка диалектики, от игнорирования таких достижений марксистской философии как учение о практике, об абсолютной и относительной истине и др.

В самом деле, для построения адекватной теории развития науки, а следовательно, научных теорий, поскольку развитие науки происходит прежде всего в форме смены теорий,

---

<sup>17</sup> В рамках данной статьи мы лишены возможности рассмотреть другие работы Д.Шэпира. Отметим, что динамика научных теорий рассмотрена им в статье: Shapere D. The scope and limits of scientific change. — In: Logic, Methodology and Philosophy of Science VI. Warszawa, etc., 1982, p. 449-459.

еще недостаточно признания ее рациональности или признания существования независимой реальности. Связь этих положений нуждается в философском обосновании, а такое обоснование дает только марксистский принцип отражения. Далее, нельзя адекватно понять развитие науки без анализа этого развития в широком социальном контексте, а современным средством такого анализа является марксистское учение о социальной детерминации познания. У Шэпира же признание такой детерминации ограничено указанием на роль философских и теологических идей в генезисе доменов, чего явно недостаточно. Наконец, нельзя адекватно исследовать развитие науки без применения общей теории развития, а такой теорией, как известно, является материалистическая диалектика. Коротко говоря, разбираемая концепция обладает недостатками, общими для исторического направления, о которых подробнее будет сказано ниже.

Кроме того следует отметить размытый, неопределенный характер понятия "домен", несущего основную нагрузку в концепции Д. Шэпира. Действительно, при желании к домену можно отнести почти все, что влияет на возникновение научной теории, а потому эвристическое значение этого понятия существенно снижается. Структура домена нуждается во внутренней дифференциации и ранжировании, чтобы это понятие стало действительно полезным при изучении генезиса научных теорий. Далее, что относится к домену, а что нет, становится понятным только после создания теории этого домена, поэтому на ранних этапах исследования трудно отделить элементы, которые войдут в состав теории от элементов, которые окажутся несущественными. Будучи призвано заменить неопозитивистскую дихотомию наблюдаемое — теоретическое, понятие домен не выполнило этой задачи, поскольку не обладает четко выраженным научно-категориальным статусом.

Результаты тенденций, заложенных в историческом направлении, демонстрирует концепция научного прогресса, разрабатываемая американским философом и историком науки Л. Лауданом. Если работы Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, П. Фейерабенда, Н. Хэнсона, Д. Шэпира и др. появлялись в процессе полемики с неопозитивизмом и несут на себе отпечаток этой полемики, то концепция Лаудана представляет собой "чистый" продукт историчес-

кого направления, ее критическая часть направлена уже против Куна, Лакатоса и др. В то же время необходимо отметить, что Д. Лаудан философствует в рамках парадигмы исторического направления, и основное понятие его теории — исследовательская традиция — даже по форме созвучно с исследовательской программой Лакатоса.

"Оригинальность" Д. Лаудана больше всего проявляется в полном отрицании им связи между истинностью и рациональностью научного знания. Обычно, думает Лаудан, считалось, что любая оценка рациональности или научного прогресса неизбежно связана с вопросом истинности научных теорий. Рациональность в этом понимании состоит в принятии таких высказываний о мире, относительно которых у нас имеются достаточные основания верить, что эти высказывания истинны. Прогресс, в свою очередь, обычно понимается как последовательное приобретение истины в процессе аппроксимации и самокоррекции. Я же, продолжает Лаудан, хочу поставить обычную точку зрения с ног на голову, сделав рациональность зависимой от прогрессивности. Рациональность выбора состоит, согласно этой точке зрения, в таком выборе, который является прогрессивным, т.е. который увеличивает проблемно-разрешающую эффективность принимаемых нами теорий.

Понимая, что подобная теория рациональности может показаться странной, Лаудан разъясняет свою точку зрения следующим образом. Философы и ученые со времен Парменида и Платона занимались поисками обоснований науки как деятельности, направленной на достижение истины. Эти попытки все без исключения провалились, поскольку никто не мог доказать, что такая система как наука, со всеми ее методами, может в гарантированном порядке достичь "Истины". Если рациональность состоит в вере только в то, что можно обоснованно считать истинным, и если мы определяем истину в ее классическом, непрагматическом смысле, то наука навсегда останется иррациональной.

Осознав эту дилемму, ряд философов /особенно Пирс, Поппер и Рейхенбах/ попытались связать научную рациональность и истину другим способом, утверждая, что хотя наши теории не являются ни истинными, ни правдоподобными в полном смысле

ле, они представляют собой большее приближение к истине, чем их предшественницы. Такой подход, однако, оказался малоутешительным, поскольку никто не в состоянии даже сказать, что означает быть "ближе к истине", не говоря уже о том, чтобы предложить критерии, при помощи которых можно было бы оценить степень этой близости. Следовательно, если научный прогресс заключается в последовательности теорий, которые представляют собой все большее приближение к истине, то прогресс науки не может быть продемонстрирован. Если же, считает Лаудан, принять его точку зрения и рассматривать науку как исследовательскую систему для решения проблем, если согласиться с мнением, что научный прогресс заключается в решении возрастающего числа важных проблем, и если считать, что рациональность состоит в отборе, который максимально способствует прогрессу науки, то мы окажемся в состоянии показать, как и в какой степени наука вообще, и отдельные науки в особенности, образуют рациональную и прогрессивную систему.

Защищаясь против возможных обвинений в том, что данный подход превращает науку в пустой набор символов и звуков, не имеющий связи с реальностью или "истиной", Л. Лаудан утверждает, что в его модели нет ничего, что исключило бы возможность того, что научные теории являются истинными и что научное познание с течением времени все более и более приближается к истине. Все дело в том, что у нас нет никакого способа в этом убедиться. Такие цели как достижение истины являются утопическими, в том смысле, что мы никогда не смогли бы узнать об их реализации, и они не могут нам помочь, если задача состоит в уяснении способов оценки научных теорий<sup>18</sup>.

Как мы видим, философская позиция, занимаемая Лауданом, достаточно ясна — это агностицизм с прагматическим уклоном. Построить теорию научной рациональности и прогресса, элиминируя понятие истины — заведомо неразрешимая задача, что хорошо известно из истории философии. Характерно, что такие

---

<sup>18</sup> Laudan, L. Progress and its Problems. Berkeley, etc., 1978, p. 125-127.

попытки предпринимаются вновь и вновь, несмотря на очевидные провалы, что только подтверждает принципиальное положение современной марксистско-ленинской теории о глубоком методологическом кризисе, в котором находится буржуазная философия. Кстати, махизм как исторически первая форма буржуазной философии науки уже включал в себя теорию научной реальности, где понятие объективной истины заменялось "принципиальной координацией", "общезначимостью" и т.д., и ленинская критика махизма относится и к современным попыткам элиминировать объективную истину, с какой бы целью они не предпринимались.

Как же совершается научный прогресс, если наука не движется к более объективному познанию мира? Согласно Лаудану, и здесь он развивает известное положение Т.Куна, наука в своей сути — это деятельность по решению проблем. Проблемы решаются посредством научных теорий, которые обладают познавательным значением лишь постольку, поскольку дают приемлемые ответы на интересные вопросы, или, другими словами, дают удовлетворительные решения важных проблем.

Проблемы, которые решают научные теории, делятся на два больших класса. Эмпирические проблемы, или проблемы первого порядка — это вопросы об объектах, составляющих область исследований данной науки. Эмпирические проблемы бывают трех типов: 1. Нерешенные проблемы — это такие эмпирические проблемы, которые еще не решены никакой теорией; 2. Решенные проблемы — это те эмпирические проблемы, которые адекватно решаются какой-либо теорией; 3. Аномальные проблемы — это такие эмпирические проблемы, которые не решены данной теорией, но решаются альтернативными теориями. Ясно, что решенные проблемы свидетельствуют в пользу данной теории, аномальные — против, а нерешенные просто намечают линии будущих теоретических исследований. Используя эту терминологию, можно сказать, что одним из критериев научного прогресса является превращение аномальных и нерешенных проблем в решенные. Для любой теории нужно задать вопрос, сколько проблем она решает и сколько аномалий противоречит ей. Этот вопрос, согласно Лаудану, и является основным средством сравнитель-

ной оценки научных теорий<sup>19</sup>.

Что же означает решить эмпирическую проблему? Попросту говоря, проблему можно считать решенной, если ученые в данном контексте исследования не рассматривают ее больше как вопрос, т.е. когда они убеждены, что понимают, почему сложилась проблемная ситуация. Понятно, что такое понимание обеспечивает теории, и любая ссылка на решенную проблему предполагает существование теории, которая ее решает. Другими словами, когда мы спрашиваем, решена ли проблема, мы на самом деле хотим знать, установлены ли определенные отношения между проблемой и той или иной теорией.

Каковы же эти отношения? Если задать аналогичный вопрос логике науки, он бы ответил: объясняющая теория/ вместе с определенными начальными условиями/ должна содержать точное высказывание об объясняемом факте; теория должна быть либо истинной либо вероятной в высокой степени; адекватное объяснение любого факта должно рассматриваться как неизменное. В противоположность этому Л.Лаудан утверждает, что теория может решать проблему, даже если имеет дело с приблизительной формулировкой; в определении того, решает ли теория проблему, вопрос об истинности или ложности, или степени подтвержденности теории не является релевантным; то, что принимается за решение проблемы в определенное время, не обязательно будет считаться таковым вечно.

В первом тезисе имеется в виду, что предсказания научных теорий обычно не совпадают в точности с лабораторными результатами. Хотя это несовпадение само по себе и является проблемой, но вполне достаточно для решения эмпирических проблем приблизительного соответствия, а лучшим будет решение, дающее наиболее точные экспериментальные результаты.

Далее, какую бы роль вопрос истины не играл в научном исследовании, он не имеет отношения к тому, решает ли теория определенную эмпирическую проблему. Так, все согласятся, что птоломеевская теория эпициклов решала проблему пятых движений планет независимо от того, принимаем ли мы

---

<sup>19</sup> Ibid., pp. 11-18.

ее в качестве истинной. Точно также волновая теория света Т. Янга — независимо от ее истинности — решает проблему дисперсии света, а кислородная теория А. Л. Лавуазье — вопрос о том, почему железо после прокалывания становится тяжелее. В общем виде любая теория  $T$  может рассматриваться как решающая эмпирическую проблему, если  $T$  функционирует в схемах выведения, заключением которых является формулировка проблемы.

Наконец, третье положение Лаудана утверждает изменение критериев разрешимости проблем с течением времени в сторону их ужесточения. Например, к середине 18 в. было показано, что проблема соотношения давления и объема газов может быть решена при помощи допущений о механическом взаимодействии между составляющими их частицами. К концу 19 в., однако, накопилось множество данных, свидетельствующих о том, что традиционная кинетическая теория дает очень неточное описание поведения газов, особенно при низких температурах или высоких давлениях. Короче говоря, опиравшаяся на стандарты экспериментальной точности и адекватности решения проблем, применявшиеся в 18 в., кинетическая теория оказалась неспособной решать свои проблемы в свете новых стандартов и была переработана Ван-дер-Ваальсом<sup>20</sup>.

Таковы основные положения, относящиеся к эмпирическим проблемам /следующая далее их классификация по весомости для нас интереса не представляет/. Легко заметить, что под эмпирическими проблемами Лауданом понимается не что иное, как вопрос о соотношении теоретических предсказаний и экспериментальных результатов, т.е. тот вопрос, который при более "традиционном" подходе оказывается составной частью проблемы истинности теоретического знания. Если бы Лаудан хотел сказать, что вопрос истинности научной теории не исчерпывается "эмпирическими проблемами", т.е. ее эмпирической проверяемостью, то мы бы с ним с удовольствием согласились.

В самом деле, одним из базисных положений марксистской теории познания является требование выйти за пределы знания,

---

<sup>20</sup> Ibid., pp. 22-26.

чтобы решить проблему критерия истины. Таким критерием, как известно, оказывается практика: "В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, несомненность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос"<sup>21</sup>. Эксперимент как одна из форм практики обладает, конечно, важным значением, но не исчерпывает всего содержания практики, на которую опирается наука. Важнейшим элементом такой практики оказываются также технические приложения науки. Кроме того, ~~большую роль~~ в процессе апробации теорий играют методологические принципы или так называемые неэмпирические требования — простота, принципиальная наблюдаемость и т.п.<sup>22</sup>.

Утверждение же И.Лаудана, что вопрос истинности теорий не имеет никакого отношения к их эффективности, конечно, ~~не-~~правильно. В основе подобных взглядов лежит, как уже отмечалась, абсолютизация инструментальной функции научной теории. При этом забывают, что цель научного познания заключается не только в получении знаний, или решении проблем, но и в практическом освоении мира, а такое освоение возможно только при условии, что наши знания правильно фиксируют существенные характеристики окружающей действительности. Другое дело, "могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выразить ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно"<sup>23</sup>. Проблема соотношения абсолютной и относительной истины в общем виде была решена уже основоположниками марксизма, и вызывает удивление беспомощность, с которой оперирует данной проблемой современная буржуазная философия. Пресловутая дилемма абсолютизм — релятивизм, в сущности, основана на непонимании диалектики абсолютной и относительной истины.

Из того факта, что научное познание развивается в фор-

---

21 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.1-2.

22 См.: Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977, с.123-124.

23 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.18, с.123.

ме сменяющих друг друга теорий, каждая из которых частично отражает какой-то уровень сущности, но не может охватить эту сущность полностью, сразу, целиком, и потому всегда содержит элементы ошибки, заблуждения. Буржуазные философы заключали либо о существовании абсолютных истин только в сфере логики и математики, либо о несуществовании истины вообще. В первом случае результатом являлся логический антиисторизм, во втором — исторический релятивизм. Стремление вывести понятие истины за пределы методологии, особенно характерное для Лаудана, свидетельствует о неспособности исторического направления преодолеть указанную дилемму.

Второй крупный класс проблем, с которыми имеют дело научные теории — это, по Лаудану, концептуальные проблемы. Если эмпирические проблемы — это проблемы первого порядка, то концептуальные представляют собой проблемы более высоких порядков, относящиеся к обоснованности теорий, предназначенных для ответов на вопросы первого порядка. Концептуальные проблемы возникают: /1/ когда теория содержит определенные внутренние несоответствия, или когда ее базисные категории остаются смутными и неясными — это внутренние концептуальные проблемы; /2/ когда теория Т приходит в столкновение с другой теорией  $T_I$ , которую сторонники Т находят рационально обоснованной — это внешние концептуальные проблемы. Последним и принадлежит решающая роль в развитии научных теорий.

Между двумя /или несколькими/ теориями могут быть следующие отношения: 1. Следование — из теории Т следует другая теория  $T_I$ ; 2. Подкрепление — Т обеспечивает "рациональные основания" для  $T_I$ ; 3. Совместимость — из Т не следует ничего, что относилось бы к  $T_I$ ; 4. Обратная вероятность — из Т следует отрицание  $T_I$ . Кроме полного следования все другие отношения между теориями могут быть источником концептуальных проблем, но необходимо отметить, что степень серьезности последствий возрастает от подкрепления к несовместимости.

Какие же теории могут сопоставляться с научной теорией и образовывать концептуальные проблемы? Здесь возможны три варианта: /1/ две научные теории из разных областей противостоят друг другу; /2/ научная теория приходит в столкновение с методологическими теориями, принятыми в научном сообществе;

/З/ научная теория приходит в столкновение с какими-либо компонентами преувеличенной картины мира.

В первом случае мы имеем дело с внутринаучными концептуальными проблемами, которые обычно приводят к пересмотру или к замене обеих конфликтующих теорий. Дело в том, что из несовместимости одной теории с другой признанной теорией возникают концептуальные проблемы для обеих. Отношение несовместимости симметрично и неизбежно приведет к сомнениям в валидности обеих членов несовместимой пары теорий. Конечно, это не означает, что ученые должны немедленно отбрасывать одну или обе из конфликтующих теорий, но их несовместимость является указателем слабости.

Во втором случае, когда теория приходит в столкновение с принятыми методологическими нормами, возникают нормативные затруднения. Каждый ученый всегда придерживается определенных взглядов на то, как должно производиться научное исследование, что является адекватным объяснением, как применять экспериментальный контроль и т.д. Каждая историческая эпоха выдвигает свой нормативный образ науки. Эти нормы, с которыми связана оценка теорий, образуют, возможно, главный источник разногласий в истории науки, а также источник наиболее сложных концептуальных проблем, с которыми приходится иметь дело ученым. Хотя ряд известных ученых /в том числе Эйхштейн и Кейре/ иронически относились к идее, что методологические взгляды исследователя могут оказывать существенное влияние на его деятельность, современные исследования по истории науки убедительно доказывают, что судьба большинства важных научных теорий была тесно связана с их методологической оценкой: методологическая обоснованность является одной из важнейших характеристик теории.

Конфликт между методологией и теорией часто решается путем модификации теории, но во многих случаях изменяется сама методология. Например, когда индуктивистская методология Бэкона — Ньютона пришла в противоречие с научными теориями 18 века, постулировавшими существование невосприимчивых частиц и жидкостей, были изменены методологические нормы и разработана гипотетико-дедуктивная методология. Во всех случаях нормативные концептуальные проблемы являются более мощным источ-

ником развития науки, чем это осознают многие историки науки, не говоря уже о философах, которые полностью игнорировали роль методологии в определении достоинств соперничающих теорий. И есть жесткая ирония в том факте, что современные эпистемологи не осознали той решающей роли, которую эпистемология и методология играют в рациональном развитии науки.

Третий тип внешних концептуальных проблем — мировоззренческие проблемы — возникает, когда научная теория приходит в столкновение с какими-то признанными, но на первый взгляд ненаучными убеждениями. Эти убеждения располагаются в таких разных областях как метафизика, логика, этика, теология. Примерами таких столкновений могут служить противоречия между ньютоновской концепцией дальнего действия и лейбницевской онтологией, или между механицистской научной программой, рассматривавшей космос как машину, и "активистскими" теологиями и т.п. В наши дни такой проблемой является диссонанс между квантовой механикой и нашими "философскими" убеждениями о природе причинности, изменения, субстанции и реальности.

Не только несовместимость между наукой и философией или наукой и теологией может вызвать мировоззренческие концептуальные проблемы. К таким же результатам приводят столкновения между научной теорией и идеологией. И хотя находятся мыслители, считающие, что мировоззренческие затруднения являются псевдопроблемами и что любой элемент картины мира, противоречащий науке, должен быть изменен, существование таких затруднений, по мнению Лаудана, образует проблему как для научной теории, так и для мировоззрения<sup>24</sup>.

Оценивая эту часть концепции Лаудана, следует отметить, что ему удалось зафиксировать ряд реальных противоречий, возникающих в процессе развития науки. Действительно, не только внутритеоретические, но и межтеоретические, а также отношения между наукой и философией, наукой и мировоззрением, наукой и методологией образуют те важные компоненты развития, без учета которых трудно получить удовлетворительную модель научного прогресса. Характерно, что метод, используемый Л. Лауданом — это диалектический метод анализа противоречий, хотя

---

24 Laudan L. Progress and its Problems, pp. 45-64.

американский философ и называет их по-другому.

Не следует, конечно, думать, что это сознательное применение той или иной формы диалектики. В данном случае мы имеем дело со стихийной диалектикой, когда объективная диалектика процесса развития находит свое отражение в результатах познания. Об этом свидетельствует непонимание Лауданом роли исследуемых им противоречий. Научный прогресс, согласно Лаудану, состоит в увеличении числа и значимости эмпирических проблем, решаемых новыми теориями, и уменьшении количества аномальных и концептуальных проблем. Каждый раз, когда мы модифицируем теорию или заменяем ее другой, это изменение прогрессивно, если и только если эта последняя оказывается более эффективным средством решения проблем<sup>25</sup>.

Если вдуматься в смысл терминологии, применяемой Л. Лауданом, то оказывается, что прогресс науки состоит в ликвидации противоречий. Рискнем предположить, что такой прогресс давно привел бы к застою, прекращению развития. Другими словами, это модель прогресса, призванная заменить "старое" понимание научного прогресса как движения к истине, явно не выполняет своей задачи. Меньше всего "концептуальных проблем" генерирует теория, основные положения которой соответствуют всем другим признанным теориям, т.е. которая содержит меньше всего научной новизны. Поэтому модель Лаудана не только лишает науку одного из главных источников развития, но и относит к прогрессивным такие изменения, которые даже препятствуют развитию науки.

Переходя к анализу развития собственно научных теорий, Л. Лаудан указывает на необходимость различать по крайней мере два множества высказываний, обозначаемых термином "теория". Во-первых, теориями называют специальные множества связанных между собой принципов /аксиом, гипотез/, при помощи которых можно делать экспериментальные предсказания и давать детальное объяснение каких-либо явлений. Такими теориями являются электромагнитная теория Максвелла, трудовая теория стоимости Маркса и т.п.

Во-вторых, термин "теория" применяют также к гораздо

---

25 Ibid., p. 68.

более общим и труднее проверяемым множествам предпосылок, таким как атомная теория, теория эволюции или кинетическая теория газов. В таких случаях мы ссылаемся не на единичную теорию, а на целый спектр, семейство теорий. Это значение теории и называется исследовательской традицией в концепции Лаудана. Примерами исследовательских традиций служат дарвинизм и квантовая теория, эмпиризм и номинализм, бихевиоризм и фрейдизм, марксизм, механицизм, витализм и т.д. и т.п. Исследовательские традиции /ИТ/ обладают следующими общими чертами: 1. Каждая ИТ включает ряд отдельных теорий, часть которых существует одновременно, а остальные следуют друг за другом; 2. Каждая ИТ включает определенные метафизические и методологические предписания, которые в совокупности индивидуализируют ее и отличают от других ИТ; 3. Каждая ИТ /в отличие от отдельной теории/ проходит ряд различных стадий и имеет длительную историю развития.

Коротко говоря, ИТ представляет собой набор правил для построения отдельных теорий. Часть этих правил образует онтологию, определяющую типы сущностей, возможных в области, к которой относится ИТ. Функция отдельной теории в рамках ИТ состоит в том, чтобы объяснить все эмпирические проблемы в данной области путем редукции их к онтологии ИТ, которая не только устанавливает типы сущностей, но и определяет способы их взаимодействия. Кроме того, ИТ обычно предписывает и процедуры, образующие "законные" методы исследования в рамках данной ИТ. Рабочее определение ИТ выглядит следующим образом: ИТ — это множество общих предположений о сущностях и процессах в изучаемой области, а также о соответствующих методах, которые необходимо применять для исследования проблем и конструирования теорий в данной области<sup>26</sup>.

В отличие от теорий ИТ не являются ни объяснительными, ни предсказывающими, ни непосредственно проверяемыми. Тем не менее они могут объективно оцениваться, поскольку ИТ предоставляют нам средства для решения проблем. Можно сказать,

---

26 Ibid., p.81.

что успешной является такая ИТ, которая посредством составляющих ее теорий ведет к адекватному решению возрастающего числа эмпирических и концептуальных проблем. Связи между ИТ и теориями носят исторический и концептуальный характер. Наиболее важным типом связей является воздействие ИТ на составляющие ее теории.

Во-первых, ИТ посредством своей онтологии и методологии определяет ранг и уровень эмпирических и концептуальных проблем, с которыми будут иметь дело развивающиеся в ее рамках теории. Во-вторых, ИТ определяет тип теорий, которые могут разрабатываться для данной области, исключая из рассмотрения теории, несовместимые с метафизикой или методологией данной ИТ. В-третьих, ИТ играет важную эвристическую роль при разработке специальных научных теорий, опять же посредством своей онтологии, обеспечивая зарождающиеся теории аналогиями, подсказывая способ связи их элементов и т.п. В-четвертых, ИТ выполняет функцию обоснования теорий, т.к. специальные теории включают предпосылки, которые не обосновываются в самой теории и не подтверждаются теми данными, на которых последняя базируется. Обычно эти предпосылки относятся к основным каузальным процессам и сущностям, существование и действие которых в рамках специальной теории принимается как "данное".

Подобно всем другим историческим явлениям, ИТ рождаются, развиваются и умирают. Изменения внутри ИТ происходят, во-первых, через модификацию одной из составляющих ее специальных теорий. Как только ученый разрабатывает теорию, которая более эффективна в решении проблем, он немедленно отбрасывает ее предшественницу. Именно потому, что познавательная лояльность ученых относится к ИТ, а не к отдельным теориям, ученые обычно не цепляются за последние. А поскольку теории изменяются очень быстро, любая успешная ИТ состоит из длительной последовательности специальных теорий.

Второй способ развития ИТ заключается в изменении некоторых базисных элементов, входящих в ядро ИТ. Многие философы отрицают возможность таких изменений. Например, Кун и Лакатос оба утверждали, что объекты, подобные ИТ, состоят из строго определенного и неизменного множества посылок, любое изменение которых продуцирует другую ИТ. Вместо этого, счита-

ет Лаудан, нужно говорить об естественной эволюции ИТ, когда ученые вводят одну-две модификации в центральные предпосылки ИТ с тем, чтобы решить аномальные и концептуальные проблемы, сохраняя остальные предпосылки неизменными. Между последовательными стадиями развития ИТ существует относительная непрерывность, тогда как первая и последняя формулировки методологии и онтологии ИТ могут различаться в более значительной степени.

При данном подходе к развитию ИТ возникает, однако, следующий вопрос: если ИТ подвержена изменениям на столь глубоком уровне и в то же время в каком-то отношении остается той же самой, то как отличить внутренние изменения от смены ИТ? Частично это затруднение снимается, если осознать, что в любой момент времени определенные элементы ИТ являются более центральными, более укрепленными, чем другие. Отказ от этих центральных элементов в самом деле означает выход за рамки ИТ, тогда как менее центральные принципы могут быть изменены без отказа от ИТ.

Подобно Лакатосу Лаудан считает, что определенные элементы ИТ являются "священными" и потому не могут отвергаться без отказа от самой традиции. Но в отличие от Лакатоса последний настаивает на том, что множество элементов, составляющих этот неприкосновенный класс, изменяется во времени<sup>27</sup>.

ИТ воздействует не только на формирование научных теорий, но и на мировоззрение. В случае несовместимости последнего с ИТ возникает концептуальные проблемы, решение которых приводит к изменениям ИТ. Но равным образом может случиться, что в высокой степени успешная ИТ ведет к отбрасыванию мировоззрения, несовместимого с ней, и выработке нового, как произошло, например, в конце 19 в. под воздействием дарвинизма и марксизма.

Наконец, ИТ взаимодействуют друг с другом, и не только путем доминирования одной из соперничающих ИТ. Иногда две или более ИТ могут быть объединены, причем в результате эф-

---

27. Ibid., pp. 81-99.

эффективность новой ИТ возрастает. ИТ могут быть интегрированы без какой-либо серьезной модификации предпосылок каждой из них. В других случаях интеграция требует отречения от некоторых фундаментальных предпосылок каждой из синтезируемых традиций. Тогда принятие новой ИТ связано с отрицанием ее предшественниц. Так называемые научные революции и совершаются путем развития ИТ, новизна которой заключается в способе соединения старых компонентов, а не путем создания ИТ, все компоненты которой были бы революционными и новыми<sup>28</sup>.

Основные моменты своей концепции научного развития Лаудан суммирует следующим образом: 1. Адекватность или эффективность индивидуальных теорий зависит от того, сколько важных эмпирических проблем они решают и сколько значительных аномалий и концептуальных проблем они генерируют. Приемлемость таких теорий связана как с их эффективностью, так и с приемлемостью ИТ, к которым они относятся. 2. Приемлемость ИТ определяется проблемно-разрешающей эффективностью ее последних теорий. 3. Перспективность или рациональность следования ИТ определяется уровнем прогресса, который она демонстрирует. 4. Принятие, отрицание, следование и отбрасывание образуют главные позиции, которые ученые могут занимать по отношению к ИТ и составляющим ее теориям. Определения истинности или ложности иррелевантны приемлемости теорий или ИТ. 5. Все оценки ИТ и теорий должны производиться внутри сравнительного контекста. Учитывается не то, как эффективна или прогрессивна ИТ в таком-то абсолютном смысле, но, скорее, ее эффективность или прогрессивность по сравнению со своими предшественницами<sup>29</sup>.

Какова же реальная значимость центральной категории рассматриваемой концепции? С одной стороны, понятие исследовательская традиция в определенной степени отражает такие реальные аспекты развития научного знания как преобладание научных теорий, наличие групп теорий с общими компонентами, а также иерархичность строения научного знания, когда положения более фундаментальных теорий становятся базис-

---

28 Ibid., pp.101-104.

29 Ibid., pp. 119-120.

ными для теорий более конкретного уровня. В конечном счете введением нового понятия Д.Лаудан фиксирует тот несомненный факт, что термин "теория" в современном употреблении имеет широкий диапазон значений, в котором его философско-методологические аспекты как бы теряются.

К сильным сторонам концепции Лаудана относится также ее историзм. На фоне почти векового засилья позитивизма в западной философии утверждение Лаудана, что рациональная оценка любой теории невозможна без изучения ее исторического развития, а также историзм ее конкурентов<sup>30</sup>, выглядит чуть ли революционным. Конечно, только на этом фоне — для марксизма, как известно, историзм с самого начала был необходимым условием любого гносеологического исследования. К тому же причины, побуждающие Лаудана к историческому изучению науки, совершенно иные и в основном вытекают из отрицания им применимости понятия истинности к характеристике научных теорий. А жаль скоро теории не могут сопоставляться с реальностью, не остается ничего иного, как сравнивать их с другими теориями. Подобным же образом, справедливо указывая на ряд противоречий, возникающих в процессе развития науки между отдельными теориями, а также между научными теориями и идеологией, религией, философией или мировоззрением, Д.Лаудан, как уже отмечалось, не понял истинного значения этих противоречий.

При знакомстве с данной концепцией неизбежно возникает вопрос: Что же дает категория ИТ для лучшего понимания структуры и динамики науки, особенно если учесть существование таких однотипных понятий как парадигма, исследовательская программа и т.п.? Представляется, что несмотря на отдельные разногласия, Д.Лаудан мало в чем развивает модель науки, разработанную другими представителями исторического направления. Если более внимательно проанализировать понятие ИТ, то окажется, что, как и центральные категории Куна, Шапира и др., это понятие употребляется в различных значениях и не обладает характеристиками, необходимыми для научной категории.

---

30 Ibid., p. 193.

Далее, все основные параметры, приписываемые Лауданом ИТ — эффективность, прогрессивность, приемлемость и т.д., — целиком зависят от соответствующих характеристик специальных теорий, образующих ИТ. По нашему мнению, введение нового понятия в данном случае едва ли способствует лучшему пониманию структуры и функций научной теории, на деле просто удваивая эту проблематику. В целом можно отметить, что концепции Лаудана свойственны те же основные недостатки, что и другим концепциям исторического направления, и она не решает задач, поставленных перед ней ее автором.

Подведем некоторые итоги.

I. Историческое направление буржуазной философии науки характеризуется появлением целого ряда новых для традиционной методологии понятий, призванных раскрыть сущность развития и функционирования науки, заменить такие "старые" понятия как теория, факт и т.д., а также преодолеть кризис, возникший в западной философии после краха неопозитивизма. В частности, основной единицей анализа становится не отдельная теория, а такие полиструктурные образования как парадигма, домен, исследовательская программа и т.д.

Введение новых понятий было обусловлено рядом причин: во-первых, категории, применявшиеся для анализа научного знания неопозитивистами, и прежде всего "теория", в контексте западной философии настолько срослись со своими значениями /"стандартная точка зрения"/, что было легче разработать новые понятия для исторического анализа науки, чем изменить смысл старых. Во-вторых, введение новых понятий связано с переходом от внутритеоретического анализа, характерного для логического эмпиризма, к интертеоретическому анализу и имеет своей целью выделение методологических функций, присущих теоретическому знанию.

С другой стороны, реальными объектами, которые изучает методология и которые фиксируют научное знание, являются не парадигмы, программы или традиции, а научные теории. И если не связывать их структуру с узкоформальной стандартной моделью, нет никакой необходимости изобретать новые понятия. Другое дело, что изучать развитие научных теорий следует в широком контексте, учитывая не только интертеоретические от-

ношения, но и социальную детерминацию познания. Неоспоримое преимущество марксистской философии, в частности, проявляется в том, что в ней с самого начала были заложены все те принципы и нормы /историзм, социальная детерминация познания, содержательный анализ знания и др./, к которым в результате мучительных поисков и в искаженной форме приходит современная западная философия науки. Умножение заменяющих понятие "теория" терминов свидетельствует о том, что структура и функции теории как основной формы функционирования и развития научного знания не получили адекватного освещения в работах представителей исторического направления, как не смогли этого сделать и неопозитивисты.

2. Для всех представителей исторического направления в той или иной мере характерно стремление элиминировать вопрос истинности научных теорий из методологии. Это связано прежде всего с расширительной трактовкой теории, когда "базисные высказывания" полностью вводятся в состав теоретических единиц анализа. Такой подход, хотя и избегает некоторых затруднений, связанных с неоднозначностью эмпирической проверки теорий, ведет к релятивизации научного знания и порождает новые проблемы /например, несоизмеримости теорий/, которые историческим направлением не решаются, да и не могут быть решены, пока теории будут рассматриваться как произвольные творения человеческого интеллекта.

3. Воздействие, которое теоретические компоненты оказывают на результаты познания, особенно подчеркивается представителями исторического направления. При этом упускается из виду, что сами исторические концепции также теоретически "нагружены", т.е. изучение истории науки предполагает наличие определенной теории развития. Здесь возникает противоречие, с которым уже столкнулась историческая наука в начале 20 века и которое, если не признавать за теориями истинного значения, неминуемо приводит к историческому релятивизму<sup>31</sup>.

---

<sup>31</sup> Подробнее см.: Уйбо А. Эволюция исторического релятивизма. - Изв. АН ЭССР, 1982, т.31. Сер. общественные науки, № 3.

В самом деле, если теории оказывают решающее влияние на процесс исследования, и если они несоизмеримы, то любая модель развития и функционирования науки /общества, культуры и т.д./ столь же хороша, как и все другие. Фактически же при обосновании своих концепций авторы применяют методы, которые теоретически отвергают. Отсутствие общей теории развития является одним из главных недостатков исторического направления /отсюда — тяга к биологическим аналогиям и "пролиферация" концепций/, но без такой теории, как это следует из работ представителей данного направления, нельзя построить адекватной модели развивающегося научного знания.

Только при помощи общей теории развития — а ею, как известно, является материалистическая диалектика, можно преодолеть дилеммы, с которыми столкнулась буржуазная методология, адекватно воспроизвести процесс научного развития как процесс смены теорий, раскрыть внутреннюю диалектику научной теории как системы со сложной гетерогенной структурой — к такому выводу неизбежно приводит изучение современной западной философии и методологии науки.

## О ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

/Философское значение исследований школы И. Пригожина/

Р.А. Вихалемм, Л.Я. Няпинен

В точных науках интенсивно разрабатывается новое интегральное направление – теории самоорганизации, именуемые теперь общим названием "синергетика"<sup>1</sup>. Традиционно принято считать, что все научные теории в той или иной степени носят диалектический характер. В данной статье, стараясь обратить внимание на диалектическую природу синергетических теорий, мы не ограничимся этим традиционным и несколько неопределенным общим положением. Мы обратим внимание на то обстоятельство, что если теория эволюции Дарвина дала воззрениям Маркса и Энгельса, как они сами об этом писали, естественноисторическую основу в сфере живой природы, то, можно сказать, что синергетика расширила эту основу в сферу неживой природы, причем в отличие от дарвиновской теории, в рамках точных наук. С.П. Курдюмов и Г.Г. Малинецкий уже справедливо подчеркнули, что в синергетике "... впервые делается попытка описать саморазвитие мира в соответствии с его внутренними законами, опираясь на результаты

---

\* Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам – коллеге по кафедре Ю. Таммару и зав. каф. теоретической физики ТГУ И. Пийру – за доброжелательную критику, позволившую внести в текст статьи ряд уточнений.

I Философским аспектам синергетики посвящена кандидатская диссертация Л.Я. Няпинена, выполненная под научным руководством Р.А. Вихалемма. См. автореферат и указанные там публикации: Няпинен Л.Я. Философский анализ понятий "организация" и "самоорганизация" в современном научном познании. Автореф. дис. канд. филос. наук. Тарту, 1984. – 17 с.

целого комплекса точных наук<sup>2</sup>. На центральном месте при этом находится принцип самодвижения материи<sup>3</sup>. Мы хотим в этой связи еще подчеркнуть, что в точных науках впервые только в синергетике замечено диалектическое единство субъекта и объекта<sup>4</sup>, субъективного и объективного, так как анализ проблем самоорганизации привел к осознанию принципиальной ограниченности созерцательной трактовки объективного мира только в форме объекта, противопоставленного субъекту как некоторому внемировому наблюдателю.

Важное направление синергетики – теория диссипативных структур – берет свое начало в работах по термодинамике открытых систем. Ведущая роль в них принадлежит бельгийскому физико-химику, лауреату Нобелевской премии И. Пригожину. В дальнейшем мы опираемся главным образом именно на исследования бриссельской школы /т.е. школы И. Пригожина/.

Традиционный подход точных наук /включая и квантовую механику/ из соотношения субъект – объект элиминирует субъект<sup>5</sup>, пытаясь тем самым достичь "чисто" объективного знания. Такое стремление оправдывают технические потребности

---

2 Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации: Идеи, методы, перспективы. – М. Знание, 1983, с.60. /Новое в жизни, науке, технике. Сер. Математика, кибернетика, № 2./

3 Специально об этом пишется в статье: Рузавин Г.И. Синергетика и принцип самодвижения материи. – Вопросы философии, 1984, № 8, с.39–51.

4 Под субъектом мы понимаем общественного человека как практического и познавательного деятеля, а под объектом – все то, что этой деятельностью выделяется из объективной реальности и на что эта деятельность направлена. Субъект и объект – это неразделимые "полюсы" объективной действительности, рассматриваемой в форме практики.

5 Уже квантовая механика в известном смысле учитывает деятельность субъекта: при определении объективности ссылаются на условия наблюдения. Однако в фундаментальное уравнение квантовой механики эти условия все же не включаются.

человека /общества/. Этот подход охватывает лишь ту часть природы, которая, благодаря процедуре идеализации, является предсказуемой, преобразуемой и манипулируемой. Остальная природа /включаящая в себя и самого человека/ в его поле зрения не попадает. Понимания диалектики субъекта и объекта, обусловленности научной объективности деятельностью субъекта в содержании самих традиционных теорий точных наук нет. Приведем простой, но весьма характерный пример из классической физики, проанализированный Энгельсом. Энгельс указал на Гельмгольца, в рассуждениях которого "не активное сообщение движения, не поднимание гири приводит в движение часы, а пассивная тяжесть гири, хотя сама эта тяжесть выводится из состояния пассивности только благодаря подниманию и снова возвращается к своей пассивности после того, как размоталась цепь, удерживающая гирю..."<sup>6</sup>. Многие современные естествоиспытатели не замечают, что к появлению разного рода эффектов в изучаемых ими экспериментальных системах приводит создание /экспериментатором/ начальных условий. Диалектико-материалистический взгляд на положение дел в точных науках, однако, позволяет акцентировать внимание именно на взаимодействии всех материальных реальностей, на возникновении начальных условий исследуемых процессов. Ф.Энгельс, вспомним, подчеркнул: "Материя, чисто механическое перемещение которой хотя и содержит в себе возможность превращения при благоприятных условиях в теплоту, электричество, химическое действие, жизнь, но которая не в состоянии породить из самой себя эти условия, такая материя потерпела определенный ущерб в своем движении"<sup>7</sup>. Представители математического естествознания, однако, в силу специфики их деятельности как правило пренебрегали диалектико-материалистической философией.

Изучение лишь одной стороны диалектических процессов природы составляло необходимый этап в развитии точных наук. Ф.Энгельс писал: "... Взаимодействие исключает всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное; но вместе с тем оно

---

6 Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

2-е изд., т.20, с 397.

7 Там же, с.360.

есть такой двусторонний процесс, который по своей природе может рассматриваться с двух различных точек зрения; чтобы его понять как целое, его даже необходимо исследовать в отдельности сперва с одной, затем с другой точки зрения, прежде чем можно будет подытожить совокупный результат". Тут же Энгельс, однако, предупредил: "Если же мы односторонне придерживаемся одной точки зрения как абсолютной в противоположность к другой или если мы произвольно перескакиваем с одной точки зрения на другую в зависимости от того, чего в данный момент требуют наши рассуждения, то мы остаемся в плену односторонности метафизического мышления; от нас ускользает связь целого, и мы запутываемся в одном противоречии за другим"<sup>8</sup>.

В объектах традиционной точной науки ученые сталкивались либо с разного рода силами, либо с энергиями. Термин "сила", так же как и термин "энергия", однако, "выражает все явления односторонним образом. Все процессы природы двусторонни: они основываются на отношении между, по меньшей мере, двумя действующими частями, на действии и противодействии"<sup>9</sup>. Представление о силе, как указывает тут же Энгельс, происходит из действия человеческого организма на внешний мир и далее из земной механики. При этом человек считается активной, действенной стороной, а внешний мир — пассивной, воспринимающей массой.

Пренебрежение диалектико-материалистическим методом мышления сказывается, например, и в философской трактовке понятия энтропии. Как известно, это понятие выработано на основе анализа тепловой машины. Энтропию рассматривают как характеристику макросистемы. Эту характеристику связывают с присущей системе ограниченной возможностью получения работы за счет внутренней энергии системы.

Если же с позиции диалектики субъекта и объекта познания рассмотреть, как обстоит дело в обычных тепловых машинах, то можно сказать следующее. Возникновение порядка в рабочем

---

8 Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 483—484.

9 Там же, с. 404.

теле обычных тепловых машин детерминирована не внутренними, а внешними по отношению к рабочему телу силами. А определяют эти силы сам человек. Ведь ограничивающие условия /стенки цилиндра и т.д./ существования и функционирования рабочего тела определяет сам человек. Поэтому в таких системах макроскопический порядок сам по себе /т.е. вне соответствующих внешних условий/ не существует. Приятно отметить, что на это начинают обращать внимания и сами ученые<sup>10</sup>. В.Б.Губин исходит из того, что при анализе, например, работы тепловой машины "еще недостаточно анализа свойств объективного мира /точнее, как писал К.Маркс, неверно понимать объективный мир лишь в форме объекта - Р.В., Л.Н./, необходимо также анализировать конкретные действия, совершаемые для получения работы за счет кинетической энергии частиц газа"<sup>11</sup>. Чтобы понять принципиальные основания некоторых важнейших эффектов, автор обращается к анализу работы модельной тепловой машины. Он анализирует, как могут влиять на микросистему /частицы газа/ движения стенок, убирание и восстановление перегородок между цилиндром и холодильником, т.е. анализируется контроль над микросистемой с помощью макропараметра /объема и давления/. В результате показывается, что контроль над микросистемой отнюдь не порождается самой микросистемой. Макропеременные объем, давление, энтропия и т.д. не порожаются автоматически заданием макропеременных.

---

<sup>10</sup> См. опубликованную "в дискуссионном порядке" статью: Губин В.Б. Энтропия как характеристика управляющих действий. - Журнал физической химии. М., Наука, 1980, т.54, вып. 6, с.1529-1536; его же. Проблема развития и второй закон термодинамики. - В сб.: Эволюция материи и ее структурные уровни: Тез. выступлений к III всесоюз. совещ. по философским вопросам современного естествознания. /Москва, 22-24 апреля 1981 г./ - М.: Изд-во АН СССР, 1981, вып.1, с.9-10.

<sup>11</sup> Губин В.Б. Энтропия как характеристика управляющих действий, с.1529.

Проведенный В.Б.Губиным анализ указывает на то, что энтропия, порядок, равновесность или неравновесность, статистика не являются свойствами одной лишь системы из частиц газа, а характеризуют взаимодействие между условиями эксперимента /или квазиэксперимента<sup>12/</sup> и этой системой. Подчеркнем, что эти выводы, к которым приходит В.Б.Губин, относятся к обычным тепловым машинам и соответственно к классической термодинамике. Обобщенная термодинамика /развиваемая И. Пригожиным и его сотрудниками/ и ее объекты в работах В.Б.Губина в виду не имеются.

Традиционный подход точных наук, в соответствии со старыми перед ним практическими задачами, делает упор на устойчивые и линейные ситуации. В классической термодинамике, химической кинетике, кибернетике и в других дисциплинах точной науки неравновесность традиционно рассматривалась как возмущение, препятствующее возникновению равновесной системы. Однако, как заметил уже Ф.Энгельс в "Диалектике природы", на Земле каждое отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение вновь уничтожает отдельное равновесие.

В нелинейной неравновесной термодинамике стало ясно, что устойчивые и линейные ситуации представляют собой лишь частный случай неустойчивых и нелинейных ситуаций<sup>13</sup>. Объект синергетики является развивающимся объектом. Это означает, что в рамках синергетики исследуется объективный механизм развития, совпадающий на некотором сущностном уровне с законами диалектики. Поэтому не удивительно, что перед учеными теперь ставятся такие задачи, которые требуют и диалектического мышления. Синергетика может помочь в изучении упрощенных математических моделей при решении задач, связанных с самыми разнообразными процессами: течения в море и атмосфере, волны в плазме, многие химические реакции в биологических системах, изменение численности определенных биологических сообществ,

<sup>12</sup> В.Б.Губин на квазиэксперимент не ссылается.

<sup>13</sup> Понятия линейности и нелинейности и их взаимоотношение специально рассматриваются в статье: Готт В.С., Жог В.И. Материальное единство мира и единство линейности и нелинейности физических процессов. - Вопросы философии, 1984, № 12, с. 43-53.

формирование организма, восстановление утраченных органов /регенерация/, возникновение научных сообществ, формирование общественного мнения и др. <sup>14</sup>.

В результате развития неклассической термодинамики ученые открыли в природе объекты /процессы/ совершенно нового /для точных наук/ типа - самоорганизующиеся физические и химические системы. Если системы, не превышающие критического значения удаленности от термодинамического равновесия, поддаются принуждению, насилию, манипуляции, контролю и предсказанию, то за надкритической областью неравновесия "управление" развитием системы через граничные условия становится уже невозможным. В таких системах принципиальную роль играют флуктуации в точках бифуркаций, и невозможно предвидеть, когда возникнет следующая бифуркация.

Важно подчеркнуть, что мир как целое, с точки зрения нового физического подхода, представляет собой не изолированную, а открытую систему. Самоорганизация в синергетическом понимании - это в сущности ни что иное, как процесс, приводящий к возникновению целесообразных структур вследствие ограничений, происходящих из открытого мирового целого. По терминологии И.Пригожина эти структуры называются диссипативными, так как они возникают и существуют в условиях сильного термодинамического неравновесия за счет обмена энергией и веществом с окружением. Диссипативные структуры являются очень чувствительными к малым возмущениям /малые возмущения могут вызывать большие качественные изменения/. Данное обстоятельство требует существенного пересмотра наших представлений о взаимосвязях процессов и явлений, в частнос-

---

<sup>14</sup> См., напр.: Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика - теория самоорганизации; Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации /Пер. с англ. В.Ф. Пастушенко; Под ред. Ю.А.Чизмадзева. - М.: Мир, 1979; Хакен Г. Синергетика /Пер. с англ. В.И.Емельянова; Под ред. Ю.Л.Климонтовича и С.М.Осовца. - М.: Мир, 1980.

ти о солнечно-земных связях<sup>15</sup>.

Для объяснения возникновения "исходных" вещества и энергии для всех последующих превращений материальных систем и движений в термодинамически открытой Вселенной ученые уже не вынуждены обращаться к помощи каких-либо внешних агентов, могут сделать вывод, что эти "исходные" вещество и энергия возникли "... естественным путем, путем превращений движения, которые от природы присущи движущейся материи и условия которых должны, следовательно, быть снова воспроизведены материей, хотя бы спустя миллионы лет, более или менее случайным образом, но с необходимостью, внутренне присущей также и случаю"<sup>16</sup>.

Синергетики имеют дело с целостным объектом, который требует и целостного подхода. При этом неклассическая термодинамика акцентирует внимание именно на начальных условиях процессов самоорганизации. Ч. Дарвин не обнаружил бы естественного отбора, если бы не имел представления об искусственном отборе. И. Пригожин и его сотрудники не открыли бы самоорганизацию, если бы не имели представления о научном эксперименте типа опыта Бенара и реакций Белоусова-Жаботинского<sup>17</sup>.

Как отмечают Г. Николис и И. Пригожин<sup>18</sup>, чрезвычайно важную роль при формировании брассельского подхода сыграл прогресс в молекулярной биологии. Пригодились и математические методы, предназначенные для качественного описания динамических систем /наиболее пригодной из них считается теория бифуркаций/. И. Пригожин с сотрудниками, однако, делает акцент на внешних условиях /касающихся размеров системы/, в

15 См.: Шелепин Д. А. О некоторых особенностях взаимосвязи процессов и явлений. — В кн.: Теория познания и современная физика. М.: Наука, 1984, с. 320-334.

16 Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 361.

17 Об этих экспериментах см., напр.: Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах, с. 14, 350-354.

18 Там же, с. 21.

которых система в целом находится. Обобщенная термодинамика уточняет физические условия, при которых возможны процессы самоорганизации, в том числе и жизненные явления. Имея в виду существующее в настоящее время положение исследователя в отношении биологических задач, Г.Николис и И.Пригожин пишут: "В каком-то смысле мы находимся в положении приемльца с другой планеты, который, обнаружив пригородный дом, хочет разобраться в сути этого явления. Конечно, сам по себе дом не противоречит законам механики, иначе бы он развалился. Однако это не относится к существу дела, поскольку интерес представляют технология, которую использовали строители дома, потребности его обитателей и т.д. Понять все это невозможно, не имея представления о соответствующей цивилизации"<sup>19</sup>. Расшифруем это метафоричное высказывание. Его смысл заключается в следующем: невозможно до конца понять и элементы системы, не опираясь на определенные упрощенные модельные представления о системе как о целом, ее функционировании, общих принципах детерминации ее своих элементов. Этот подход противопоставляется именно ходу мысли, который старается складывать систему из деталей.

И.Пригожин, как он сам /в соавторстве с философом Изабелла Стенжер/ указывает<sup>20</sup>, начал на уровне физики разрабатывать ту /по существу диалектико-материалистическую/ постановку проблемы, которую в своих известных рассуждениях о возникновении организма из оплодотворенного яйца, направленных против Даламбера, ставил Дидро. Именно рассуждениями Дидро начинает свою философско-методологическую статью И.Пригожин и И.Стенжер<sup>21</sup>. Эти рассуждения, как известно, приводит и В.И.Ленин в "Материализме и эмпириокритицизме", в разделе

---

<sup>19</sup> Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах, с 20.

<sup>20</sup> Prigogine I., Stengers I. The New Alliance. - Scientia, 1977, Vol.112, No.5-8(Part 1), pp.319-320, 321.

<sup>21</sup> Prigogine I., Stengers I. The New Alliance. - Scientia, 1977, Vol.112, No.5-8(Part 1), pp.319-332; No.9-12(Part 2), pp.643-453.

"Вместо введения". Он в частности указывает, что на точке зрения Дидро стоял и Ф.Энгельс. Дидро, как отмечает И.Пригожин и И.Стенжер, настаивал на том, что человека необходимо рассматривать как часть изучаемой природы; природа должна быть способной самоорганизоваться вплоть до мыслящего существа.

В классической механике осталось незамеченным, что при изучении динамики следует обратить внимание и на те созданные исследователем условия, благодаря которым динамическое описание становится вообще возможным. Это впервые было обнаружено в квантовой механике. Но несмотря на тот факт, что из квантовомеханического исследования оказались невозможным элиминировать условия измерения и Н.Бором был сформулирован принцип дополнительности, для многих физиков осталась, как отмечают И.Пригожин и И.Стенжер, хотя бы в качестве "эвристической иллюзии" вера в существование пока еще не достигнутого фундаментального уровня описания как идеала объективности. Поэтому требуются еще дополнительные доказательства того, что несмотря на "соблазн попытаться описать физический мир, как если бы мы не были его частью... рассмотрение мира извне - это не цель физики. Ее цель, скорее, - описывать физический мир, как он проявляется нам, принадлежащим ему, через наши измерения" <sup>22</sup>.

Рассуждения и концептуальные предложения И.Пригожина заключаются вкратце в следующем.

Процесс измерения в квантовой механике превращает чистое состояние /обозначаемое волновой функцией/ в смешанное /т.н. редукция волновой функции/. Уравнение Шредингера, однако, описывает переходы лишь между чистыми состояниями. Более того, наблюдаемые определены как эрмитовы операторы, которые также сохраняют чистые состояния. Несмотря на то обстоятельство, что в квантовой механике различают и смешанные состояния, представляемые с помощью матриц плотности, базовые законы квантовой механики формулируются без этих

---

<sup>22</sup> Prigogine I. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences. - San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1980, p.44.

матриц. Использование описания с помощью матриц плотности рассматривается лишь как практическое удобство или приближение.

В классической механике такую же привилегированную позицию занимают орбита или траектория динамической системы.

И. Пригожин предпринимает попытку привести формализм микроскопического описания в соответствие с процессом изменения, который включает в себя необратимость. Он вводит в формализм микроскопического описания новые понятия. Фундаментальную роль среди них играет микроскопический "оператор энтропии". В результате математических преобразований<sup>23</sup> получается новая форма микроскопического уравнения /каким является уравнение Лиувилля в классической или квантовой механике/, содержащая эксплицитно часть, которую можно ассоциировать с функцией Ляпунова. Другими словами, уравнение содержит "обратимую" часть и "необратимую" часть.

Таким образом, макроскопическое термодинамическое различие между обратимыми и необратимыми процессами трансформируется в микроскопическое описание. Такая модификация микроскопического описания и позволяет, по мнению И. Пригожина, сочетать его с физико-химическими процессами, протекающими в системе измерения, через которую оно /это описание/ только и осуществимо.

Тем самым в физико-математическую теорию впервые в точных науках введено "второе время", глубоко коренящееся в флуктуациях на микроскопическом динамическом уровне. Это новое время уже не является простым параметром, чем следует считать время в классической или квантовой механике; оно, как утверждает И. Пригожин, тоже оператор, соответствующий "возрасту" или "внутреннему" времени. Если считать необратимость базовым элементом описания физического мира, мир траекторий и волновых функций уже не может быть изучен изолированно от этой реальной необратимости.

Добавление функции Ляпунова к динамике позволяет сде-

---

23 См., напр.: Prigogine I. Time, Structure and Fluctuations. - Science, 1978, Vol. 201, No. 4358, pp. 783-785; idem. From Being to Becoming, Chapters 8-9 and Append.

лать четкое различие между будущим и прошлым, так же как в макроскопической термодинамике, в которой будущее ассоциируется с большей энтропией. Все же здесь, как указывает И. Пригожин, возможны два описания: в одном описании равновесие достигается в "будущем", в другом - в "прошлом". Проблема заключается в том, как различать эти два способа временной симметрии динамики. Такое различие является фундаментальным свойством живого: даже у самых примитивных форм жизни имеется некоторый аппарат опережающего отражения действительности, живой организм реагирует именно на будущее, а не на прошлые изменения внешних условий <sup>24</sup>.

Различение между прошлым и будущим И. Пригожин рассматривает как пример "простого понятия /primitive concept в смысле Н. Бора <sup>25</sup> - Е.В., Л.Н./, которое в известном смысле предшествует научной деятельности" <sup>26</sup>. Он показывает, что это различие между прошлым и будущим получает объективное оправдание в замкнутой схеме научной деятельности.

Согласно предложенной И. Пригожиным схеме исследовательской деятельности и пояснениям к ней <sup>27</sup>, физическое описание объективной реальности начинается с того, что наблюдатель, изучая обратимые законы динамики, различает прошлое и будущее, когда устанавливает в своей системе наблюдения координаты и моменты изучаемого тела и исследует, как они изменяются во времени. Это приводит его в дальнейшем к открытию неустойчивых динамических систем и к понятиям внутренней случайности и внутренней необратимости. Выясняется, что в силу внутренней необратимости системы могут оказаться в далеком от равновесия состоянии неустойчивости. В сос-

---

24 Ср. в этой связи также: Анохин П.К. Опережающее отражение действительности. - В кн.: Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. М., 1978, с. 7-26.

25 Бор Н. О понятиях причинности и дополнителности. - В кн.: Избранные научные труды. М., 1971, т. II, с. 391-398.

26 Prigogine I. From Being to Becoming, p. 213.

27 Ibid., pp. 212-214.

тояние неустойчивости в результате усиления флуктуаций происходит необратимый переход системы в новое, когерентное, состояние, называемое И. Пригожиным диссипативной структурой.

Дальнейшее наблюдение позволяет выяснить, что необратимые переходы возможны и между диссипативными структурами. Таким образом, неравновесные условия и "историческое измерение" диссипативных структур позволяют понять исходное различие прошлого и будущего и установление условий обратимого движения в системе исследователя как свойства далекой от равновесия системы, развившейся из диссипативной структуры. Тем самым круг замкнется. Это означает, что, по Пригожину, динамическое описание в его новой формулировке позволяло бы, во-первых, понять спонтанное возникновение активных систем /на чем настаивал, как уже отмечалось, французский материалист Дидро/ и, во-вторых, понять некоторые объективные основы самой научной деятельности. "Классический" объект науки предстает теперь как часть нового объекта - открытого эволюционирующего и самоорганизующегося мира, охватывающего и самого субъекта.

Таким образом, исследование диссипативных структур приводит ученого к осознанию того факта, что сам он входит в исследуемый им мир, что объект научного исследования выделяется /определяется/ деятельностью субъекта /существует в форме деятельности/, которая /деятельность/ является субъективной в марксовском смысле, в смысле практики <sup>28</sup>, а не в смысле необъективности. Как раз наоборот - объекты науки /вся физика обратимых процессов, т.е. процессов, в которых прошлое и будущее не различаются/ окажутся не существующими в самой объективной действительности, если последняя понимается созерцательно, только в форме объекта, только как природа "сама по себе". Ведь благодаря открытию диссипативных структур выяснилось, что и с точки зрения точной науки необратимость /различие между прошлым и будущим/ не относится только к субъективному миру /как считал, например, еще А.Эйн-

---

28 См. первый тезис в "Тезисах о Фейербахе" К.Маркса: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.1.

штейн<sup>29</sup> /, а является характеристикой самой природы, только природа описывалась в физике до сих пор неполно, односторонне. Следовательно, с созерцательной точки зрения действительно пришлось бы признать, что физика до сих пор описывала нечто на самом деле не существующее /процессы в природе "самой по себе" не являются обратимыми/.

Конечно, физики и до И.Пригожина прекрасно понимали, что обратимость фундаментальных объективных процессов является идеализацией, которая оправдана лишь в специальных условиях, определяемых соответствующими теориями. Но, тем не менее, физики до сих пор склонны считать, что их теории описывают объективные процессы все же именно так, как они происходят "сами по себе", в самой природе, а не по проекту исследователя, не в заданных им условиях, не через призму его деятельности в природе.

Такое неадекватное осознание специфики научного познания объясняется тем, что ученые склонны любую ссылку на субъект воспринимать как отклонение от объективности. Так, считается, что процедура идеализации, через которую природа познается, касается только способностей субъекта, его приемов познания, средств построения теории, а не самой реальности. Поэтому в содержание научного знания, в ткань научной теории также до сих пор /т.е. до реализации идей И.Пригожина/ входит лишь результат идеализации, а не характеристики деятельности субъекта, хотя и без последней этот результат выглядит, строго говоря, весьма странно, мистически /в каком смысле все-таки существуют, с точки зрения созерцательного материализма, идеализированные объекты?/.

Именно в этой связи исследование диссипативных структур /доказательство их существования в самой природе, т.е. доказательство средствами точных наук самоорганизации природы/ и имеет для самосознания точных наук большое значение, ибо показывает, что деятельность субъекта характеризуется вполне объективно, теми же свойствами, которые присущи самой природе, и такая деятельность входит в исследуемый субъектом объективный мир - мир познается в форме субъек-

---

29 Prigogine I. From Being to Becoming, pp. 202-203.

тивной деятельности и содержание последней вполне объективно-реальное.

Конечно, в работах И. Пригожина и его соавторов принципиально новыми являются именно конкретно-научные достижения и предложения. С чисто философской точки зрения для марксистов ничего принципиально нового в них нет, но все же заслуживают специального внимания вывод И. Пригожина о том, что наука ставит традиционные философские вопросы, хотя и в другом контексте, чем в самой философии<sup>30</sup>, и его анализ /в соавторстве с И. Стенжер/ этих философских вопросов с позиции трактовки науки как "диалога между человеком и миром"<sup>31</sup>. Принципиальные проблемы субъекта и объекта, субъективного и объективного давно решены уже в "Тезисах о Фейербахе" К. Маркса. Ф. Энгельс же, как известно, в свое время подчеркивал в "Диалектике природы", в статье "Старое предисловие к "Анти-Дюрингу". О диалектике", что накопилось много эмпирических фактов, а также изолированных друг от друга научных дисциплин, и поэтому назрела потребность в нахождении связи между ними, а для этого необходимо подняться в область диалектико-материалистической теории. Он настаивал на том, что "... именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой"<sup>32</sup>. Широко известны и те конкретные примеры Ф. Энгельса, где диалектика уже применялась: закон сохранения и превращения энергии, клеточная и эволюционная теория. "Благодаря этим трем великим открытиям, — писал Энгельс, — основные процессы

---

30 Prigogine I. Wandlungen der Wissenschaft - Kultur und Wissenschaft heute. - Wirtschaft und Wissenschaft, 1977, Jg. 24, N. 3, S. 22-32.

31 Prigogine I., Stengers I. Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature. - New York a.o.: Bantam Books, 1984; idem. Op.cit.

32 Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 367.

природы объяснены, сведены к естественным причинам. Здесь остается добиться еще только одного: объяснить возникнове-ние жизни из неорганической природы...<sup>33</sup> В этой связи существенно следующее замечание Энгельса: "То, что жизнь есть результат всей природы, нисколько не противоречит тому обстоятельству, что белок, являющийся исключительным самостоятельным носителем жизни, возникает при определенных, даваемых всей связью природы условиях, но при всем том именно как продукт некоторого химического процесса"<sup>34</sup>.

Теперь мы можем добавить к приведенным Энгельсом примерам открытие диссипативных структур. В исследовании этого явления И.Пригожин и др. используют /имплицитно/ именно диалектико-материалистическую логику и теорию познания. Это открытие, конечно, не является единственным, сделанным в естествознании после Энгельса, в котором непосредственно проявляется диалектико-материалистическая логика мышления. Однако, как нам представляется /надеемся, что отчасти удалось это показать и в данной статье, а также в ранее опубликованных работах/, философские выводы из исследований школы И.Пригожина имеют особенно важное значение, сравнимое с высокой оценкой, данной К.Марксом теории эволюции, так что можно действительно говорить о естественнонаучной основе диалектико-материалистического мировоззрения. Хотя и пока еще пригожинский синтез динамики и термодинамики, макро- и микроописания /в некотором смысле - классической и статистической механики, квантовой механики и

---

<sup>33</sup> Энгельс Ф. Диалектика природы. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.20, с.512.

<sup>34</sup> Там же, с.514.

термодинамики/ не получил общего признания <sup>35</sup>, с точки зрения марксистской философии такой синтез выглядит весьма естественным, ибо его логико-гносеологической основой является диалектическое единство субъективного и объективного, трактовка действительности не только в форме объекта, а и в форме человеческой деятельности, возникшей в результате саморазвития природы.

---

35 Например, один из рецензентов пишет: "Насколько удачными окажутся эти попытки переработать физику, пока еще неизвестно"

Hooker C. (Rev.:) I. Prigogine. From Being to Becoming: Time and Complexity in the Physical Sciences. - Philosophy of Science, 1984, Vol.51, No.2, p.357; Denbigh K.G. (Rev.:) Prigogine, I. (1980). From Being to Becoming. - The British Journal for the Philosophy of Science, 1982, Vol.33, No.3, pp.325-329.

## ЦЕЛЬ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИМИТАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

А. Каскпайн

В методологико-гносеологической литературе наука часто рассматривается как решение познавательных проблем. Тогда проблема, отражающая сложившиеся в практике или в познании противоречия, выступает фактором, непосредственно детерминирующим как направление последующего научного поиска, так и выбор средств исследования. Однако исследователи, применяющие такой подход, чаще всего обходят вопрос о целенаправленном характере научной деятельности, не раскрывают роли познавательных целей в исследовании. Между тем, развитие науки в настоящее время в определенных областях исследования, особенно в изучении сложных систем, демонстрирует большую важность постоянного учета в исследовании не только решаемой проблемы, но и поставленной познавательной цели. Отсюда вытекает необходимость уяснения специфики познавательных целей, выявления их значения для организации исследовательского процесса и способов детерминации ими деятельности ученого. В настоящей статье мы рассмотрим постановку цели в применении одного из новейших методов науки — имитационного моделирования сложных систем на ЭВМ. Но прежде чем приступить непосредственно к обсуждению этой темы, дадим краткую характеристику рассматриваемого метода.

Во второй половине XX в. человечество столкнулось с задачами исследования и конструирования объектов нового типа, которые необходимо было рассматривать как сложные системы, а также с проблемой управления ими. В связи с необходимостью справляться с такими задачами рождались многочисленные новые научные направления, среди которых и сис-

темный анализ<sup>1</sup>. Системный анализ, в том виде как он возник на Западе, представляет собой совокупность приемов обработки информации для принятия решений управления при нечетко поставленных целях. При этом само формулирование целей управления требует анализа сложной ситуации как системы<sup>2</sup>. Управление предполагает возможность предсказания поведения управляемого объекта. Так как сложные системы включают очень много взаимосвязанных факторов, то предсказать их поведение, не опираясь на количественный анализ системы, почти невозможно. Использование же языка математики без лишнего упрощения сложной картины взаимодействий внутри системы приводит к таким математическим описаниям, общие свойства которых часто невозможно вывести при помощи дедуктивного аппарата существующих ныне математических теорий. Поэтому практически единственным положительным выходом из создавшейся ситуации чаще всего остается использование вычислительного /имитационного/ эксперимента. Опираясь на способность ЭВМ быстро совершать огромное количество вычислений можно исследовать, как реагируют одни /выходные/ переменные испытываемого описания на изменения в конкретных числовых значениях других /входных/ переменных. Исследуемое описание при этом выступает в роли модели сложного объекта. Это описание имитирует определенные количественно выражаемые аспекты его поведения в мысленно представляемом эксперименте, условия проведения которого задаются принимаемым режимом изменения входных переменных. Учитывая большую реалистичность такого описания сложного объекта и вытекающую из этого тесную связь исследования его с применением ЭВМ, Н.Н.Моисеев определяет имитационную модель как "формализованное описание в ЭВМ

---

1 См. Наппельбаум Э.Д. Системный анализ как программа научных исследований: Структура и ключевые понятия. - В кн.: Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1979. М., 1980, с.57.

2 См.: Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. М., 1982, с.31-33.

изучаемого явления во всей его полноте, на грани нашего понимания\*<sup>3</sup>. Под имитационным моделированием же понимается вся совокупность процедур построения и исследования таких моделей, которая часто рассматривается как состоящая из нескольких последовательных этапов. Расчленение на этапы у разных авторов часто различно, мы же здесь эти вопросы обсуждать не будем.

В заключение настоящей краткой характеристики имитационного моделирования отметим, что в настоящему времени этот метод познания, возникший в тесной связи с решением задач системного анализа, в значительной мере отпочковался от системного анализа и применяется все чаще вне контекста решения чисто прикладных вопросов управления. Он применялся и во многих традиционных научных дисциплинах — в экономике, экологии, математике, даже в историографии, где развивается новый, системный подход к традиционному предмету исследования. Тем самым метод имитационного моделирования на ЭВМ сейчас приобретает значение общенаучного метода. Соответственно повышается и значение решения методологических проблем, связанных с ним.

В настоящей статье затрагиваются некоторые аспекты постановки цели /задачи/ как структурного элемента имитационного моделирования, в частности: 1/ значение постановки цели для имитационного моделирования, 2/ методологическая изученность этой процедуры, 3/ принадлежность постановки цели к числу этапов имитационного моделирования, 4/ необходимость уяснения методологических регулятивов постановки цели, 5/ некоторые регулятивы. В ходе обсуждения этих вопросов автор опирается на конкретно-научную и методологическую литературу из области экологии, где имитационное моделирование применяется уже в течение двадцати лет, а также на общую марксистскую концепцию целеполагания и на концепцию системного подхода В.Н.Сагатовского.

---

<sup>3</sup> Моисеев Н.Н. Предисловие к русскому изданию. — В кн.: Нейлор Т. и др. Машинные имитационные эксперименты с моделями экономических систем. М., 1975, с.6.

Большое значение постановки цели для имитационного моделирования видно из практики применения этого метода в экологии и отражается в методологических установках экологов. Рассмотрим два примера из истории выполнения Международной биологической программы в США, где предпринимались первые более-менее серьезные попытки применения имитационного моделирования в экологии и велись поиски оптимальных методологических правил и организационных форм проведения его.

Дж. Иннис пишет, что ограниченность фондов и отсутствие интегрирующего механизма заставили изменить направление программы исследования травяных экосистем США <sup>4</sup>. Начатая в 1967 г. программа была нацелена на построение моделей отдельных подсистем и процессов экосистемы. В 1969г. переориентировались на создание модели тотальной экосистемы. Четкое определение целей построения модели полной экосистемы, видимо, позволило скоординировать и оптимизировать работы по созданию моделей подсистем. Противоположный пример показала программа исследования листопадных лесов, где многочисленность поставленных целей не допускала возможности построения только одной модели, которая могла бы ответить на все вопросы. Поэтому основное внимание было направлено на построение моделей отдельных процессов, на основе которых в будущем можно было бы составить интегральные модели с достаточно узкой конкретной целью <sup>5</sup>. При этом признавалось, что интеграция моделей процессов в модели более сложные требует каждый раз их переформулировки. Несмотря на то, что данная работа "относительно малая", это

---

<sup>4</sup> Innis G.S. Role of Total Systems Models in the Grassland Biome Study. - In: Systems Analysis and Simulation in Ecology, Vol.III, N.Y.-San Francisco-London, 1975, p.14.

<sup>5</sup> O'Neill R.V. Modeling in the Eastern Deciduous Forest Biome. - In: Systems Analysis and Simulation in Ecology, Vol.III. New York-San Francisco-London, 1975, p.49-72.

все же дополнительная работа. Работа сразу на множестве целей приводит к тому, что ни одна из них не может быть достигнута за необходимое и достаточное только для нее время и с привлечением только минимальных ресурсов.

В основном на базе опыта выполнения Международной биологической программы в 1975 г. К. Уатт пришел к выводу, что очень большие модели, пропагандировавшиеся в прошлом им самим, не оправдали возложенные на них надежды. Они оказались столь сложными и детальными, что стоимость их прогона на ЭВМ стала очень высокой. Основная масса усилий исследователей машинного времени была затрачена на построение моделей, а не на их исследование. С другой стороны, лица, принимающие решения, которые могут иметь экологические последствия, не использовали эти модели. Так как созданные имитационные модели содержали большое количество избыточной информации для решения каждой конкретной проблемы, они оказались непонятными для лиц, принимающих решения. Поэтому К. Уатт заключил, что перспективнее построить целое семейство более простых специализированных моделей для решения отдельных классов проблем, чем одну многоцелевую модель <sup>6</sup>.

Теперь найдены приемы, позволяющие эффективно использовать более универсальные модели для решения частных вопросов. Одним из них является применение т.н. вторичных моделей - регрессионных уравнений, составленных на основе экспериментирования со сложной имитационной моделью <sup>7</sup>. Иногда они считаются даже наилучшими инструментами для предсказания в практике управления экосистемами <sup>8</sup>. Другим способом

---

6 Watt K.E.F. Critique and Comparison of Biome Ecosystem Modelling. - In: Systems Analysis and Simulation in Ecology, Vol.III, New York-San Francisco-London, 1975, p.139-152.

7 Федоров В.В. Имитационные эксперименты: Вторичные модели. - В кн.: Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983, с.248-260.

8 Eberhardt L.L. Applied Systems Ecology: Models, Data and Statistical Methods. - Simulation Councils Proceedings Series, 1975, Vol.5, No.1, New Directions in the Analysis of Ecological Systems. Part I. June 1975, La Jolla, California, p.45-46.

является построение имитационных систем, где основная модель легко упрощается. Например, модель озерной экосистемы MS. CLEANER построена для работы одновременно максимально с двадцатью биотическими и двадцатью абиотическими переменными, но она прогонялась и только с двумя переменными<sup>9</sup>.

Все это не снимает необходимости четкой постановки цели в имитационном моделировании, поскольку на сегодняшний день очевидно, что даже самая универсальная практически реализуемая модель экосистемы не может дать ответы на все возможные вопросы. Сама модель и способ ее исследования должны соответствовать цели моделирования.

Переходим к рассмотрению достигнутого уровня рефлексии над постановкой цели. Большое значение ее для всего процесса имитационного моделирования проявляется в важности учета ее на отдельных этапах моделирования. Наиболее часто необходимость учета цели подчеркивается при рассмотрении выбора отражаемых в модели экологических процессов и описывающих их переменных величин. "Действительное число компонент экосистемы практически бесконечно велико, и учет в модели индивидуально каждой из них практически не только невозможен, но и бесполезен. В зависимости от характера задачи и на основе имеющихся результатов исследования экосистемы при построении модели пренебрегают большей частью компонент, как незначительной, а остальные, оцененные как существенные, агрегируют"<sup>10</sup>. "Размеренность системы определяется непосредственно целью моделирования"<sup>11</sup>. "Определение допустимой степени абстракции — это оценочное решение, которое принимает-

<sup>9</sup> Park R.A. e.a. The Aquatic Ecosystem Model MS! CLEANER. — In: State of the Art in Ecological Modelling. Proceedings of Conference on Ecological Modelling, Copenhagen, Denmark, 28 Aug. — 2 Sept., 1978. Oxford e.a., 1979, p. 579-602.

<sup>10</sup> Айзатуллин Т.А., Шамардина И.П. Математическое моделирование экосистем континентальных водотоков и водоемов. — В кн.: Итоги науки и техники. Серия: Общая экология. Биоценология. Гидробиология, т.5. М., 1980, с 156.

<sup>11</sup> Моделирование морских систем. Л., 1978, с.9.

ся в контексте существующей цели" <sup>12</sup>. "Выбор модели морской экологической системы из множества возможных ее вариантов обуславливается при установлении характеристического вектора системы, то есть при задании набора переменных, определяющих состояние системы, и набора переменных, характеризующих внешние факторы, влияющие на систему" <sup>13</sup>.

Подчеркивание большого значения цели обычно не сопровождается глубоким анализом постановки цели. Во-первых, не все авторы, излагающие основы метода имитационного моделирования, считают постановку цели этапом этого метода. Например, по Ж.Ниуллу моделирование начинается с разграничения системы и определения ее выходов и входов, определения переменных и т.д. Постановку цели /задачи/ он не упоминает в числе этапов моделирования, хотя необходимость учета цели в моделировании им неоднократно подчеркивается <sup>14</sup>. Если же постановку цели и считают необходимым этапом имитационного моделирования, то специфика целей, преследуемых при помощи этого метода, чаще всего остается невыясненной.

Типичным можно считать определение характера целей имитационного моделирования через выделение двух основных классов возможных целей в соответствии с их отношением к практике <sup>15</sup>. Эти классы следующие:

Во-первых, чисто познавательные - изучать поведение исследуемого явления в различных условиях среды, уточнить знания о внутреннем механизме действия системы.

Во-вторых, практические - выбор /суб/оптимальной стратегии управления моделируемым явлением путем "проигрывания"

---

<sup>12</sup> Patten B.C. A Primer for Ecological Modeling and Simulation with Analog and Digital Computers. - In: Systems Analysis and Simulation in Ecology, Vol.I, N.Y.-L., 1971, p.8.

<sup>13</sup> Беляев В.И. Математическое моделирование экосистем морей и океанов. - В кн.: Итоги науки и техники. Серия: Общая экология. Биоценология. Гидробиология, т.5, М., 1980, с.105.

<sup>14</sup> См.: Моделирование морских систем. Л., 1978, гл.1.

<sup>15</sup> См.: Шеннон Р. Имитационное моделирование систем - искусство и наука. М., 1978, с.12.

различных сценариев на математической модели и сравнения их результатов с точки зрения некоторого критерия полезности или эффективности.

Нам кажется, что характеристика некоторой конкретной цели имитационного моделирования с сугубо прагматической стороны явно недостаточна для организации всего процесса моделирования. При помощи ее можно только выбрать общий тип плана имитационного эксперимента, но о свойствах намеченной модели мы мало что узнаем.

Только отдельные экологи в своих работах предлагают определенные регулятивы для постановки цели имитационного моделирования. К.Холмиг считает, что надо определить индикаторные переменные, которые могут использовать администраторы-заказчики, чтобы понять, насколько хорошие результаты дадут различные управляющие воздействия. Следует также принять решения относительно рассматриваемого набора управляющих воздействий, временного интервала и шага по времени, пространственных рамок и масштаба, а также включения тех или иных параметров экосистемы в модель <sup>16</sup>.

Т.Г.Гильманов считает нужным указать в формулировке цели "тех биогеохимических процессов в экосистеме, которые должны отражаться моделью, установление пространственной и временной шкалы и желаемой точности изображения в модели исследуемых процессов..." <sup>17</sup>. Необходимо отметить, что сами предлагаемые регулятивы не обосновываются, также не обосновывается их необходимость и достаточность для организации постановки цели имитационного моделирования.

Приступим теперь к рассмотрению вопроса о том, нужно ли считать постановку цели необходимым этапом имитационного моделирования. То обстоятельство, что постановку цели часто

---

<sup>16</sup> Экологические системы: Адаптивная оценка и управление. М., 1981, с. 63-64.

<sup>17</sup> Гильманов Т.Г. Методы системной динамики в моделировании биогеохимических циклов. - В кн.: Имитационное моделирование и экология: Материалы подготовительного семинара СКОПЕ по проекту № 5 "Имитационное моделирование". Москва, 15-16 ноября 1974 г. М., 1975, с.28.

либо не считают этапом рассматриваемого метода, либо, если и считают им, но не предлагают никаких регулятивов для проведения ее, указывает на то, что цель имитационного моделирования очень тесно связана со "средой" метода — проблемами науки и практики. Эта связь настолько сильна, что можно полагать, будто цель автоматически вытекает из проблем и поэтому регулятивы здесь ни к чему. Человеческие цели вообще действительно вытекают из проблем, которые возникают до целей и независимо от них. Отражение целью проблемной ситуации дает ей объективное содержание<sup>18</sup>. Но наиболее непосредственно цели отражают не сами проблемные ситуации, а их желаемые решения. Определенное конкретное решение предполагает и определенные конкретные средства его достижения. Поэтому каждая цель отражает и средства решения проблемы<sup>19</sup>. Тесная связь между целью и средствами дает основание полагать, что такому специфическому средству как методу имитационного моделирования соответствуют и специфические цели, достижимые при его помощи. Так как постановка таких целей может производиться только с учетом специфики средств, то постановку цели имитационного моделирования следует считать этапом применения этого метода.

Предполагаемая нами специфичность целей имитационного моделирования дает нам основание надеяться на то, что можно выяснить определенные регулятивы постановки таких целей. Но нужно ли вообще выяснение регулятивов? Ведь "в пределах сознания мы встречаемся с разными, с точки зрения познавательного отражения, уровнями и различными степенями осознанности цели. Существует различие между целью в ее непосредственном реальном функционировании в качестве момента осуществляющейся деятельности и рефлексией о ней"<sup>20</sup>. Попытаемся доказать, что методу имитационного моделирования внутренне свойственна тенденция опираться на сознательную и упорядоченную постановку

18 См.: Макаров М.Г. Категория "цель" в марксистской философии и критика теологии. Л., 1977, с.11-12.

19 Там же, с.13.

20 Там же, с.8

цели. Мы исходим из концепции системной деятельности В.Н. Сагатовского <sup>21</sup>. По его определению, системная деятельность — это деятельность, необходимая и достаточная для достижения намеченной ранее цели. Система же — средство этой деятельности, также только необходимое и достаточное условие для достижения цели. Мы не считаем возможным принять безоговорочно все положения концепции В.Н. Сагатовского, в частности онтологизацию им понятий "проблемная ситуация" и "цель". Мы также не считаем, что содержание понятия "система" в целом исчерпывается ее свойством быть необходимым и достаточным средством — это приводит к отрицанию специфики системного подхода как феномена XX в. Однако мы считаем, что система в рассматриваемом здесь смысле служит для человека средством, необходимым и достаточным для достижения цели. По крайней мере, такая характеристика уместна для всех созданных самим человеком систем.

В настоящей работе одна разновидность системной деятельности — имитационное моделирование — сама рассматривается как система в понимании В.Н. Сагатовского, то есть как необходимое и достаточное средство для достижения определенной цели. Элементами этой системы выступают этапы метода — виды деятельности, в идеале только необходимые и достаточные для достижения цели моделирования. Первым из этих этапов является постановка цели. Следовательно, и она должна включать только необходимые и достаточные моменты для достижения цели. Значение такого требования очень большое, так как цель "как закон определяет способ и характер ... действий" <sup>22</sup> в ходе своей реализации в человеческой деятельности. Чем четче известен закон, тем легче можно ему следовать, тем меньше ненужных действий приходится пред-

---

<sup>21</sup> Сагатовский В.Н. Опыт построения категориального аппарата системного подхода. — Философские науки, 1976, № 3, с. 67-78; Сагатовский В.Н. Системная деятельность и ее философское осмысление. — В кн.: Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М., 1981, с. 52-68.

<sup>22</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

принимать. Это на первый взгляд даже парадоксально: чтобы оптимизировать всю деятельность, чтобы затратить на нее минимальное количество времени, сил и средств, надо как можно больше поработать над постановкой цели, наиболее конкретизировать ее.

Такое правило имеет веские онтологические основания. Для выявления их рассмотрим в начале материальную деятельность человека. "Поскольку человек практически осуществляет в этом мире природы свои цели, постольку его целевая деятельность не может не быть согласованной с объективной закономерностью природы"<sup>23</sup> "... Человек есть существо природы, результат ее развития ... его целевая деятельность и теоретически не может быть чем-либо иным, чем действительным закономерности самой природы"<sup>24</sup>. Цель же есть "идеально деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельности; их идеальный, внутренне-побуждающий мотив"<sup>25</sup>. Итак, практико-преобразовательная деятельность человека есть объективный природный процесс, где взаимодействует ряд тел, процессов, явлений. Вследствие такого взаимодействия эти тела, процессы, явления переходят в некоторое новое состояние, определенные черты, свойства которого важны для человека. Для их достижения и было организовано это взаимодействие. С этой точки зрения весь процесс распадается на результат /предусмотренный частично в цели/ и средства, включающие и саму деятельность, направленную на достижение цели. Конкретизация цели представляет собой качественное и количественное определение желаемых свойств результата, его пространственного и временного масштабов. Каждая черта этой конкретизации означает ограничение требующих учета связей объекта деятельности со своей средой. Ведь определенные свойства объекта обнаруживаются в строго определенных условиях, в оп-

23 Трубников Н.Н. О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1968, с.32.

24 Там же.

25 Трубников Н. Цель. - В кн.: Философская энциклопедия. М., 1970, т.5, с.459

ределенных взаимодействиях со средой. Следовательно, сужается круг возможных средств деятельности. Чем четче определена цель, тем ограниченнее и определеннее качество и количество средств деятельности и способов деятельности субъекта, тем целесообразнее сама деятельность.

В познавательной деятельности, которая отделилась от материально-преобразующей и связана с последней через свои цели и средства, сохраняются те же свойства целеполагания. Чем конкретнее определена цель познания /в конкретных науках - это знание определенного типа и уровня о некотором фрагменте или "разрезе" объективной реальности/, тем уже определен необходимый и достаточный набор средств для достижения ее.

Теперь мы можем утверждать, что имитационное моделирование как системная деятельность должно в идеале опираться на сознательно поставленную цель. При том именно максимально конкретизированная цель будет способствовать наибольшей рациональности последующих действий.

Попытаемся выявить более конкретные регулятивы, которыми полезно руководствоваться при постановке цели имитационного моделирования. Для этого будем опять исходить из тезиса "цель - это воображаемый результат деятельности".

С помощью конкретных методов познания можно получить информацию, имеющую определенные постоянные характеристики. Например, классификация дает представление о совокупности объектов, распределенных по классам согласно некоторым признакам; наблюдение дает представление о поведении определенных характеристик объекта и некотором интервале времени и условий и т.д. Эти свойства выдаваемой информации /результата/ и разграничивают некоторый класс познавательных целей. Они задают абстрактное пространство признаков для каждой конкретной цели, достижимой с помощью данного метода. Требование конкретизации цели познания для достижения максимальной целесообразности конкретного приложения метода может реализоваться только в границах этого общего абстрактного пространства признаков при строгой ограниченности числа признаков. На основе опыта применения имитационного моделирования

мы можем сказать, что этот метод позволяет: описать и предсказать в сочетании с объяснением или без него динамику конечного числа численно выражаемых свойств объекта, имеющего определенные пространственные и временные масштабы, в определенных условиях с определенной количественной точностью и пространственно-временной деятельностью <sup>26</sup>. При каждой конкретной постановке цели возможно конкретизировать именно эти, как мы увидим, совпадающие в основном с предложенными К.Холингом, аспекты цели. Это, конечно, не значит, что в постановке цели имитационного моделирования нельзя указать большее число моментов, однако дополнительные сведения в ней касаются уже не самой непосредственной цели моделирования, а скорее ограничений или желаний относительно средств моделирования или же более отдаленных целей исследования. Модель — это средство исследования, и поэтому положения Т.Г.Гильманова о том, что в формулировке цели моделирования должны присутствовать указания на те процессы объективной реальности, которые необходимо отражать в модели, относятся в данном случае к средству. Такой же характер имеют положения о том, что моделирование предпринимается для построения теории или выработки мероприятий управления.

Реальные формулировки цели в имитационном моделировании, видимо, не содержат всегда всех выделенных нами конкретизирующих определений. Но в том и проявляется "различие между целью в ее непосредственном реальном функционировании в качестве момента осуществляющейся деятельности и рефлексией о ней" <sup>27</sup>. В действительности все отмеченные моменты целеполагания должны функционировать в имитационном моделировании в силу специфики самого метода либо осознанно либо неосознанно.

---

26 Некоторыми авторами объяснительная функция имитационных моделей оспаривается. Этот вопрос рассматривается в нашей работе: Кескпайк А. Объяснительная функция имитационных моделей в экологии. — В кн. Teaduslugu ja nütudisaeg: III va-barikliku teduslookov. teesid. Наукоеведение в наши дни: Тез. Ш респ. конф. по наукоеведению. Таллин, 1984, с.179-187.

27 См.: Макаров М.Г. Ук.соч., с.8.

Они должны быть определены если не на этапе постановки цели, то на том этапе моделирования, на который они непосредственно влияют, где они представляют собой "внутренний закон" деятельности. Можно показать, что без определения всех перечисленных моментов постановки цели в имитационном моделировании обойтись нельзя. Без указания того, должна ли объясняться предсказуемая динамика объекта или нет, нельзя определить требуемую глубину проникновения в сущность моделируемого объекта в ходе составления модели. Без определения входных переменных моделирование невозможно. Без знания временных и пространственных границ моделируемого объекта и моделируемых условий его существования нельзя выделить релевантные процессы функционирования, отражаемые в модели. Без указания необходимой точности предсказания нельзя при проверке модели отличить удачную модель от неудачной. Без определения шага разрешения модели во времени имитация на цифровой ЭВМ вообще невозможна. Без определения допустимой степени пространственного усреднения предсказания можно получить слишком обобщенные и поэтому неприменимые предсказания. Это лишь примеры, не исчерпывающие всего значения указанных нами возможных моментов конкретизации цели имитационного моделирования, однако, на наш взгляд, их достаточно для обоснования тезиса о том, что эксплицитное определение цели во всех ее доступных конкретизации аспектах полезно.

Подведем итоги. На основе конкретно-научной и методологической литературы из области экологии можно сделать вывод, что в применении метода имитационного моделирования деятельность исследователя в значительной мере непосредственно детерминируется не столько решаемой проблемой, сколько поставленной им целью моделирования, отражающей как проблему, так и средства ее решения /метод исследования/. Зависимость характера цели от средств дает нам основание считать постановку цели самостоятельным этапом метода имитационного моделирования, который нуждается в методологических регулятивах. Марксистское понимание цели как идеально предполагаемого результата деятельности, детерминирующего весь ее ход, с одной стороны, и принятие тезиса об имитационном моделировании как системе действий, необходимой и достаточной для

предсказания поведения сложных систем, с другой стороны, позволяют предложить и основной гносеологический регулятив постановки цели в имитационном моделировании. Это — требование стремиться к наибольшей конкретизации цели в пределах возможностей, predeterminedенных самой природой метода.

## СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ И ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ

Э.Э.Грауберт

Известно, что важнейшей проблемой логической семантики является проблема значения. Более точная постановка вопроса, что считать значением языковых выражений, восходит к работам Г.Фреге. В своей статье "О смысле и значении"<sup>1</sup> он анализирует понятие собственного имени как языкового выражения, обозначающего какой-либо конкретный или абстрактный предмет. В основе семантики Фреге лежит понятие об отношении именования и связанных с этим отношением понятиях о значении и смысле собственного имени. Метод отношения именования базируется на трех следующих принципах: однозначности, предметности и взаимозаменяемости. Принцип однозначности устанавливает, что каждое выражение формализованного языка, относящееся к категории собственных имен, есть имя только одного объекта /Чарч называет этот объект денотатом собственного имени/. Согласно принципу предметности, каждое предложение говорит об объектах, обозначаемых именами, входящими в состав предложения. И, наконец, третий принцип гласит, что если имя, входящее в состав некоторого сложного выражения, заменить другим именем, имеющим тот же денотат, то полученное сложное имя будет иметь то же значение /денотат/, что и исходное.

Последовательное применение этих принципов связано с определенным рода трудностями. Е.Смирнова и П.Таванец выделяют четыре группы таких трудностей<sup>2</sup>: трудности, связанные с использованием негативных высказываний существования, с анализом утверждений равенства /тождества/, с использова-

---

1 Frege G. Über Sinn und Bedeutung. - Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd.180, (1892).

2 Смирнова Е.Д., Таванец В.Д. Семантика в логике. - В сб.: Логическая семантика и модальная логика. М., 1967, с.29-48.

нием пустых терминов, и, наконец, трудности, связанные с проблемой интенциональных контекстов, содержащих пропозициональные установки типа "знает, что", "полагает, что", "верит, что" и т.п.

Правда, частично эти трудности преодолеваются в семантической теории Фреге с помощью различения смысла и значений имен. При этом существенным моментом фреговской теории имен является то, что имя — это имя своего денотата, но не своего смысла. То есть имя обозначает свой денотат и выражает смысл. Денотатом предложения является его значение истинности, а смыслом — выражаемое им суждение. Необходимость различения значения /денотата/ и смысла вытекает из того, что существуют имена, обозначающие один и тот же предмет, но имеющие разное содержание /смысл/. Например, имена "Вечерняя звезда" и "Утренняя звезда" обозначают один и тот же предмет — планету Венера, а смысл у них разный.

Ограниченность теории Фреге заключается прежде всего в том, что в ее пределах не удастся решить проблему интенциональных контекстов. Впервые на это указывал Б. Рассел. В качестве примера он взял такое предложение как "Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверлея". Согласно одному из основных принципов теории имен — принципу взаимозаменяемости, в языковом выражении один термин можно заменить другим: если оба они обозначают один и тот же объект. В расселевском примере таким выражением является "Вальтер Скотт" и "автор Веверлея". В результате подстановки тождественных получим новое предложение: "Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом". Это предложение не является истинным, так как Георг IV вовсе не хотел знать, верен ли частный случай закона тождества. Итак, в результате нарушения принципа замены равного равным возникает антиномия.

Известно, что парадоксами интенциональных контекстов интересовались уже античные логики. Так, Аристотель приписывает Эбулиду парадокс, известный под именем "Покрытый". Этот парадокс заключается в следующем: "Можешь ли ты узнать своего отца? Да. Можешь ли ты узнать этого покрытого человека? Нет. Ты противоречишь себе, потому что этот покрытый чело-

век - твой отец. Следовательно, ты одновременно и знаешь, и не знаешь своего отца" <sup>3</sup>.

Но о более систематизированных и детальных исследованиях по проблемам интенциональности можно говорить, лишь начиная с 60-х годов нашего века. На XII философском конгрессе в 1958 году в центре внимания уже стояли проблемы, связанные с логическим аспектом значения и со способами построения интенциональных исчислений /в отличие от экстенциональных/. Обсуждение данных проблем стимулировало и создание различных вариантов эпистемической логики, задачей которой и является построение адекватной семантики для интенциональных контекстов.

Базируясь на идее, согласно которой "способы преодоления трудностей и парадоксов логической семантики являются своего рода пробным камнем, позволяющим оценить ту или иную семантическую систему" <sup>4</sup>, можно считать, что самой плодотворной семантикой, построенной в настоящее время, является семантика возможных миров Я.Хинтикки <sup>5</sup>.

Согласно Я.Хинтикки, область значений переменных - мыслимые объекты. Если в качестве элементов области значения переменных рассматривать мыслимые объекты, то квантор существования говорит не о реальном существовании, а лишь о существовании в качестве мыслимого объекта. Хинтиковский подход помогает преодолеть парадоксы интенциональных контекстов, так как проблема не сводится больше к тому, какой индивид актуально характеризует данный термин, а к тому, какие возможности существуют относительно актуального мира.

Проанализируем еще раз расселевский пример. Пусть у нас имеется предложение "Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверлея". Естественно понимать термин "автор Веверлея" как единичный термин, денотат которого в актуальном мире может быть либо пустым /если бы существование "Веверлея" как литературного произведения оказалось

<sup>3</sup> Попов П.С., Стажкин Н.И. Развитие логической идеи от античности до эпохи Возрождения. М., 1974, с.23-24.

<sup>4</sup> Смирнова Е.Д., Таванец П.В. Семантика в логике, с.5.

<sup>5</sup> Грауберг Э.Э. Понятие "возможных миров" и его познавательное значение: К вопросу о социально-практической детерминации логики. - Уч. зап Тарт. ун-та, 1983, вып.653.

чистой легендой, либо одноэлементным классом /единственным элементом которого в действительности является Вальтер Скотт/. Парадоксальная ситуация возникает в том случае, если в приведенном предложении на место термина "автор Веверлея" поставить термин "Вальтер Скотт", что допустимо согласно вышеописанному принципу взаимозаменяемости, так как оба они имеют одинаковый денотат в актуальном мире.

По нашему мнению, Я.Хинтикакка совершенно прав в том, что совпадение значений /денотатов/ двух терминов в актуальном мире не может служить общим критерием их взаимозаменяемости. Финский логик считает, что данную парадоксальную ситуацию можно преодолеть лишь посредством идентификации индивидов и из различных возможных миров с помощью метода кросс-идентификации. Предложение "Георг IV хотел знать, является ли Вальтер Скотт автором Веверлея" представляется в семантике финского логика как " $(\exists x)\alpha$  знает, что  $(\beta = x)$  истинно в  $W$ , если и только если существует такой индивид  $x$ , что в каждой  $\alpha$ -альтернативе к  $W$  сингулярный термин " $\beta$ " выделяет один и тот же индивид. При этом  $\alpha$ -альтернативы к  $W$  - это лишь потенциальные миры в отношении к актуальному миру. В приведенной формуле " $\alpha$ " обозначает "Георга IV", " $x$ " - автора Веверлея и " $\beta$ " - Вальтера Скотта. В семантической теории Я.Хинтикакки денотаты терминов "автор Веверлея" и "Вальтер Скотт" не совпадают, Вальтер Скотт скрывал свое авторство - в этом смысл вопроса короля.

Итак, в силу того, что значения /денотаты/ терминов "автор Веверлея" и "Вальтер Скотт" не совпадают, принцип взаимозаменяемости не действует в рассматриваемом примере. Этим и преодолевается парадоксальная ситуация.

Положение, согласно которому значением собственного имени является не реально существующая вещь, а ее образ, позволяет преодолеть не только парадоксы интенциональных контекстов, но и чисто технические проблемы логической семантики, а также многие философские проблемы.

В качестве примера возьмем картезианский принцип "я мыслю, следовательно я существую" /"cogito ergo sum"/. В настоящее время имеются попытки анализировать логическую природу данного принципа. Одна такая попытка принадлежит

Я. Хинтикка <sup>6</sup>. Проблема заключается в следующем: является ли картезианский принцип логическим или он представляет собой интуитивное положение, не обладающее надлежащей ясностью?

Сам Декарт говорит, что бытие /существование/ логически выводится из мышления. Проверим последнее положение. Пусть "Ba" означает "я мыслю", формула " $\exists x(x=a)$ " означает "я существую". Тогда принцип "cogito ergo sum" можно представить в виде импликации " $Ba \supset \exists x(x=a)$ ". Имея формулы "Ba" и " $Ba \supset \exists x(x=a)$ ", мы можем получить формулу "Bx". Следовательно, доказательство формулы " $Ba \supset \exists x(x=a)$ " не зависит от содержания предиката "e". Данный анализ свидетельствует, что достоверность картезианского принципа определяется не его логической природой.

Проблема, является ли существование свойствам /предикатом/ объектов, которой философы и логики Европы интересовались начиная от Декарта до Рассела, получила последовательное решение только в настоящее время. Нетрадиционные логики доказали, что введение знака существования /"E"/ в данный язык без противоречия возможно лишь тогда, когда этот знак приписывается к предикату, а не к объекту.

Следовательно, согласно правилам логики, из предпосылки "я мыслю" можно вывести только одно заключение - "существуют мыслящие субъекты", точно также как из утверждения "я эстонец" выводится не то, что "я существую", а то, что "существуют эстонцы", то есть существа, которые обладают свойством "быть эстонцем".

Значит, современная логика отвергла положение, исходящее от Рассела, согласно которому квантификация переменных в стандартной логике выражает идею существования. Так как язык науки имеет, по ее мнению, дело лишь с актуально данными эмпирическими объектами, то значение переменной находится среди этих объектов. Следовательно, идея квантификации отождествляется с реальным существованием.

Подход Рассела-Куайна не дает возможности решить проблему теории модальности, под которой понимается не только

---

<sup>6</sup> Hintikka J. Cogito Ergo Sum: Inference or Performance.- Philosophical Review, 1962, vol.71, No. 1.

учение о формальной зависимости модальных понятий, но и учение об их содержательной стороне. Так, например, модальности в своем содержательно онтологическом виде выпадают из сферы научного познания, так как они не являются эмпирически заданными объектами.

Надо сказать, что и в советской философской и логической литературе нет еще единого мнения, что считать значением знака — реальную вещь или ее образ? Автор данной статьи солидарен с авторами последней точки зрения. Соглашаясь с положением о денотате собственного имени как образе предмета, подчеркиваем, что согласно теории отражения теоретическое познание внешнего мира сводится к такому мысленному воспроизведению предмета, которое достаточно для целей практического овладения им. Здесь, видимо, уместно упомянуть известное высказывание К.Маркса, что "в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально"<sup>7</sup>. В данном случае у сознания налично предмет, который отражательно не относится к каким-либо существующим предметам, хотя сознание — предметное или интенциональное.

Известно, что принцип интенциональности, то есть вопрос о предметной направленности, является руководящим принципом феноменологической философии Э.Гуссерля, который акцентирует идеалистическое содержание этого принципа. Все акты сознания Э.Гуссерль рассматривает как значимые или интенциональные, указывающие. Он полагает, что всегда есть нозма, с помощью которой акт сознания указывает на объект. Так, например, мысленно возможно представить себе Пегаса, и результатом нашего акта сознания будет нозма, а не объект. Введение понятия нозмы означает, что природа объекта или референта несущественна для феноменологического описания. Согласно Гуссерлю мир /предмет/ существует лишь постольку, поскольку он феноменологически дан сознанию. То есть, мир всегда является миром, имеющим значение. Причем отношение сознания к миру принадлежит миру. В силу сказанного, вместо

---

<sup>7</sup> Маркс К. Капитал, т. I. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 189.

фрегевского понятия референта Э.Гуссерль принимает понятие нозматического поля. Нозматическое поле существует даже тогда, когда нет референта.

Я.Хинтикка считает, что нозма Э.Гуссерля наиболее близка интенциональным объектам кванторной модальной логики <sup>8</sup>. Основную идею Э.Гуссерля Я.Хинтикка сводит к тому, что нозматический смысл не является аргументом, функционально определяющим объект, а функцией. Тогда возможность указания на объект определяется наличием соответствующей нозмы. В силу этого все утверждения и высказывания о "данном бытии" должны быть поняты функционально. То есть объекты не являются независимыми сущностями, а описываются конкретно, в данной ситуации, указании. Также и в семантике Я.Хинтикки нельзя непосредственно указать на объект. На объект можно указать лишь с помощью определенных вспомогательных процедур кросс-идентификации объектов из различных возможных миров, то есть интенционально.

Индивидуализация объектов осуществляется в семантике Я.Хинтикки посредством индивидулирующих функций <sup>9</sup>. Индивидулирующая функция, оказывающаяся по своей природе интенциональной, в некотором смысле совпадает с нозмой Э.Гуссерля. Правда, Я.Хинтикка исходит из предположения, что можно одновременно утверждать нечто как о нозме, так и о соответствующем ей объекте или референте. Согласно Э.Гуссерлю, возможность непосредственного анализа объекта означает разрушение принципа интенциональности.

Таким образом, теория Я.Хинтикки позволяет преодолеть как парадоксы интенциональных контекстов, так и многие философские проблемы логической семантики благодаря тому, что она отвергает точку зрения Рассела-Куайна, согласно которой реальное существование выражается квантором существования. В философском плане такая абсолютизация ведет к

---

8 Hintikka J. The Intention of Intentionality and other New Models for Modalities. Dordrecht, 1977, p.192-222.

9 Грауберг Э.Э. Понятие "возможных миров" и его познавательное значение: К вопросу о социально-практической детерминации логики. - Уч.зап. Тарт.ун-та, 1983, вып.653.

разного рода спекуляциям. В этом смысле показателем весь опыт неопозитивистской философии.

Действительно, вопрос о реальном существовании никак не может быть решен на аналитическом уровне, так как логика исследует мыслимые объекты. А вопрос о реальном существовании мыслимых объектов является уже не логическим, а философским вопросом.

При решении данного вопроса марксистско-ленинская философия исходит из положения о различении двух видов существования: объективного, действительного и субъективного как субъективного образа объективного мира в восприятиях и представлениях познающего субъекта. Однако не все, что существует в сознании человека имеет объективную природу, и не все, что существует объективно, выражается в мыслях. Так, например, существуют ложные мысли и еще непознанные вещи. Субъективное существование, следовательно, принадлежит не всем предметам объективного, действительного мира. Субъективным существованием обладает только то, что выражено в языке. А в языке могут быть описаны и реально не существующие объекты. Если описание в языке соответствует реально существующему объекту, то говорится, что мыслимое — истинно. Вопрос о соответствии или несоответствии наших мыслей объективной действительности решается в плане общественно-исторической практики. К.Маркс пишет: "Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос" <sup>10</sup>.

Практика является критерием истины прежде всего потому, что она представляет собой не мысленную, а объективно существующую связь человека с внешним миром. Именно в практике осуществляется переход от мысли к действительности.

Итак, на основе вышесказанного можно предположить, что

---

10 Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.1-2.

как семантика возможных миров Я.Хинтикки, так и понятие интенциональности не являются выдумкой, фикцией, а помогают характеризовать многие реальные ситуации процесса познания. Но рациональная интерпретация этих понятий возможна лишь с позиций теории отражения. Марксистская теория отражения тем и отличается от различных концепций созерцательного материализма, что процесс познания рассматривается в плане практики, то есть как активный, созерцательный процесс. К.Маркс писал: "Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной чувственной деятельности как таковой" II.

---

II Маркс К. Тезисы о Фейербахе. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.1.

## ПЕРВЫЙ АКТ ПОЗИТИВИСТСКОЙ КРИТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА:

### БЕНТАМ ПРОТИВ БЛЭКСТОУНА

И. Н. Грязин

Кризисные явления в развитии позитивизма, начавшиеся в методологии науки в середине 50-х годов нашего столетия затронули и область юриспруденции. Специфика юридического позитивизма и правосознания в целом не привела немарксистскую юридическую мысль к прямому копированию общенаучных постпозитивистских концепций, а в некотором смысле вернула ее к истокам зарождения юридического позитивизма, т.е. к классическим концепциям естественного права. Таким образом, совершающийся постепенный переход на позиции естественно-правовой методологии может быть рассмотрен как обратный по отношению к рождению позитивизма из критики теории естественного права классического периода /т.е. эпохи кризиса феодализма и совершения ранних буржуазных революций/. Анализ позитивистской критики естественного права представляет значительный интерес тем более, что позитивистская позиция относительно теории естественного права представляется несколько более содержательной, чем простое обвинение в метафизичности или простое отбрасывание этой теории. Ниже будет предпринята попытка представить анализ основных аргументов позитивизма против теории естественного права в том виде, как они впервые появились. История развития буржуазной правовой мысли подтвердила, что их характер со временем существенно не изменился. С точки зрения совершающегося возврата к позициям естественного права они представляют интерес как аргументы, оказавшиеся несостоятельными в новых исторических и идеологических условиях, но как свойственные определенному типу мышления о праве.

Теоретической основой правового позитивизма, как в его социологическом, так и в аналитическом варианте, считается теория утилитаризма и метод лингвистической терапии, разработанные в трудах выдающегося юриста-философа Джереми Бен-

тама /1748-1832/. Относительно системы капиталистических отношений К.Маркс иронически заметил: "Здесь господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам"<sup>1</sup>. Не останавливаясь в данном случае на хорошо известных моментах позиции самого Бентама, я постараюсь далее указать на его критические высказывания в адрес теории естественного права, которая рассматривалась Бентамом в качестве своего главного оппонента. Именно с этой критики и началась собственно-теоретическая деятельность Бентама.

Основным здесь следует признать его труд, начатый в 1774 г., озаглавленный впоследствии как "Комментарии к комментариям" и посвященный критике "Комментариев законов Англии" Уильяма Блэкстоуна, сторонника теории естественного права, официального юридического авторитета тех времен и преподавателя Оксфордского университета, чьим учеником являлся и сам Бентам.

Работа Блэкстоуна представляет собой капитальное 4-томное исследование действовавшего английского права, его основных принципов и источников, которому предшествует достаточно пространное изложение общетеоретических юридических положений и взглядов. Именно эти положения и составляют основной объект критики Бентама<sup>2</sup>.

Исходным принципом исследования права как системы правил Блэкстоун считает положение о тождестве законов природы и общества, которое выводится непосредственно из единства творящей воли. Дословно: "Когда верховное существо из ничего создало материю, оно вложило в нее определенные принципы, без которых она не может существовать и от которых не может отказаться. Приведа материю в движение, оно установило и за-

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.23, с 187.

2 Ссылки будут даны по изданиям: Bentham J. A Comment on the Commentaries (Ch.Everett, ed.) Oxford: Clarendon Press, 1928; Blackstone W. Commentaries on the Laws of England (9th ed.), L., 1783; Mack M.P. Jeremy Bentham. An Odyssey of Ideas, 1748-1832. L., Melbourne, Toronto: Heinemann, 1962.

коны, которым подчинено все движение". Это может быть отнесено как к законам "механического движения, гравитации, оптики, так и к законам природы и народов" <sup>3</sup>.

Следуя естественно-правовой традиции, Блэкстоун не ограничивает совокупность действующих в обществе законов одними лишь законами природы, но тем не менее рассматривает их в качестве генетической и онтологической основы позитивного законодательства. При этом естественное право в своем чистом виде действует лишь в естественном, природном состоянии человеческого общества <sup>3а</sup>. Однако изначально состояние является переходным в силу того, что человек "создан для общества" и не обладает мужеством продолжать свое изолированное существование.

Определение соотношения естественного права, олицетворенного в законах природы, и выводимых из них взаимоотношений между людьми в естественном состоянии, составляет следующий этап в развитии естественно-правовой теории Блэкстоуна и является одним из ключевых моментов естественно-правовой концепции вообще. Рассматривая естественное право в качестве божественного установления, Блэкстоун однозначно декларирует: "Естественное право является обязательным по всему земному шару, во всех государствах и во все времена: никакие человеческие законы не обладают какой-либо ценностью, если они противоречат ему..." <sup>4</sup>. "Формируемое людьми право основано на едином согласии в понимании естественных взаимоотношений между человеческими сообществами" <sup>5</sup>.

Подлинная противозаконность убийства, поясняет Блэкстоун, проистекает не из его противоречия с позитивным правом, а с моральным чувством, олицетворяющим божественное и естественное право. Это, однако, не означает, что право, создаваемое людьми, лишено всякого самостоятельного смысла. "Относительно дел, которые являются индифферентными... по отношению к высшему праву /т.е. божественному и естествен-

<sup>3</sup> Blackstone W., op. cit., p.38.

<sup>3а</sup> Ibid., p.43.

<sup>4</sup> Ibid., p.41, 91.

<sup>5</sup> Ibid., p.42.

ному праву - И.Г./, как, например, вопрос об экспорте шерсти, низшее законодательство приобретает поле своего собственного влияния и может превратить в незаконные такие действия, которые ранее таковыми не являлись" <sup>6</sup>.

Смысл позитивного права, следовательно, двояк: с одной стороны, выражение и олицетворение естественного права, с другой - регуляция отношений, индифферентных по отношению к естественному праву, т.е. своего рода заполнение его пробелов.

Обращая внимание на принципиальный характер этих положений теории Блэкстоуна, Бентам обнаруживает их логическую парочность, выражающуюся в тавтологичности соответствующих суждений. В первую очередь это относится к тезису о естественном состоянии общества. С одной стороны, предполагается, что естественное состояние - есть состояние, в котором человек находится "до того, пока появятся такого рода вещи, как законы", с другой - утверждается, что в естественном состоянии позитивные законы отсутствуют. "Это то же самое, что доказывать: треугольник - есть геометрическая фигура, обладающая тремя углами", - заключает Бентам <sup>7</sup>. При этом в критике Бентама точно подмечено стремление Блэкстоуна не просто постулировать наличие естественного состояния, но и доказать это, не прибегнув к фактическому материалу, т.е. спекулятивно /Блэкстоуном, в частности, замечено, что естественное состояние общества не является эмпирическим фактом истории, а скорее логической конструкцией/<sup>8</sup>. И именно на этом уровне логических рассуждений обнаруживается тщетность его попытки.

При помощи тавтологии задается, однако, не только наличие естественного состояния как лишенного позитивного закона, но и ряд его более конкретных характеристик, которые, однако, либо игнорируют фактическое положение дел, либо являются производными изначальной тавтологии. Словами Бентама: "В этом естественном состоянии все, как мне кажется, считаются равными. Это значит, что нет ни естественных различий в здоровье,

---

6 Blackstone W., p.43.

7 Bentham o., op. cit., p.57.

8 Blackstone W., op. cit., p.47.

красоте, сноровке, силе, ни гражданского неравенства. То есть там, где нет закона, нет и неравенства, которое им порождается" <sup>9</sup>. По существу недоказанным оказывается и положение о социальном предназначении человека, подкрепляемое лишь ссылками на аналогичные спекулятивные высказывания других авторов.

Если иметь в виду, что Блэкстоун не считает положительное, созданное человеком право правом в полном смысле этого слова /ибо оно может противоречить естественному/, то справедлив вывод Бентама: "Это право состоит отчасти из другого права /т.е. естественного - И.Г./, отчасти из чего-то такого, что вообще не есть право" <sup>10</sup>. Можно полагать, что данная бессодержательность понятия не могла не быть замечена Блэкстоуном, располагавшим обширным фактическим юридическим материалом, и должна была, очевидно, служить промежуточным звеном, связывающим в его теории положительное законодательство с исходным естественным состоянием.

Однако на данном уровне теории Блэкстоуна фиксируется лишь статическая картина соотношения естественного и положительного права, функциональная взаимосвязь которых формируется в ситуации их возможной противоречивости. В анализе этого взаимодействия, данного Бентамом, впервые обнаруживается ряд моментов, которые впоследствии становятся конститутивными элементами правового позитивизма. Бентам отмечает, что действительная противоправность в теории Блэкстоуна проистекает из противоречивости деяния естественному, но не положительному праву, что противоречит даже обиходному словополучению - противоправность - есть бытие против права, следовательно, и против положительного права <sup>11</sup>. Однако эта критика, на мой взгляд, не точна. Если иметь в виду, что положительное право по первому определению Блэкстоуна, не есть право в собственном смысле слова, то действия, противоречащие ему, не являются противоправными. И здесь, вопреки утверждениям Бентама, Блэкстоун логически вполне последователен. Иное

<sup>9</sup> Bentham J., op. cit., p. 57.

<sup>10</sup> Ibid., p. 58.

<sup>11</sup> Ibid., p. 54.

дело, когда критика Бентама приобретает более фактуальный характер. Он пишет: "Если человек вознамерился совершить убийство, его может приостановить... боязнь стать ненавистным и боязнь быть за это повешенным. А боязнь быть повешенным проистекает из человеческого права /т.е. внутрисударственного права/, которое сделало убийство противоправным."<sup>12</sup> Если же предположить противоречие между требованиями естественного и положительного права и полагать в качестве действительного лишь первое, то "связанность" действий человека при помощи второго, оказывается внеправовым, хотя и не менее действенным. Человек окажется перед необходимостью одновременно совершить определенное действие и в то же время воздержаться от него <sup>13</sup>. Так как в реальности такое противоречие невозможно, то, скорее всего, в концепции Блэкстоуна происходит смешение юридической и моральной обязанностей <sup>14</sup>. Можно предположить, что смысл блэкстоуновского естественного права как раз и заключается в системе некоторых внеправовых моральных норм, ошибочно считавшихся им правовыми. Бентам иронически замечает: "В основе всей конструкции нашего автора /Блэкстоуна - И.Г./ лежит нечто, с чем я вполне согласен: он не хочет плохих законов, законов, которые являются неправильными, короче законов, которые ему не нравятся"<sup>15</sup>. Однако далее Блэкстоун идет по неверному пути, объявляя, что такие законы вообще не являются законами и правом. Корень заблуждения Блэкстоуна, по Бентаму, заключается в понимании естественного, а затем и положительного права как критерия "правового" и "неправового", т.е. моральных оценок <sup>16</sup>. Если же право и правовое оказываются в противоречии, то первое перестает соответствовать своему определению и лишается юридического авторитета.

В ответ на это Бентам пишет: "Передо мной свод законов, повелевающих многое, что мне кажется правым, и запрещающих

---

<sup>12</sup> Ibid., p. 55.

<sup>13</sup> Ibid., p. 56.

<sup>14</sup> Ibid., p. 54.

<sup>15</sup> Ibid., p. 71.

<sup>16</sup> Ibid., p. 73, Blackstone W., p. 53.

многое, что не является неправым; некоторые из них являются очень плохими законами, столь плохими, что огорчительно даже думать о них. Значит ли это, что они не являются законами? Далеко нет, но это значит, что их не должно было бы быть<sup>17</sup> /подчеркнуто нами - И.Г./ . Иными словами, валидность положительного права не проистекает из его соответствия естественному праву и, возможно, выражающему его моральному чувству.

Бентамом справедливо отмечена многозначность понимания дел, "индифферентных" по отношению к естественному и отсутствию критерия разделения норм, воплощающих некие высшие нормы и нормы, являющиеся чисто человеческим установлением/Здесь, кстати, возникает и более сложная проблема - если право, созданное человеком, есть результат его усмотрения, то является ли это усмотрение абсолютно свободным или "связанным", "ограниченным"? В последнем случае речь должна идти уже не просто о переводе естественного права в положительное, а о некоторой трансформации, преобразовании/. Истинный смысл индифферентности для общества, считает Бентам, заключается в том, что данное действие не приносит ему ни вреда, ни пользы или /здесь Бентам впервые вводит эти основные понятия своей будущей концепции, заимствованные у Дж.Пристли/ не доставляет обществу ни удовольствий, ни страданий<sup>18</sup>. При этом действительный смысл этих абстрактных категорий "проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению"<sup>19</sup>.

Если считать область "индифферентности" действительной областью созданного человеком права, то следует логический вывод: такое право "принуждает нас . . . совершать то, несовершенство чего не приносит вреда"<sup>20</sup>.

Таким образом, право оказывается у Блэкстоуна бессмыс-

---

17 Bentham J., op. cit., p.72.

18 Ibid., p.56 Перевод терминов "pain" и "pleasure" по В.Д.Зорькину в : История политических учений", М., 1983, с.314.

19 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.3, с. 409.

20 Bentham J., op. cit., p.56.

ленным ограничением безвредных действий и столь же бессмысленным стимулятором действий, не приносящих реальной пользы.

Приступая к анализу положительного права, Блэкстоун вводит определение права второго порядка, характеризующее право теперь уже как специфический юридический феномен. В этом определении можно сжато выделить следующие моменты: право есть:

/1/ правило гражданского поведения,

/2/ предписанное верховной государственностью,

/3/ и определяющее "правое" и "неправое" поведение <sup>21</sup>.

/Положение /1/, по Блэкстоуну, представляет собой характеристику права как чего-то "постоянного, единого и всеобщего" <sup>22</sup>. Вскazyвая отдельные контраргументы, свидетельствующие с неопределенности понятий, входящих в данное Блэкстоуном определение, основная критика Бентама направлена на то, чтобы доказать — понимание права, вводимое Блэкстоуном, оставляет за пределами определения такие явления, которые все же реально /позитивно!/ являются правом или, по крайней мере, с ним столь тесно взаимосвязаны, что не могут быть безоговорочно отброшены без специального анализа. Так, например, полагает Бентам, не все право обладает всеобщностью, ибо существуют частные законы; не все право постоянно, ибо существуют временные законы и т.д. <sup>23</sup>.

Часть /2/ определения права отвергается Бентамом на основании существования в Англии системы общего права. При этом Бентам даже не считает необходимым прямо сослаться на противоречащую определенную классификацию права в Англии, включающую в неписанное право и "общие обычаи или общее право в прямом смысле слова" <sup>24</sup>.

---

<sup>21</sup> Blackstone W., op.cit. p.44-53. Критика относительно части /3/ определения была указана выше.

<sup>22</sup> Ibid., p.44.

<sup>23</sup> Bentham J., op.cit. Здесь же Бентамом вскрывается очередная тавтология: положительное право есть правило гражданского поведения; гражданское же поведение есть поведение согласно гражданскому, т.е. положительному законодательству /там же, с.64/.

<sup>24</sup> Ibid., p.66.

Элемент /2/ определения включает в себя, кроме прочего, и необходимость права быть публично выраженным, доступным<sup>25</sup>. Однако Бентам точно подмечает, что публичная форма выражения права может хотя и считаться его определенным качеством, но отнюдь не его конститутивным элементом: "Обнародование права есть несомненно характеристика чего-то и здесь он /Блэкстоун - И.Г./ вполне прав. Но характеристика чего? Не бытия в качестве права, а его эффективности"<sup>26</sup>.

Внешняя форма выражения права, определенным образом организованная система знаков - текст, ставит в процессе реального функционирования права проблему его взаимосвязи с правовой действительностью, миром, т.е. проблему юридического толкования. Переход к проблеме толкования права не является продолжением логического хода рассуждений Блэкстоуна и носит несколько случайный характер. Концепция толкования предложена в "Комментариях" лишь как заключительная ремарка в главе "О законах вообще"/

Вкратце позиция Блэкстоуна по этому вопросу сводима к следующему: "Наилучшим и более рациональным способом толкования воли законодателя является выявление его намерений того времени, когда законы были созданы. Это возможно посредством знаков, которые являются наиболее естественными и вероятными. Таковыми являются слова, контекст, предмет, последствия, дух и смысл закона". Причем последние - смысл и дух закона, являются наиболее адекватными, близкими по содержанию к действительному значению закона<sup>27</sup>. Здесь следует обратить внимание, что термин, который в данном контексте использует Блэкстоун /reason/, выражает и понимание разумного характера права: особо рельефно это обнаруживается в ходе дальнейших рассуждений, где процесс функционирования и применения общего права рассматривается как постоянное выявление его рационального, разумного смысла<sup>28</sup>.

---

25 Ibid., p.67.

26 Blackstone W., op.cit., p.59.

27 Ibid., p.61

28 Ibid., p.70.

В первом приближении можно заметить, что критика, которую ведет в данном случае Бентам, не отличается значительно от аргументов, высказанных им ранее. Основная их идея заключается в критическом отношении к неопределенности понятия смысла закона, прикрывающего возможность реального судебного произвола<sup>29</sup>. Однако за этой критикой скрыта и более глубокая проблема, анализировавшаяся задолго до утилитарной концепции Бентама. Речь идет о возможном двойком источнике авторитета общего права. Если относительно статутного права можно было бы принять в качестве его авторитетной основы некую волю законодателя, то общее право как обычное и прецедентное, таким явно выраженным источником не обладает.

Обычное право не есть предписание в строгом смысле этого слова<sup>30</sup>. Фактическое установление его требований осуществляется судами, которые могут действовать из различных побуждений, включая, например, и уровень знания правовой традиции<sup>31</sup>. Судья не вводит в действие уже существующее право, а творит его для каждого данного случая заново. Бентам пишет: "Одно дело показать, что существует определенная практика, другое — доказать целесообразность ее установления при помощи силы права"<sup>32</sup>. Иными словами — Бентам указывает на то же практическое следствие, что и Блэкстоун — возможность судебного произвола, но в отличие от последнего Бентам просто фиксирует это как факт данного, сущего, не пытаясь даже лишь в теории это чем-то ограничить.

В данном контексте обнаруживается одна из наиболее принципиальных точек расхождения теории естественного права и зарождавшегося позитивизма. Естественно-правовая концепция исходит из наличия некоторого состояния общества, порождающего фундаментальные разумные формы правового общения. Действия индивидуальных правоприменителей могут, в принципе, вступить в противоречие с этими формами, исказить их действительное содержание. Но это не освобождает их от связи с этим изначально-

---

29 Bentham J. *op.cit.*, pp.119-122.

30 *Ibid.*, p.65.

31 *Ibid.*, p.68.

32 *Ibid.*, p.218.

ным, высшим правом. Возможны две альтернативы — /а/ либо следовать естественному праву, олицетворяемому, например, в юридической традиции в смысле правовых прецедентов; /б/ либо творить нечто, что не является правом. Позитивистская концепция утверждает иное — право является воплощением воли законодателя, которым является либо политически верховная власть, либо авторитет, выполняющий функцию правосудия. В первом случае /например, статутное право Англии/ правоприменитель действительно связан с законодательной волей, которая является отличной от его собственной воли, хотя и эта связь дает значительную свободу его собственному усмотрению. В случае же бытия права в форме общего права функция правотворчества фактически совпадает с правоприменением. В обоих случаях правом оказывается то, что фактически осуществляется правоприменителем. Его действия могут быть подвергнуты оценке, но последняя не является конструктивным элементом права.

Указанные два подхода представляют собой определенные исторические типы правового мышления, что подтверждается конкретными политическими выводами, сделанными Блэкстоуном и Бентамом из их теорий: эти выводы, необходимые при указанных посылах, в определенный момент вступают в противоречие с политическими убеждениями их авторов, на что обратил внимание и комментатор Бентама Ч. Эверетт<sup>33</sup>. Так, консерватор Блэкстоун пишет в духе революционной буржуазии: "Права, установленные богом и природой и которые являются тем самым естественными, как, например, право на жизнь и свободу, не нуждаются в законах, создаваемых человеком... Наоборот, ни одно человеческое законодательство не обладает силой нарушить их до тех пор, пока их обладатель не совершил действия, которое ведет к их потере"<sup>34</sup>. И, наоборот, можно привести высказывание буржуазного реформатора Бентама<sup>35</sup>, направленное против неко-

33 *ibid.*, p.17. Давая здесь ссылку, Эверетт ошибся — далее вместо с. 49 должна быть с. 54.

34 *Blackstone W. Op.cit.*, p.54.

35 К. Маркс охарактеризовал Бентама как "оракула прошлого буржуазного рассудка XIX века" /Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.623/.

торых прав, признание которых было непосредственной целью борьбы буржуазии. Выступая против декларации независимости США, Бентам писал: "Что они /авторы Декларации - И.Г./ имеют в виду, когда пишут, что все люди созданы равными?... Неужели им известен другой путь создания людей кроме того, каким они были созданы сами - иной, чем рождение? Разве человек рождается равным со своими родителями? Равным с властями данной страны? В каком смысле можно в таком случае говорить об их равенстве?"

Относительно политической позиции Блэкстоуна можно все же заметить, что концепция естественных прав человека в его теории имела значительную консервативную направленность, если иметь в виду, что он полагал естественные права реализованными в политической системе Англии XVIII века, закрепившей компромисс между буржуазией и обуржуазившейся аристократией. Причем содержание монархической формы правления рассматривается им как гарантия исполнения прав человека, присущих ему по природе <sup>37</sup>. Идеологичной оговорки, однако, нельзя сделать относительно взглядов Бентама - как уже выше указывалось, вся концепция естественного права опровергается им на основе нетеоретичности в силу неопределенности входящих в нее понятий. Таким образом, противоречие между собственно теоретической конструкцией Бентама и консервативностью политических следствий сохраняется в неослабленном виде и не могла быть незамеченной им самим. Таким образом, причины отхода от теории естественного права носили для Бентама скорее собственно-научный, чем политический характер. Если считать, что в целом классическая теория естественного права являлась в политическом смысле формой выражения юридических стремлений поднимающейся буржуазии и критики действовавшего права и правовой позитивизм - выражением стремления победившей буржуазии зафиксировать, укрепить, систематизировать и оправдать созданное ею право, то следует признать, что либо Блэкстоун опоздал, либо Бентам опередил своими теориями политические требования времени. Имея, однако, в виду, что как Блэкстоун, так и Бентам были активными политическими деятелями, более логично до-

<sup>36</sup> Mack M.P., op.cit., p.176.

<sup>37</sup> Blackstone W., pp.50-51.

пустить, что их разрыв связан скорее с линией разрыва между двумя типами правового мышления, с ситуацией перехода юридической науки к новой парадигме, чем с конкретными политическими соображениями.

Следуя различению, проведенному Кюмом, Бентам обнаруживает в теории естественного права неправомерное, на его взгляд, смешение областей сущего и должного: "Покажите различия между этими двумя областями и призрак естественного права исчезнет"<sup>38</sup>. Из анализа текстов Бентама можно сделать вывод, что им было весьма тонко замечено различие между естественным состоянием общества и правом в этом состоянии. Естественное состояние есть сущее, естественное право представляется должным, следовательно, они не обязательно сопутствуют друг другу. По-видимому, Бентам склонялся к мнению, что должное вообще является делом субъективного усмотрения и не является предметом научно-юридического анализа, это объясняет его резкие выпады против Блэкстоуна за то, что тот выдавал за безупречные истины лишь свое личное мнение. И на самом деле — объективное в праве проистекает в концепции Блэкстоуна не из самого общества, а извне — из провидения высшего разума<sup>39</sup>, то есть должное не выводится из некоего данного сущего. Это, как справедливо полагается Бентамом, открывает путь произвольной спекуляции. Признававшие наличие естественного состояния Локк и Гоббс считали такую стадию общества историческим фактом<sup>40</sup>. Таким образом, можно сказать, что различие теорий естественного права и правового позитивизма основано отнюдь не на признании некоего естественного состояния общества, а на различной методологической позиции, лежащей в их основе.

Тем самым субъективная цель самого Бентама заключалась в переводе юридической науки на путь более фактуального, эмпирического, и как ему, вероятно, представлялась, объективного мышления. Однако это достигалось за счет субъективизации

<sup>38</sup> Mack M.P., op. cit., p.187.

<sup>39</sup> Blackstone W., op.cit., p.39.

<sup>40</sup> Гоббс Т. Избр. произв. М., 1964, т.2, с.153; Локк Д. Избр. философские произв. М., 1960, т.2, с.12-13, 58.

должного и, затем, его исключения из области научно-юридического познания. Тенденции, которые Бентамом были намечены, получили свое развитие в направлении юридического позитивизма.

Если, как здесь уже утверждалось, рассматривать теории естественного права и юридического позитивизма как некие формы, логику мышления о праве, то возникает вопрос — какие моменты объективного процесса правопознания находят в них свое выражение? Относительно полемики Бентама с Блэкстоуном обнаружился первый отличающий эти подходы момент — соотношение теорий естественного права и юридического позитивизма есть, в значительной мере, соотношение спекулятивного и эмпирического в правовой науке, что в данный конкретный период означало, несомненно, переход правосознания на более научный и фактически обоснованный путь развития. Это положение подкрепляется и вторым моментом — позитивизм в своей аналитической ветви, также предвосхищенный Бентамом, поставил впервые четко и однозначно проблему критического пересмотра понятий, входящих в нормативно-правовые тексты, выдвинул требование их четкости и однозначности / правда, впоследствии, с возникновением возрожденной концепции естественного права, последнее переступает уровень рефлексии, созданный позитивизмом, и ставит проблему о рефлексии уже над текстом самой теории права/.

Однако наряду с этим более самоочевидными различиями существует и более глубокая их гносеологическая основа — взаимосвязь дискретного и континуального /здесь — догматического и критического/ в понимании права. Первая, догматически-позитивистская концепция правопознания способна своими эмпирическими и аналитическими методами отражать право как сущее, данное и вводит его нормативность через постулат о воле законодателя или принимает эту нормативность как очевидный социологический факт. При этом развитие права по существу ничем не предопределено однозначно и складывается как совокупность единичных дискретных актов — текстов или фрагментов социального бытия. Критический естественно-правовой подход в отличие от этого рассматривает право как фрагмент более общего объекта — некоего "высшего права", определяющего его динамику и

тенденции. Для такой методологической позиции познание позитивного права через него самого, вне континуального движения относительно естественного права, оказывается недостаточным. Это приводит к другой крайности — к отказу позитивному праву в его определенной самостоятельной ценности. Как вытекает из проделанного анализа, оба эти подхода в отдельности являются метафизическими и, тем самым, взаимоисключающими. В то время, как действительный процесс познания права проходит в диалектике этих двух аспектов мышления о праве.

Подводя итог проделанному анализу, можно отметить, что основной порок концепции естественного права заключается на данном уровне в игнорировании того качественного скачка, который разделяет естественно-природную и социальную форму движения материи. При материалистическом подходе к проблеме зарождения права, основанном на признании определяющего характера соотношения производительных сил и производственных отношений, должное обнаруживается как мера существования, определяемая объективными закономерностями взаимоотношения между социальными явлениями. Словами В.С.Нерсисянца, сущее может проявиться в значении должного, как "императивное свойство бытия, когда оно в своем развитии, определенности и необходимости... выступает как критерий и мерило самого себя" <sup>41</sup>. И позитивистская критика оказывается в данном случае достаточно поверхностной, ограничиваясь выявлением логической противоречивости самой теории естественного права и ее спекулятивности. При этом рационально-теоретический уровень правоознания позитивизмом не развивается, а низводится до уровня эмпиризма и терапии юридическо-теоретического языка.

---

41 Нерсисянц В.С. Право и закон. М., 1983, с.342.

### Авторы

- Э.Н. Лооне - доктор философских наук, ио. профессора кафедры философии Тартуского госуниверситета
- В.Р. Блум - преподаватель кафедры философии Тартуского госуниверситета
- И.С. Нарский - доктор философских наук, профессор ИОН, заслуженный деятель науки РСФСР
- О.А. Подлишевский - кандидат философских наук, ст. научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР
- А.С. Уйбо - кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР
- Р.А. Вихалеми - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Тартуского госуниверситета
- Л.Я. Няпинен - кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Тартуского госуниверситета
- А. Кескпайк - научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР
- Э.Э. Грауберг - кандидат философских наук, зав. кафедрой марксизма-ленинизма Эстонского гос. художественного института, доцент
- И.Н. Грязин - кандидат юридических наук, ст. научный сотрудник кафедры философии Тартуского госуниверситета

## Содержание

Э.Н.Лооне. Классическая концепция понимания в детерминации методологий историографии. ....	3
В.Р.Блэк. Проблема субстрата культуры в этнологии эволюционизма XIX в. ....	29
И.С.Нарский. К вопросу о социальном характере научного познания в связи с содержанием категории "идеальное". ....	40
О.А.Подлишевский. Проблема теоретической нагруженности эмпирических данных науки и социальная детерминация познания /критический анализ позиции Н.Хэнсона и Т.Куна/. ....	60
А.С.Уйбо. Понятие теории в современной методологии науки: "историческое направление". ....	77
Р.А.Вихалемм, Л.Я.Няпинен. О диалектической природе синергетических теорий /философское значение исследований школы И.Пригожина/. ....	108
А.Кескпайк. Цель как структурный элемент имитационного моделирования. ....	125
Э.Э.Грауберг. Семантика возможных миров и проблема значения. ....	140
И.Н.Грязин. Первый акт позитивистской критики естественного права: Бентам против Блэкстоуна. ....	149
Авторы .....	164

Ученые записки Тартуского государственного университета.  
Выпуск 731.  
ДЕТЕРМИНАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ.  
Труды по философии.  
На русском языке.  
Тартуский государственный университет.  
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Вликооли, 18.  
Ответственный редактор Э. Лооне.  
Корректор Л. Овоприенко.  
Подписано к печати 21.02.1986.  
МВ 01798.  
Формат 60x90/16.  
Бумага писчая.  
Машинопись. Ротапринт.  
Учетно-издательских листов 10,16. Печатных листов 10,5.  
Тираж 500.  
Заказ № 115.  
Цена 1 руб. 50 коп.  
Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.